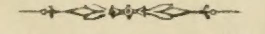

UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00301365 3

ВЪ ПОМОЩЬ УЧАЩИМСЯ —

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ, ПОСВЯЩЕННЫХЪ

ПАМЯТИ ГОГОЛЯ и ЖУКОВСКАГО.

Оттиски изъ II—III в. «Фил. Зап.» за 1902 г.

ВОРОНЕЖЪ.
Типографія В. И. Исаева.
1902.

Дозволено цензурою. Москва, 5—12 октября 1902 г.

ВЪ ПОМОЩЬ УЧАЩИМСЯ —

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ, ПОСВЯЩЕННЫХЪ

ПАМЯТИ

ГОГОЛЯ и ЖУКОВСКАГО.

Оглавленіе.

Вѣнокъ на могилу Гоголя въ пятидесятую годовщину его смерти *).

I.

1852 г. 21 февраля, около 8 часовъ утра, послѣ продолжительныхъ физическихъ и душевныхъ страданій, скончался одинъ изъ величайшихъ писателей первой половины XIX в., Николай Васильевичъ Гоголь. Слава его литературной дѣятельности не только не померкла вмѣстѣ съ угаснувшей жизнью писателя, но, чѣмъ дальше, тѣмъ все большимъ ореоломъ окружала его имя. Сегодня мы собрались здѣсь, чтобы помянуть добрымъ словомъ высоко плодотворную дѣятельность этого писателя, который украсилъ своими безсмертными твореніями блестящія страницы исторіи родной литературы 30-хъ и 40-хъ годовъ, и священный огонь музы котораго еще и въ наши дни продолжаетъ горѣть въ разныхъ произведеніяхъ современной намъ изящной литературы.

«Годъ рожденія Гоголя точно не установленъ»: быть-можетъ, таковымъ нужно считать 1809 г., возможно же, что—1810. Мѣсто рожденія—с. Сорочинцы Миргородскаго уѣзда Полтавской губ. Дѣтство Гоголь провелъ въ Васильевкѣ, селѣ того же уѣзда. Родители его принадлежали къ числу тѣхъ малорусскихъ помѣщиковъ, простой и незатѣйливый бытъ которыхъ впослѣдствіи великій писатель описалъ въ нѣсколькихъ

---

*) Рѣчь, читанная въ **, съ нѣкоторыми измѣненіями. Цитаты и буквальныя заимствованія вообще отмѣчены кавычками.

своихъ произведеніяхъ изъ малороссійской жизни. Мѣсто своего рожденія Гоголь также прославилъ своей всѣмъ извѣстной повѣстью («Сорочинская ярмарка»), а садъ въ Васильевкѣ, находившійся при домѣ отца и существующій до настоящаго времени, воспроизвелъ, какъ говорятъ, въ своемъ знаменитомъ описаніи сада Плюшкина въ «Мертвыхъ душахъ». 11-ти лѣтъ отъ роду Гоголь на короткое время поступаетъ въ Полтавскую гимназію, а вслѣдъ за тѣмъ отецъ его опредѣляетъ въ только что открывшуюся тогда «гимназію высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ». Здѣсь будущій писатель учился въ продолженіе 7 лѣтъ, возвращаясь подъ родительскій кровъ лишь на каникулярное время. Такимъ образомъ дѣтство и ранняя юность великаго писателя протекли среди роскошной, поэтической природы южной Россіи. Въ юной душѣ будущаго поэта запечатлѣлись яркія картины этой природы, начиная съ необъятныхъ южно-русскихъ степей и кончая образомъ величественной рѣки, омывающей высоты первопрестольнаго города древней Руси. Любопытно отмѣтить, что это въ общемъ все тѣ же впечатлѣнія, какія вдохновляли еще музу древнѣйшаго нашего поэта, знаменитаго пѣвца Игорева похода (Вспомнимъ величественный образъ Днѣпра Словутича и Донца, «разстилавшаго передъ Игоремъ зеленую траву на своихъ серебряныхъ берегахъ», а также описаніе природы южныхъ степей).

Возвращаясь къ школьному періоду жизни Гоголя, мы прежде всего должны упомянуть объ отношеніи его къ родителямъ,—всегда тепломъ, сердечномъ, почтительномъ; затѣмъ, нѣсколько остановимся на самой гимназической жизни. Гоголь не принадлежалъ къ числу учениковъ хорошихъ, хотя по нѣкоторымъ предметамъ и оказывалъ блестящіе успѣхи. Такъ, онъ особенно по-

любилъ исторію и литературу, занятіямъ которыми и посвящалъ большую часть своего времени. Кромѣ того, Гоголь любилъ рисовать и особенную страсть питалъ къ театральнымъ представленіямъ. Благодаря его почину, нѣжинскіе гимназисты часто разыгрывали доступныя ихъ исполненію пьесы. Будущій авторъ «Ревизора» участвовалъ въ исполненіи послѣднихъ и очень искусно игралъ роль Простаковой въ «Недорослѣ»—Фонвизина и няни Василисы въ комедіи Крылова: «Урокъ дочкамъ». Нужно имѣть въ виду, что Гоголь познакомился со сценой еще въ домѣ родителей; именно отецъ его былъ авторомъ нѣсколькихъ малорусскихъ комедій, которыя онъ ставилъ на сценѣ въ домѣ своего родственника по женѣ, извѣстнаго малороссійскаго «магната» Трощинскаго. Домъ послѣдняго, по выраженію одного писателя, представлялъ своего рода «Аѳины временъ Гоголева отца». Кромѣ того, комедіи Василія Аѳанасьевича, нѣкоторыя выраженія изъ которыхъ его знаменитый сынъ помѣстилъ въ видѣ эпиграфовъ въ своихъ повѣстяхъ изъ малороссійской жизни, нужно считать однимъ изъ главныхъ источниковъ вдохновеній Гоголя при изображеніи комическихъ эпизодовъ въ «Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки».

Въ Нѣжинской гимназіи, какъ и въ царскосельскомъ лицеѣ, гдѣ воспитывался Пушкинъ, среди учениковъ существовалъ большой интересъ къ литературѣ. И здѣсь издавался ученическій журналъ. Онъ возникъ, опять-таки благодаря почину со стороны Гоголя, носилъ названіе «Звѣзда», редактировался и издавался все тѣмъ же Гоголемъ, который такимъ образомъ уже на школьной скамьѣ сталъ пробовать силу своихъ литературныхъ дарованій. Какъ и всѣ писатели на зарѣ своей дѣятельности, будущій юмористъ началъ съ подражанія

чужимъ образцамъ. Если припомнить, что дѣло происходило въ 20 хъ г.г. прошлаго вѣка, то не трудно догадаться, что это должны были быть главнымъ образомъ произведенія, написанныя высокимъ слогомъ и сентиментально-романтическаго направленія. Однако комическій талантъ Гоголя проявилъ себя уже въ школѣ: извѣстно, что «таинственный карла» (такъ прозвали Гоголя его товарищи за проявлявшуюся въ немъ скрытность) написалъ, напр., сатиру на жителей города Нѣжина, въ которой довольно зло посмѣялся надъ различными слабостями нѣжинскихъ обывателей.

Гоголь уже на школьной скамьѣ сталъ задумываться надъ такими серьезными вопросами, какъ служеніе обществу, государству и даже человѣчеству. Чувствуя въ себѣ присутствіе недюжиннаго таланта, юноша-гимназистъ сталъ мечтать о великой роли, какую, какъ онъ вѣрилъ, готовитъ ему судьба. Такого рода мысли и были причиной того, что Гоголь уже въ гимназіи рѣшилъ искать широкаго поля для своей дѣятельности: такимъ полемъ ему представлялась служба въ Петербургѣ. И вотъ, окончивши курсъ и отдохнувши нѣкоторое время въ родномъ селѣ, Гоголь зимой 1828 г. ѣдетъ въ славный градъ Петра. Будущее рисуется молодому человѣку въ самыхъ свѣтлыхъ краскахъ; онъ вѣритъ въ свою счастливую звѣзду. Первое время однако Гоголю пришлось нѣсколько разочароваться въ своихъ ожиданіяхъ: сначала онъ вовсе не могъ найти службы, потомъ долженъ былъ довольствоваться весьма скромной должностью въ одномъ изъ департаментовъ. Въ это же время онъ издаетъ свое первое произведеніе: «Гансъ Кюхельгартенъ». Это была идиллія—поэма, которую Гоголь началъ писать еще въ гимназіи, и которая вскорѣ послѣ своего выхода въ свѣтъ была предана огню

самимъ авторомъ, какъ неудачное и исполненное недостатковъ произведеніе. Въ 1830-мъ г. Гоголь печатаетъ свою первую повѣсть: «Вечеръ накануне Ивана Купалы». Авторомъ ея заинтересовывается Жуковскій, этотъ добрый геній начинающихъ писателей, а вслѣдъ за нимъ и самъ великій Пушкинъ. Въ это же время Гоголь получаетъ мѣсто учителя исторіи въ младшихъ классахъ женскаго Патріотическаго института въ Петербургѣ, занимается съ дѣтьми нѣсколькихъ аристократическихъ семействъ, какъ домашній учитель; вообще увлекается педагогической дѣятельностью. Мы не можемъ пройти молчаніемъ того теплаго, сердечнаго отношенія къ учащейся молодежи, которымъ такъ отличался Гоголь. Онъ не разъ затрогивалъ въ своихъ прозаическихъ и поэтическихъ произведеніяхъ педагогическіе вопросы, вывелъ рядъ типовъ современныхъ ему воспитателей дѣтей и юношества, наконецъ, сдѣлалъ попытку набросать характеристику идеальнаго педагога, въ лицѣ наставника Тентетникова, Александра Петровича. Не однажды Гоголь и матеріально помогалъ учащейся молодежи.

Въ 1831—32 г.г. вышли въ свѣтъ знаменитые «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки». Они имѣютъ большое историко-литературное значеніе, особенно потому, что появились раньше болѣе значительныхъ прозаическихъ произведеній Пушкина. Вообще необходимо имѣть въ виду, что русская читающая «публика имѣла довольно времени проникнуться произведеніями Гоголя прежде, нежели» (болѣе близко) «познакомилась съ Пушкинымъ, какъ прозаикомъ». Въ «Вечерахъ» обнаружился уже Гоголевскій юморъ, ярко очерченъ рядъ типовъ изъ малорусской дѣйствительности («безпечный мужъ», «сварливая баба», дьячокъ, цыганъ и др.); въ

изображеніи природы замѣтно выступаетъ глубокій лиризмъ. Замѣчательный юморъ и яркость красокъ при изображеніи народной жизни, къ которой тогда пробудился значительный интересъ въ литературѣ, представляли въ то время нѣчто невиданное и совершенно новое, такъ что сразу на начинающаго писателя обратили серьезное вниманіе такіе цѣнители литературныхъ произведеній, какъ Пушкинъ и Жуковскій.

Возвращаюсь къ педагогической дѣятельности Гоголя. Въ институтѣ преподавалъ онъ въ высшей степени увлекательно и своими чудными разсказами очаровывалъ слушательницъ, навсегда сохранившихъ самыя теплыя воспоминанія о своемъ «добромъ, снисходительномъ учителѣ», какъ онѣ его называли. Въ 1833 г., помимо уроковъ въ институтѣ, Гоголь получаетъ каѳедру исторіи въ Петербургскомъ университетѣ. Но великій поэтъ не былъ рожденъ для кропотливой научной дѣятельности: ни для науки, которую преподавалъ приблизительно два года, ни для своихъ слушателей ровно ничего не сдѣлалъ такого, что бы оставило по себѣ сколько-нибудь замѣтный слѣдъ. Гоголь и самъ чувствовалъ, что его влечетъ къ иной дѣятельности Вмѣсто того, чтобы готовиться къ лекціямъ, онъ съ юношескимъ пыломъ работаетъ надъ рядомъ повѣстей изъ малороссійской жизни и исторіи, интересуется и жизнью столицы, изображенію которой и посвящаетъ нѣсколько своихъ произведеній («Шинель», «Женитьбу», «Записки сумасшедшаго» и др.). Въ 1835 г. Гоголь теряетъ уроки въ институтѣ и навсегда покидаетъ профессорскую дѣятельность.

Въ этотъ періодъ своей петербургской жизни Гоголь вращается въ избранномъ кругу тогдашнихъ литераторовъ. Въ живомъ общеніи съ выдающимися пи-

сателями того времени и особенно съ Пушкинымъ Гоголь задумалъ и частью окончилъ, частью только началъ всѣ наиболѣе прославившія его имя произведенія. Интересно отмѣтить то, что и безсмертная комедія: «Ревизоръ», и неподражаемая поэма: «Мертвыя души», приняли литературное крещеніе отъ самого Пушкина, который далъ Гоголю сюжеты для обоихъ названныхъ произведеній. Въ живыхъ, задушевныхъ бесѣдахъ съ творцомъ «Полтавы» и «Евгенія Онѣгина» сложилось у Гоголя и то представленіе о высокомъ призваніи писателя-художника, которое потомъ всю жизнь служило путеводной звѣздой для знаменитаго русскаго юмориста.

19-го апрѣля 1836 г. «Ревизоръ» былъ сыгранъ на Петербургской сценѣ. На публику комедія произвела впечатлѣніе ошеломляющее: ничего подобнаго русская сцена до того времени не знала. Пьеса соединяла въ себѣ невиданный дотолѣ реализмъ изображенія съ замѣчательной художественностью отдѣлки и неподражаемымъ комизмомъ. Правда, незадолго передъ тѣмъ русское общество познакомилось съ знаменитою комедіею Грибоѣдова, но не всѣмъ она нравилась; а Чацкій многимъ, въ томъ числѣ и Пушкину, напоминалъ нѣчто въ родѣ ходульной фигуры Стародума въ комедіи Фонвизина: «Недоросль».

Однако голоса хулителей великой комедіи на первыхъ порахъ заглушили восторженные отзывы истинныхъ цѣнителей произведенія, среди которыхъ находился и самъ императоръ Николай Павловичъ. На автора посыпались обвиненія съ разныхъ сторонъ, особенно изъ лагеря тѣхъ лицъ, которыя узнали въ комедіи самихъ себя или близкихъ имъ по характеру дѣятельности людей. Чтобы стряхнуть съ себя всю эту грязь незаслуженныхъ нападокъ и обвиненій и найти душевное успо-

кеніе, Гоголь отправляется путешествовать за границу; побывавъ въ разныхъ городахъ Западной Европы, великій писатель надолго поселяется въ Римѣ. Его художническая натура сильно плѣнилась вѣчнымъ городомъ, и Гоголь сталъ называть Италію второю родиною своею. Три первые года въ Римѣ были «самымъ свѣтлымъ, самымъ блестящимъ» періодомъ жизни творца «Мертвыхъ душъ»; тогда еще не успѣли развиться у Гоголя физическіе недуги; приступы душевной тоски также еще не давали себя чувствовать; онъ съ успѣхомъ работалъ надъ созданіемъ своей великой поэмы, упиваясь тѣми высоко эстетическими наслажденіями, которыя доступны лишь геніальнымъ художническимъ натурамъ. Возвратившись въ 1839 г. ненадолго въ Россію, Гоголь покидаетъ ее снова, чтобы подъ небомъ Овидія и Данта окончить I томъ своихъ «Мертвыхъ душъ». Работа теперь шла ужъ не такъ успѣшно, мелькали уже по временамъ дни скорби и матеріальной нужды. Послѣ окончанія поэмы въ 1841 г., для Гоголя снова «блеснули красные дни», къ нему возвратилось прежнее жизнерадостное настроеніе духа, но затѣмъ, чтобы ужъ навсегда покинуть «великаго меланхолика», какъ назвалъ однажды Гоголя геніальный сердцевѣдъ Пушкинъ, какъ бы прозрѣвши будущую судьбу автора веселыхъ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки».

Прежде чѣмъ перейти къ послѣднему десятилѣтію жизни Гоголя, скажемъ нѣсколько словъ о «Мертвыхъ душахъ». Какъ уже упомянуто, сюжетъ поэмы далъ Гоголю Пушкинъ. Насколько можно догадываться по отрывочнымъ признаніямъ самого автора поэмы, Пушкинъ разсчитывалъ въ произведеніи послѣдняго увидѣть нѣчто въ родѣ знаменитаго творенія Сервантеса. Замѣчательно то, что въ этомъ отношеніи прозорливецъ-поэтъ не

ошибся: первый томъ поэмы и по юмору, и по глубинѣ психологической правды, и по литературному значенію имѣетъ точки соприкосновенія съ безсмертнымъ «Донъ-Кихотомъ». Гоголь однако съ теченіемъ времени задумалъ измѣнить тонъ творчества, принятый имъ въ началѣ поэмы. Онъ вообще сталъ впослѣдствіи нѣсколько пренебрежительно относиться къ пріемамъ и характеру творчества своихъ сатирическихъ произведеній. Передъ нимъ, какъ идеалъ, сталъ носиться образъ поэта-отшельника, художника и вмѣстѣ религіознаго подвижника, а образцомъ для подражанія въ области поэзіи, повидимому, стала служить знаменитая «Божественная комедія» Данта. По мысли Гоголя, «мертвая душа» героя поэмы первой части, соотвѣтствующей «Аду» Данта, должна была во второй части пройти горнило нравственнаго очищенія («Чистилище» Данта) и, наконецъ, окончательно духовно очиститься и воскреснуть (у Данта «Рай»). Небезынтересно кстати упомянуть о томъ, что подобный же планъ лежитъ въ основаніи того знаменитаго «Воскресенія», съ которымъ русская литература перешла рубежъ, отдѣляющій XIX в. отъ XX-го. 1-ую часть своей великой поэмы Гоголь сталъ теперь называть «ничтожнымъ крыльцомъ къ великолѣпному строящемуся дворцу». Такимъ образомъ знаменитые типы Манилова, Сабакевича, Ноздрева, Коробочки и тому подобныхъ—должны были, по мысли Гоголя, совершенно поблѣднѣть передъ яркими образами иныхъ типовъ, типовъ положительныхъ, которые служили бы для всякаго русскаго человѣка путеводными свѣточами на жизненномъ пути. Въ одномъ изъ писемъ къ Жуковскому, съ которымъ Гоголь продолжалъ поддерживать самыя дружескія отношенія, послѣдній говоритъ, что его уже «давно занимала мысль большого сочиненія, въ кото-

ромъ бы предстало все, что ни есть хорошаго и дурного въ русскомъ человѣкѣ, и обнаружилось бы передъ нимъ свойство нашей русской природы». «Мертвыя души» должны были сыграть для русскаго самосознанія ту же роль, какую сыграли, напр., въ свое время Гомеровы поэмы для самосознанія эллинскаго народа. Какъ извѣстно, столь широко поставленная задача не была выполнена Гоголемъ. Онъ самъ оставался не доволенъ результатами своей работы, и дважды сжигалъ II томъ своего великаго произведенія, почему до насъ дошли лишь жалкіе остатки его въ черновыхъ рукописяхъ.

Необходимо отмѣтить то обстоятельство, что съ 1842 г., года изданія I тома «Мертвыхъ душъ», Гоголь не создаетъ уже болѣе никакихъ «творческихъ плановъ». «Мертвыя души» — его послѣднее «поэтическое дѣтище»; созданію II тома поэмы онъ посвящаетъ проблески своего постепенно угасающаго художническаго вдохновенія. Послѣднее десятилѣтіе жизни Гоголя представляетъ почти сплошь тяжелые годы физическихъ недуговъ и душевныхъ страданій. Мы не будемъ останавливаться на этихъ печальныхъ страницахъ его біографіи: укажемъ только на то, что нравственныя страданія великаго писателя были слѣдствіемъ глубокой чувствительности его натуры и результатомъ его слишкомъ широкихъ замысловъ, съ одной стороны, и невозможности ихъ осуществить, съ другой; кромѣ того, и обстоятельства личной жизни поэта складывались весьма неблагопріятно.

Подобно Пушкину, позднѣе Достоевскому и нѣкоторымъ другимъ писателямъ-поэтамъ, Гоголь въ послѣдній періодъ своей литературной дѣятельности выступилъ въ роли учителя жизни не только, какъ авторъ произведеній изящнаго слова, но и какъ публицистъ. Задачи художника у него отступили какъ бы на задній планъ,

и на первое мѣсто выдвинулись вопросы религіозные, нравственные, общественные.

Уже давно, въ годы гимназической жизни, въ переепискѣ съ матерью, а затѣмъ въ продолженіе всей остальной жизни—въ перепискѣ съ друзьями—великій писатель дѣлился со своими корреспондентами мыслями по выше упомянутымъ вопросамъ. Въ 1846 г. онъ рѣшается выступить съ этими мыслями передъ русскимъ обществомъ и выпускаетъ въ свѣтъ сборникъ статей подъ заглавіемъ: «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями». Въ этихъ статьяхъ Гоголь является глубоко вѣрующимъ православнымъ христіаниномъ, проповѣдникомъ нравственнаго усовершенствованія человѣка на религіозной основѣ и идейнымъ приверженцемъ существующаго общественнаго и государственнаго порядка. Такъ какъ эта книга большинствомъ публики была понята не такъ, какъ желалъ того писатель, то послѣдній нашелъ нужнымъ высказаться яснѣе и откровеннѣе, такъ сказать, раскрыть передъ читателями свою душу, и вотъ онъ пишетъ «Авторскую исповѣдь». Это произведеніе, въ ряду другихъ подобнаго рода, отличается тѣмъ, какъ выражается его біографъ, что носитъ на себѣ слѣды глубокихъ душевныхъ ранъ автора, причиненныхъ ему многострадальной жизнью; вмѣстѣ съ тѣмъ, оно проливаетъ свѣтъ на исторію развитія творчества Гоголя и на характеръ его писательской и духовной личности. Вслѣдъ за выходомъ «Исповѣди», въ началѣ 1843 г., Гоголь ѣдетъ въ Іерусалимъ на поклоненіе гробу Господню. Это паломничество было осуществленіемъ давнишней мечты писателя. Изъ Іерусалима Гоголь возвращается въ Россію. Онъ «поселился въ Москвѣ, откуда по временамъ выѣзжалъ въ Калужскую губернію, въ имѣніе Смирновой», близкой ему по убѣжденіямъ и

чувствамъ особы,—«въ Малоросію и Одессу». Недуги начинаютъ сильнѣе одолѣвать писателя; «душевная бодрость». чѣмъ дальше, тѣмъ больше «угасаетъ». Роковая развязка быстро приближалась, и неумѣлое лѣченье тогдашнихъ врачей, ихъ неосторожное обращеніе съ паціентомъ ускорили наступленіе конца. 21-го февраля великаго писателя не стало; съ предсмертными загадочными словами: «лѣстницу, лѣстницу», Гоголь отошелъ въ вѣчность.

II.

Какое же наслѣдство оставилъ этотъ многострадальный писатель родной литературѣ, которой онъ всегда служилъ «вѣрой, правдой и силой»? Этотъ вопросъ едва ли не самый запутанный и самый трудный въ исторіи русской литературы XIX вѣка. Наши критики еще не пришли къ окончательному соглашенію относительно разграниченія областей вліяній на исторію новѣйшей русской литературы Пушкина и Гоголя. Въ то время, какъ одни называютъ Гоголя отцомъ текущаго литературнаго направленія, другіе отводятъ ему мѣсто лишь послѣдователя Пушкина, которагo одного и ставятъ во главѣ новѣйшей литературы. Изъ массы разнорѣчивыхъ взглядовъ по этому вопросу мы постараемся извлечь лишь то, что, по нашему разумѣнію, менѣе всего можетъ считаться спорнымъ, и, гдѣ понадобится, укажемъ на факты, которые въ нашихъ глазахъ заслуживаютъ вниманія при рѣшеніи вопроса.

Уже самая возможность спора относительно того, кого изъ двухъ писателей слѣдуетъ ставить во главѣ текущаго направленія литературы, указываетъ на совмѣстную работу обоихъ писателей въ дѣлѣ созданія этого направленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ самый бѣглый про-

смотръ литературныхъ именъ минувшаго столѣтія долженъ быть признанъ характернымъ въ томъ отношеніи, что онъ приводитъ къ заключенію о существованіи рѣзкой грани между двумя подчасъ враждебными лагерями: Майковъ, Фетъ, Полонскій.... и, съ другой стороны, Некрасовъ, Салтыковъ, Глѣбъ Успенскій.... пусть попробуетъ какой-либо Аристархъ свести обѣ литературныя группы къ одному и тому же роднику вдохновившей ихъ поэзіи! Мало того: есть писатели, которые, если принять во вниманіе ихъ собственныя показанія по интересующему насъ вопросу и, съ другой стороны, въ противовѣсъ этимъ послѣднимъ, просмотрѣть отзывы критики, должны оказаться какъ бы сидящими между двухъ стульевъ (таковы: Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій...). Послѣ этого краткаго вступленія перехожу къ изложенію своего взгляда на вопросъ.

За Пушкинымъ остается несомнѣнное преимущество старшинства, какъ за писателемъ, выступившимъ на литературное поприще еще до поступленія Гоголя въ гимназію. Ему же принадлежитъ та заслуга, что онъ «установилъ на русской почвѣ начала искусства» и «положилъ начало реальному направленію въ русской поэзіи» и искусствѣ вообще. Что касается Гоголя, то онъ «развилъ этотъ реализмъ», въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ приблизилъ его къ натурализму, и является такимъ образомъ отцомъ натуральной школы. Что еще важнѣе съ затронутой нами точки зрѣнія,—Гоголь положилъ начало сатирическому и юмористическому изображенію отрицательныхъ сторонъ дѣйствительности на основѣ требованій здраваго реализма въ искусствѣ. Авторъ «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ» далъ намъ непревзойденные до сихъ поръ образцы отрицательно-прекраснаго въ русской поэзіи, и въ этомъ отношеніи

насколько не зависимъ отъ Пушкина и ему противоположенъ, насколько отрицательное и положительное, комическое и серьезное, противоположно одно другому по своей природѣ. Здѣсь умѣстно указать на отмѣченный нѣкоторыми критиками фактъ, что «Гоголь былъ независимѣе отъ постороннихъ вліяній, нежели какой-либо другой изъ первоклассныхъ нашихъ писателей», за однимъ, быть-можетъ, исключеніемъ (Л. Толстой).

Нельзя забывать и того, что прозаическая форма произведеній Гоголя даетъ ему болѣе формальныхъ правъ считаться отцомъ прозаической изящной литературы новѣйшаго времени, чѣмъ Пушкину, проза котораго и запоздала, по сравненію съ появленіемъ Гоголевскихъ произведеній, и была не столь плодотворна въ смыслѣ преемственнаго развитія въ сочиненіяхъ послѣдующихъ писателей. Кромѣ того, Гоголевское вліяніе отразилось на послѣдующемъ поколѣніи писателей въ смыслѣ выбора темъ для произведеній изъ области общественныхъ вопросовъ по преимуществу, между тѣмъ какъ творчество Пушкина по большей части было свободно отъ тенденціозности въ этомъ отношеніи.

Вообще же намъ думается, что вопросъ о взаимоотношеніи Гоголевской и Пушкинской музъ разрѣшилъ лучше всего самъ Гоголь, котораго никакъ уже нельзя обвинить въ умаленіи значенія обожаемаго имъ поэта, въ знаменитой 7-ой главѣ «Мертвыхъ душъ». Здѣсь дается прекрасная формула для опредѣленія значенія каждаго изъ двухъ писателей, и вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливается точка зрѣнія для сравнительнаго обсужденія этого значенія. «Равно чудны стекла, озирающія солнцы (т.-е. телескопъ) и передающія движенія незамѣченныхъ насѣкомыхъ» (микроскопъ). Подъ телескопомъ здѣсь великій писатель разумѣетъ творенія поэта

положительной стороны дѣйствительности, какимъ былъ по преимуществу Пушкинъ, а подъ микроскопомъ—сочиненія поэта отрицательной стороны жизни, т.-е. свои собственныя. Для науки одинаково цѣнны и телескопъ, и микроскопъ; они одинаково цѣнны, въ метафорическомъ смыслѣ, конечно, и для искусства. Продолжая сравненіе дальше, мы должны прійти къ тому выводу, что, какъ въ наукѣ сами собою разграничиваются области дѣятельности астронома и ученаго микроскописта (suum cuique), точно такъ же и въ области изящной литературы нельзя забывать точекъ различія между сатирикомъ и поэтомъ положительныхъ идеаловъ. Въ этомъ смыслѣ Гоголь столь же самостоятеленъ въ своей области, какъ Пушкинъ въ своей, и оба вмѣстѣ они являются какъ бы взаимнымъ дополненіемъ, двумя полюсами, между которыми и шло развитіе послѣдующей литературы, склоняясь то въ сторону одного изъ этихъ полюсовъ, то въ сторону другого.

Спокойная, объективная созерцательность творчества сѣверянина и юморъ уроженца юга, положительное и отрицательное, высокое и пошлое, идеализмъ и натурализмъ, «искусство чистое» и «искусство общественное», рѣчь мѣрная и oratio prorsa—вотъ элементы различія, проводящіе рѣзкую грань *) между характеромъ творчества Пушкина и Гоголя.

Съ другой стороны, одинаковая или почти одинаковая степень поэтическаго дарованія, замѣчательная сила творчества, любовь къ родинѣ и всему человѣчеству, гуманизирующее вліяніе произведеній, сознаніе

*) Само собою разумѣется, что мы здѣсь говоримъ лишь о господствующихъ тонахъ въ творчествѣ обоихъ писателей.

долга писательскаго передъ обществомъ, пониманіе искусства въ свѣтѣ непреложныхъ законовъ здраваго реализма, наконецъ, почти одновременное прекращеніе художнической дѣятельности (какъ художникъ, Гоголь перестаяъ существовать для искусства, строго говоря, лѣтъ черезъ пять послѣ смерти Пушкина)—вотъ тѣ общія звенья, которыя даютъ право слить оба великихъ имени въ одно цѣлое и отъ этого цѣлаго вести начало новѣйшаго періода русской литературы. Этотъ синтезъ именъ, подобно примиряющему философскому синтезу Гегеля, въ то время будетъ указывать и на то, что не можетъ быть слито и должно существовать, какъ нѣчто обособленное и неслiянное.

Итакъ, текущій періодъ русской литературы долженъ быть названъ Пушкинско-Гоголевскимъ. Этимъ и должно опредѣляться историко-литературное значеніе великаго Гоголя.

Въ моемъ бѣгломъ очеркѣ я не достаточно остановился на одномъ. Это одно-самое главное, и вмѣстѣ съ тѣмъ оно всѣмъ намъ и вообще тѣмъ, кто знакомъ хоть съ однимъ изъ крупныхъ произведеній Гоголя, хорошо извѣстно. Несмотря на цѣлый рядъ протекшихъ десятилѣтій, время до сихъ поръ не осмѣлилось наложить на произведенія великаго писателя своей всесокрушающей руки, и не хочется вѣрить, что эти чудныя и вѣчно-юныя творенія писаны больше, чѣмъ полвѣка тому назадъ. Юморъ Гоголя «до сихъ поръ остается единственнымъ»; никто еще со времени появленія «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ» не смѣялся такъ искренно, такъ «заразительно», и никто еще такъ властно не могъ заставить читателя призадуматься надъ важнѣйшими вопросами повседневной жизни.

В. Гуссовъ.

О вліяніяхъ, подъ которыми слагались личность и творчество Гоголя *).

Свѣжи еще въ памяти звуки рѣчей, хвалебныхъ гимновъ и стиховъ въ честь царя русской поэзіи, А. С. Пушкина; живы еще воспоминанія о томъ славномъ культурномъ празднествѣ 1899 г., которое подтвердило слова поэта, сказавшаго:

«Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой»... Майскія празднества 1899 г., о которыхъ мы теперь невольно вспомнили, объединили въ одномъ дружномъ энтузіастическомъ движеніи всю Русь, привлекли къ нашему празднику просвѣщенія и европейскихъ собратьевъ и доказали передъ лицомъ Европы, что и наше отечество достигло уже той высокой степени цивилизаціи, на которой не только герои и завоеватели, не только великіе административные и военные дѣятели вызываютъ прославленіе и удивленіе потомства, но торжественно чтятся и люди, не занимавшіе высокаго общественнаго положенія, но посвятившіе свои богатыя душевныя силы развитію въ обществѣ эстетическаго чувства, проведенію въ жизнь благородныхъ и возвышенныхъ идей, поднятію умственнаго и нравственнаго уровня соотечественниковъ.

Теперь снова все наше образованное общество

---

*) Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Варшавскихъ III ж. и VI м. гимназій въ день чествованія памяти Н. В. Гоголя 21 февр. 1902 г. по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія со дня его смерти.

сливается въ единодушномъ порывѣ чествованія памяти того русскаго писателя, который явился въ однихъ отношеніяхъ ученикомъ и продолжателемъ Пушкина, а въ другихъ отношеніяхъ совершенно оригинальнымъ художникомъ-реалистомъ, великимъ меланхоликомъ и юмористомъ, то-есть Н. В. Гоголь, «творецъ Ревизора, пѣвецъ Вечеровъ, степей Приднѣпровскихъ и сѣчи» [1]), художникъ слова, который «озиралъ всю громадно несущуюся жизнь сквозь видимый міру смѣхъ и невѣдомыя, незримыя слезы».

Трудно и даже невозможно при современномъ состояніи Гоголевскаго вопроса [2]) дать строго научную оцѣнку значенія Гоголя въ общемъ ходѣ русской литературы, но зато можно въ день 50-лѣтія его смерти констатировать фактъ громаднаго вліянія Гоголевскаго творчества на всю русскую литературу XIX ст., можно отмѣтить необыкновенную популярность писателя среди самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества, можно наконецъ, сказать, что имя Гоголя не является пустымъ звукомъ и въ Западной Европѣ, на всѣ языки которой переведены его сочиненія; не одно, какъ извѣстно, поэтическое произведеніе было посвящено великому писателю [3]), не одного живописца и музыканта вдохновило его творчество [4]), многіе ученые занимались и занима-

---

[1]) Изъ стих. Гербеля: «Въ дорогу» (см. Гимн. Высш. Наукъ, СПБ. 1881, стр. 9).

[2]) По этому вопросу см. нашу статью: «Гоголь въ русской литературѣ» (библіограф. обзоръ) въ «Гоголевскомъ Сборникѣ, изд. коммиссіей при Институтѣ кн. Безбородко, Кіевъ 1902 г. и отд. изданіе, Кіевъ, 1902 г.

[3]) См. Каллашъ: «Гоголь въ русской поэзіи», Москва, 1902.

[4]) «Гоголевскій Сборникъ» (см. выше) стр. 185—231.

ются выясненіемъ тѣхъ или иныхъ сторонъ Гоголевскаго вопроса [5]), и литература о Гоголѣ составитъ нерукотворный памятникъ, достойный, вѣроятно, стать наряду съ всероссійскимъ рукотворнымъ памятникомъ великому писателю. Какимъ же рисуется намъ образъ того представителя русской литературы, память о которомъ снова сблизила все наше образованное общество?

Подъ какими вліяніями и при какой культурно-исторической обстановкѣ «окрѣпъ, возмужалъ тотъ, кто выше похвалъ,—дивный Гоголь»? [6])

«20 марта 1809 г. у помѣщика В. Яновскаго родился сынъ Николай и окрещенъ 22 марта. Воспріемникомъ былъ г. полковникъ Трахимовскій, молитвовалъ и крестилъ священно-намѣстникъ Іоаннъ Бѣлопольскій»—такъ гласитъ оффиціальный документъ [7]) церкви въ м. Сорочинцахъ, въ которыхъ родился Н. В. Гоголь.

Малороссія была родиной, помѣщичья семья той средой, подъ вліяніемъ которой совершилось первоначальное развитіе маленькаго «Никоши», какъ его называли родители. Богатыя и разнообразныя впечатлѣнія вынесъ мальчикъ изъ своей золотой поры дѣтства. Поэтическая Украйна, «тотъ край, гдѣ по словамъ поэта, все обильемъ дышетъ, гдѣ рѣки льются чище серебра» [8]) и т. д.—этотъ край не могъ не оставить своими красотами неизгладимаго впечатлѣнія въ чуткой душѣ ребенка, и картины родной стороны, одна другой роскошнѣе, одна другой живѣй не разъ будутъ рисоваться въ воображеніи «Рудаго Панька» и получатъ

---

[5]) Ibidem, стр. 75—89, 101—102.

[6]) «Гимназія Высшихъ Наукъ», СПБ. 1881, CXVIII.

[7]) «Русск. Мысль», 1900, II.

[8]) Сочиненія гр. Ал. К. Толстого, I, 227 (изд. СПБ 1893).

поэтическое выраженіе въ «Вечерахъ на хуторѣ» и «Миргородѣ».

Близкая къ простому народу жизнь малорусскихъ помѣщиковъ [9]), общая у народа и господъ любовь къ своему родному краю, къ его многострадальному прошлому поселяли невольное сближеніе между дворянскимъ и крестьянскимъ сословіями на Украйнѣ и сообщали украинскому помѣщику типъ, близкій къ народному. При близости къ народу той среды, изъ которой вышелъ Н. В. Гоголь, было вполнѣ естественнымъ, что мальчикъ съ дѣтства сжился и приглядѣлся къ народному быту, а вмѣстѣ съ тѣмъ рано окунулся въ богатство народной пѣсенной поэзіи съ ея трогательнымъ содержаніемъ, съ ея мелодическими напѣвами.

Однако не только отъ крестьянъ, но и отъ стараго дѣда, и отъ отца, и отъ сосѣднихъ помѣщиковъ гостей, охотно посѣщавшихъ гостепріимный домъ Гоголей, слушалъ юный Гоголь преданія старины, фантастическія сказанія, полные юмора разсказы изъ современной и прошлой жизни Украйны, и природная юмористическая жилка получала развитіе благодаря домашнему вліянію.

Особенно важнымъ и благотворнымъ въ дѣтскіе годы Гоголя является вліяніе его родителей.

Не лишенный поэтическаго дара, образованный по своему времени, Гоголь—отецъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы развить своего даровитаго и нѣжно любимаго

[9]) По этому вопросу см. напр. «Шенрокъ, «Матеріалы для біографіи Гоголя», т. I; статьи: Щеголевъ, «Школьные годы Гоголя», «Ист. Вѣстн.», 1902, II; мемуары южно-русскихъ помѣщиковъ, напр. Гнѣдича, «Мои воспоминанія» и др., наконецъ въ «Ж. М. Н. Пр.» 1902, II статью г. Коробки.

сына: онъ руководилъ чтеніемъ мальчика, онъ ознакомилъ его съ творчествомъ малорусскихъ писателей, и такимъ образомъ создалъ новое звено, соединяющее будущаго писателя съ родной почвой; временами онъ возилъ сына въ домашній театръ ихъ вліятельнаго родственника Трощинскаго, и такимъ образомъ въ душу мальчика заронились сѣмена любви къ театру и драматическому творчеству [10]).

Наряду съ образомъ В. А. Гоголя, имѣвшаго вліяніе на сына, возстаетъ передъ нами и образъ впечатлительной, доброй, романтически настроенной и глубоко религіозной М. И. Гоголь, которая оказала сильное вліяніе на характеръ будущаго писателя [11]): любовное обращеніе съ дѣтьми вызвало такъ отличавшую Гоголя горячую привязанность къ матери и семьѣ; извѣстная доля сентиментальности и наклонности къ лиризму оказала поддержку и питала врожденную Гоголю черту лирическаго воодушевленія; наконецъ глубокая религіозность матери, порой граничащая съ мистицизмомъ, посѣяла тѣ сѣмена религіозности, которыя дали богатые всходы въ душѣ Гоголя и сдѣлали его однимъ изъ немногихъ писателей-христіанъ въ полномъ значеніи этого великаго слова, которыя въ концѣ концовъ создали непосильный для поэта разладъ между его высокимъ идеаломъ и воплощеніемъ идеала въ образы.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ Н. В. Гоголь отлично характеризуетъ вліяніе матери на развитіе въ немъ ре-

---

[10]) См. подробнѣе о Гоголѣ-отцѣ у а) Кулиша: «Записки о жизни Н. В. Гоголя», б) Петрова: «Очерки по исторіи украинской литературы XIX ст.».

[11]) См. Кулишъ, Шенроқъ и кромѣ того: Бѣлозерская, «Русск. Ст.» 1887, III и Чернецкая, «Ист. В.» 1889, VI.

лигіознаго настроенія и чувствительности въ пору дѣтства: «одинъ разъ, я живо, какъ теперь, помню этотъ случай», говоритъ онъ: «я просилъ васъ разказать мнѣ о Страшномъ судѣ, и вы мнѣ, ребенку, такъ хорошо, такъ понятно, такъ трогательно разсказали о тѣхъ благахъ, которыя ожидаютъ людей за добродѣтельную жизнь, и такъ разительно, такъ страшно описали вѣчныя муки грѣшныхъ, что это потрясло и разбудило во мнѣ всю чувствительность, это заронило и произвело впослѣдствіи во мнѣ самыя высокія мысли» [12]). Великое, несомнѣно, значеніе въ жизни человѣка имѣетъ семья: здѣсь первая житейская школа, здѣсь зародышъ того или иного направленія характера и міровоззрѣнія, здѣсь первыя вліянія, здѣсь первыя остающіяся на всю жизнь впечатлѣнія дѣтсва. Вліяніе родной семьи на духовный ростъ человѣка можетъ, разумѣется, продолжаться многіе годы, но въ дѣтскіе годы, когда оно является почти единственнымъ, оно особенно сильно и важно. Но вотъ приближается пора, когда приходится серьезно позаботиться объ образованіи ребенка. Если и теперь въ интересахъ обученія дѣтей родители сплошь и рядомъ должны разставаться съ ними, то еще необходимѣе была разлука отдаваемыхъ въ школу дѣтей въ началѣ XIX в., когда и число школъ было несравненно меньше, и родители-помѣщики жили въ большинствѣ случаевъ не по городамъ, а по своимъ усадьбамъ, удаленнымъ отъ учебныхъ центровъ. Перенесемся мысленно на нѣсколько 10-лѣтій назадъ, и мы увидимъ, какъ въ 1821 г. въ глухомъ уголкѣ Малороссіи, въ родовой деревнѣ Васильевкѣ, В. А. Гоголь въ заботахъ о горячо люмимомъ сынѣ писалъ прошеніе

---

[12]) Письмо Н. В. Гоголя матери $18\frac{2}{X}33$.

о зачисленіи мальчика въ только что открытую тогда Гимназію Высшихъ Наукъ кн. Безбородка въ Нѣжинѣ [13]).

Обучавшійся начаткамъ грамоты у отца и у домашняго учителя, чуждый вліянія иностранныхъ гувернеровъ, молодой Гоголь былъ предварительно отправленъ въ Полтаву для приготовленія въ губернскую гимназію, но послѣ смерти въ Полтавѣ младшаго брата Гоголя, родители рѣшили хлопотать при посредствѣ Трощинскаго о принятіи мальчика въ Гимназію Высшихъ Наукъ, и ихъ желаніе увѣчалось успѣхомъ.

Н. В. Гоголь былъ однимъ изъ первыхъ питомцевъ вновь открытой школы. 8 лѣтъ жизни великаго писателя протекли въ стѣнахъ Нѣжинской гимназіи, 8 лѣтъ провелъ юноша въ типичномъ малорусскомъ городкѣ, обогатившемъ полученный еще въ дѣтствѣ запасъ впечатлѣній отъ малорусскаго быта и природы.

Учебная сторона дѣла въ молодой Нѣжинской школѣ, при всей обширности и разнообразіи программы, не могла быть названа удачной: не много было среди преподавателей и профессоровъ лицъ, беззавѣтно преданныхъ своему дѣлу, —лицъ, обладавшихъ глубокими научными познаніями и высокимъ нравственымъ обликомъ, но такія личности, какъ добродушный, справедливый и любившій молодежь директоръ Орлай, одинъ изъ инспекторовъ, даровитый и юный сердцемъ Бѣлоусовъ, проф. Зингеръ Ладражинъ [14]) и др. не могли не оставить свѣтлыхъ, воспоминаній въ душахъ воспитанниковъ, отзывчивыхъ на все доброе и будящее мысль; содержательныя, жи-

---

[13]) Кулишъ. «Записки о жизни Н. В. Гоголя», II, прилож., 272—3.

[14]) Біографія ихъ см. «Гимназія В. Наукъ и Лицей кн. Безбородко», СПБ. 1881.

выя, а порой и блестящія лекціи однихъ, сердечность и благоразумная гуманность другихъ—не могли пройти безслѣдно для умственнаго и нравственнаго развитія питомцевъ, и, несомнѣнно, воспоминаніями юношескихъ лѣтъ былъ навѣянъ Гоголю образъ идеальнаго учителя Александра Петровича во II т. «М. д.».

Но, что особенно важно было для развитія будущихъ талантовъ, вышедшихъ изъ Нѣжинскихъ стѣнъ; что особенно благотворно повліяло на Гоголя въ эпоху его школьной жизни, такъ это—та товарищеская среда, въ которую онъ попалъ, и ея интересы. Уже сами имена Рѣдкина, Прокоповича, Базили, Кукольника говорятъ за себя; если же прибавить, что въ стѣнахъ учебнаго заведенія яркимъ пламенемъ горѣла любовь юношей къ родной литературѣ; если припомнить, что часто, собравшись у кого-либо изъ профессоровъ или товарищей, а то и просто на дерновой скамейкѣ лицейскаго сада, юноши съ разгорѣвшимися, полными молодого одушевленія лицами толковали о современныхъ литературныхъ новинкахъ, при чемъ имена Жуковскаго и Пушкина не сходили съ устъ; если наконецъ не оставлять безъ вниманія того факта, что студенты пробовали свои литерат. силы, издавая рукописные литературные альманахи, завели, съ разрѣшенія Орлая, свою собственную библіотеку, во главѣ которой стоялъ Гоголь, и участвовали въ спектакляхъ, вносившихъ благотворное оживленіе въ учебную жизнь,—если принять все это во вниманіе, то можно съ увѣренностью сказать, что обстановка школьной жизни Гоголя была, какъ нельзя больше, благопріятной для будущаго великаго таланта.

---

[15]) См. «Собраніе сочиненій Н. В. Гоголя», изд. 10-е, т. VII.

Уже на школьной скамьѣ Гоголь началъ пробу своихъ литературныхъ силъ, когда помѣстилъ въ школьныхъ рукописныхъ журналахъ свои первые опыты: «Двѣ рыбки», «Разбойники» «Братья Твердиславичи», «Нѣчто о Нѣжинѣ, или дуракамъ законъ не писанъ» и т. д. Разсмотрѣніе черновыхъ тетрадей Гоголя, его записныхъ книжекъ[15]), писемъ[16]), сочиненій[17]) и т. д. позволяетъ намъ составить себѣ представленіе объ интеллектуальной жизни и объ интересахъ Гоголя-ученика, но, не останавливаясь на подробностяхъ, я отмѣчу лишь одну выдающуюся черту Гоголя-юноши.

Подъ вліяніемъ сознанія своихъ богатыхъ духовныхъ силъ, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ товарищей и собственныхъ размышленій зародилась и окрѣпла въ душѣ Гоголя твердая вѣра въ свое будущее. «Какъ тяжело быть зарыту вмѣстѣ съ созданіями низкой неизвѣстности въ безмолвіе мертвое»[18]), восклицаетъ юноша — Гоголь въ одномъ изъ своихъ писемъ (Не знаю, сбудутся ли мои предположенія).

Душой ли, славу полюбившей,
Ничтожность въ мірѣ полюбить,
Душой ли, къ счастью не остывшей,
Волненья міра не испить?
И въ немъ прекраснаго не встрѣтить,
Существованья не отмѣтить?[19])

Такой вопросъ задаетъ Гоголь вь своемъ «Ганцѣ».

---

[16]) Кулишъ. «Сочиненія и письма Гоголя», т. V и VI изд. 1857. В. И. Шенрокъ. «Письма Н. В. Гоголя». I—IV, 1902.

[17]) 10-е изданіе сочиненій Гоголя.

[18]) Письмо Гоголя Высоцкому $18\frac{26}{VI}27$.

[19]) «Ганцъ Кюхельгартенъ». Сочиненія Гоголя, 10 е изд., т. V, стр. 22.

И отвѣтъ ясенъ: юноша, такъ боящійся жалкой неизвѣстности, такъ стремящійся отмѣтить свое существованіе, и при томъ юноша даровитый, проникнутый идеей служенія родинѣ, добьется своего. А служить родинѣ Гоголь хотѣлъ, когда писалъ еще изъ Нѣжина своему дядѣ: «Еще съ самыхъ лѣтъ прошлыхъ, съ самыхъ лѣтъ почти непониманія я кипѣлъ неугасимою ревностью сдѣлать жизнь свою полезною для блага государства» [20]).

Да и послѣ, воспоминая о прошломъ въ своей «Авторской исповѣди», Г. говоритъ: «Въ тѣ годы, когда я сталъ задумываться о будущемъ (а задумываться я сталъ рано, когда всѣ мои сверстники еще думали объ играхъ), мысль о писательствѣ никогда мнѣ не всходила на умъ, хотя мнѣ всегда казалось, я сдѣлаюсь человѣкомъ извѣстнымъ, что меня ожидаетъ просторный кругъ дѣйствій, что я сдѣлаю даже что-то для общаго добра» [21]).

Приведенныя выше строки сами рисуютъ намъ настроеніе Николая Васильевича на зарѣ его самостоятельной жизни. Съ возвышенными и гордыми мечтами и запросами къ жизни полетѣлъ юный малороссъ въ сѣверную столицу, этотъ умственный центръ, столь привлекательный для молодежи. Но непривѣтливо встрѣтилъ жителя юга городъ Петра. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о климатѣ, непріятномъ и суровомъ для сына Украйны, одна за другой неудачи преслѣдовали молодого Гоголя: государственная служба, объ успѣхахъ которой онъ мечталъ, не ладилась; попытка поступить на сцену не удалась; первый литературный опытъ: «Ганцъ Кюхельгартенъ», потерпѣлъ полнѣйшую неудачу; само-

[20]) Письмо Косяровскому 18^{3}_{X} 27.

[21]) «Авторская Исповѣдь», т. IV десятаго изданія «Сочиненій Гоголя».

любіе оскорблялось на каждомъ шагу, и такая-то участь выпала на долю того, который говорилъ передъ отъѣздомъ въ Петербургъ: «Холодный потъ проскакивалъ на лицѣ моемъ при мысли, что, можетъ-быть, мнѣ доведется погибнуть въ пыли, не означивъ своего имени ни однимъ прекраснымъ дѣломъ,—быть въ мірѣ и не означить своего существованія была для меня мысль ужасная» [22]). Подъ вліяніемъ ряда неудачъ, при тяжеломъ душевномъ настроеніи, которое однакоже Гоголь тщательно скрывалъ отъ матери, единственное утѣшеніе находилъ Николай Васильевичъ въ дружескомъ кругу нѣжинцевъ, занесенныхъ судьбою на сѣверъ [23]): тамъ, въ небольшихъ комнаткахъ того или иного изъ нѣжинцевъ, раздавались за чашкой чая малорусскія пѣсни, слышались полныя юмора шутки, лилась непринужденная бесѣда; читались произведенія родныхъ поэтовъ, и велись споры о текущей литературѣ. Мысль юнаго Гоголя, естественно, все чаще и чаще устремлялась на родную Украйну, и возставала она передъ взоромъ скучающаго своего сына съ ослѣпительнымъ блескомъ своего полудня, съ таинственнымъ сіяніемъ звѣздныхъ ночей, съ большими хатами, тонущими въ вишневыхъ садахъ; все чаще, съ любовью и отрадой для сердца, вспоминались образы чернобровыхъ казаковъ, черноокихъ красавицъ,—рисовался весь бытъ родной стороны съ безпредѣльнымъ просторомъ южнорусскихъ степей, съ величавымъ чуднымъ Днѣпромъ, съ пѣснями, обычаями, повѣрьями и суевѣріями то безпечно веселаго, то меланхолически «сумующаго» населенія; однимъ словомъ, при настроеніи Гоголя въ описываемую нами эпоху его жизни, об-

---

[22]) Письмо $18\frac{3}{X}27$ Косяровскому.

[23]) Воспоминанія Анненкова.

разъ Малороссіи въ воображеніи юнаго поэта идеализировался; идеализація, естественно, пріобрѣтала сентиментальную окраску, но то не была приторная, слезливая чувствительность, а было порой нѣсколько приподнятое, порой туманное, но искренее и глубокое чувство. Передъ взоромъ Гоголя носился, на нашъ взглядъ, тотъ же самый образъ Украйны, который вызвалъ глубоко поэтическія строки у другого нѣжинскаго поэта, сравнивающаго свою поэтическую родину съ чудной красавицей и такъ заканчивающаго посвященное родинѣ стихотвореніе: [24]).

«Какъ дѣвы прелестной лазурныя очи,
Украйны глядятъ небеса;
Какъ поясомъ синимъ на югъ отъ полночи,
Днѣпромъ перевита краса;
Какъ шолкомъ зеленымъ, покрыта степями,
И степи въ цвѣтахъ, какъ въ рубинахъ горятъ,
И стелются нивы, какъ кудри, волнами,
И золотомъ свѣтлымъ шумятъ.
Какъ тяжкіе вздохи печали глубокой,
Какъ матери вопли надъ гробомъ дѣтей,
Мнѣ въ душу запали глубоко, глубоко
Украины пѣсни моей».

Тѣ же приблизительно образы и чувства найдемъ мы и въ поэзіи «Вечеровъ» и «Миргорода», то же настроеніе породитъ и усиленный интересъ Г. къ народной пѣснѣ, быту и малорусской исторіи, и вотъ уже въ 1830 г. появляются въ печати первыя повѣсти Р. Панька и обращаютъ серьезное вниманіе царя русской поэзіи въ то время на юнаго автора. Живые, полные неподдѣльнаго юмора разсказы вызываютъ похвалы Пушкина; за Пуш-

[24]) Ев. П. Гребенка.

кинымъ привѣтствуютъ Г. и члены П. кружка; протягиваетъ Гоголю дружески руку и тотъ поэтъ, 50 л. со дня смерти котораго совпало съ 50 л. смерти Гоголя. Гоголь принятъ на литературномъ Олимпѣ. Со времени сближенія Г. съ Пушкинскимъ кружкомъ измѣняется понемногу угнетенное состояніе Г. духа, обезпечивается его положеніе, и начинаетъ сказываться вліяніе новыхъ друзей на ихъ юнаго собрата.

Разумѣется, не въ краткомъ очеркѣ исчерпать вопросъ о вліяніи П. кружка на воззрѣнія Гоголя [25]), но и въ немногихъ словахъ можно выразить сущность того вліянія, которое оказалъ этотъ кружокъ на Гоголя, на его взгляды на поэта и поэзію. Если еще въ вѣкъ имп. Екатерины II поэзія считалась не болѣе, какъ развлеченіемъ въ часъ досуга, отъ нечего дѣлать; если смотрѣли на нее, какъ на нѣчто пріятное, сладостное, полезное, «какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ», то иной взглядъ на поэзію установился подъ вліяніемъ Жуковскаго и Пушкина.

«Поэзія—религіи небесной сестра земная» [26]); «Поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли», говоритъ Жуковскій. Поэтъ является, по воззрѣнію П., вдохновеннымъ пророкомъ, которому самъ Богъ повелѣваетъ, «обходя моря и земли, глаголомъ жечь сердца людей» [27]).

Возвышаясь надъ всей окружающей толпой, являясь «избранникомъ Божіимъ», поэтъ, по воззрѣнію и Пушкина, и Жуковскаго, свободенъ въ выборѣ творчества: «Ты-царь! Живи одинъ. Дорогою свободной иди, куда влечетъ тебя

---

[25]) См. по этому вопросу: Шенрокъ. «Матеріалы», т.т. I и II; Пыпинъ, «Исторія русской словесности» т. IV.

[26]) В. А. Жуковскій. «Камоэнсъ».

[27]) А. С. Пушкинъ. «Пророкъ».

свободный умъ», говоритъ Пушкинъ поэту [28]). «Не мнѣ управлять пѣснопѣвца душой», говоритъ устами властителя Рудольфа Жуковскій [29]); «онъ высшую силу призналъ надъ собой: минута ему повелитель: по воздуху вихорь свободно шумитъ; кто знаетъ, откуда, куда онъ летитъ? Изъ бездны потокъ выбиваетъ: такъ пѣснь зарождаетъ души глубина, и темное чувство, изъ дивнаго сна при звукахъ воспрянувъ, пылаетъ». «При указанныхъ возвышенныхъ взглядахъ на роль писателя и цѣли поэтическому творчеству ставятся высокія:

«Нѣтъ, нѣтъ, не счастія, не славы здѣсь
Ищу я: быть хочу крыломъ могучимъ,
Подъемлющимъ родныя сердца на высоту,—
Великихъ думъ воспламенителемъ;
Глаголомъ правды, лѣкарствомъ душъ, безвѣ-
ріемъ крушимыхъ—
Вотъ долгъ поэта, вотъ мое призванье» [30])...

А. С. Пушкинъ опредѣлилъ задачи истиннаго поэта, сказавши въ своей лебединой пѣснѣ:

«И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ» [31]).

Сознаніе высоты и вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣтственности писательскаго поприща, царившее въ Пушкинскомъ кружкѣ, сообщалось и Гоголю; но выборъ путей для выполненія своей высокой миссіи былъ у автора «Ревизора» и «М. душъ» вполнѣ самостоятельнымъ. По мѣрѣ развитія Гоголевскаго таланта, можно наблюдать, что писатель не ограничиваетъ круга своихъ наблюденій и симпатій уз-

---

[28]) А. С. Пушкинъ. «Поэту».
[29]) В. А. Жуковскій. «Рудольфъ Габсбургскій».
[30]) Его же. «Камоэнсъ».
[31]) А. С. Пушкинъ. «Памятникъ».

кой племенной сферой, но посвящаетъ свои богатыя силы служенію всей Россіи,—обстоятельство, которое, по словамъ В. И. Шенрока, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствуетъ размѣрамъ его могучаго дарованія и широтѣ стремленій [32]).

Постепенно зрѣетъ и становится болѣе глубокимъ по своему общественному значенію и смѣхъ Гоголя, и мы, не вдаваясь въ размотрѣніе слишкомъ сложнаго и не выясненнаго еще научно вопроса о постепенномъ измѣненіи характера Гоголевскаго смѣха [33]), скажемъ только, что правъ былъ поэтъ, воскликнувшій:

«Черезъ чистый смѣхъ въ сердца гражданъ
Вливалось истины добро святое» [34]).

Въ «Ревизорѣ» Гоголь рѣшилъ уже собрать въ кучу все дурное и разомъ посмѣяться надъ всѣмъ, сознавая, что «смѣхъ великое дѣло, что смѣха боится и послѣдній негодяй, котораго ничѣмъ не проймешь; что смѣха боится даже тотъ, кто ничего не боится» [35]). Въ 1836 г. появилась въ печати и на сценѣ безсмертная комедія Гоголя.

Вниманіе къ ней государя Николая Павловича, лично разрѣшившаго ее и посѣтившаго первое представленіе; полное сочувствіе къ «Ревизору» всего передового русскаго общества, восторгъ широкой публики, быстро раскупившей новую комедію,—все это могло бы наполнить гордостью и самоудовлетвореніемъ сердце любого автора. Но не то было съ Гоголемъ.

---

32) Шенрокъ Вл. Ив., «Матеріалы», I, 3.

33) Ап. Григорьевъ. Сочиненія. Т. I.

34) Шевыревъ. «Русск. Арх.» 1865, VII (слова относятся къ Гольдони, съ которымъ сравнивается Гоголь).

35) Дополненіе къ «Развязкѣ Ревизора».

Его до болѣзненности чуткое сердце было возмущено цѣлымъ рядомъ дошедшихъ до его слуха ложныхъ толкованій относительно смысла комедіи, намѣреній ея автора; его огорчало озлобленіе вмѣсто ожидаемаго авторомъ стремленія къ исправленію со стороны тѣхъ лицъ, намеки на которыхъ были прозрачны; [36]) его наконецъ разочаровалъ результатъ того впечатлѣнія, которое было вынесено обществомъ послѣ представленія «Ревизора». Гоголь ожидалъ большаго и болѣе глубокаго исправляющаго дѣйствія комедіи.

Цѣлый рядъ причинъ породилъ то настроеніе, которое переживалъ Гоголь въ 1836 г., и которое заставило его искать себѣ душевнаго успокоенія въ томъ прекрасномъ чудномъ далекѣ, изъ котораго онъ начинаетъ озирать горячо любимую имъ Русь.

Больной, разочарованный, недовольный, покидаетъ Гоголь Петербургъ и отправляется за границу.

Чудный климатъ Италіи, ея роскошная природа, которой посвящаетъ Г. не одинъ восторженный диѳирамбъ; наконецъ вся новая обстановка жизни благотворно вліяютъ на душевное и физическое состояніе писателя: онъ продолжаетъ работу для своей родной литературы, и изъ-подъ пера его выходитъ колоссальный по значенію, выдающійся по широтѣ и глубинѣ захвата и по мастерству изложенія трудъ: «Мертвыя души», вѣнчающія литературный памятникъ, воздвигнутый Гоголемъ самому себѣ.

Не стану повторять хоть и вѣчно юныхъ, но хорошо извѣстныхъ словъ Г. о судьбѣ двухъ писателей, въ которыхъ онъ, нашъ великій писатель, высказалъ ясно и

[36]) См. нашъ библіограф. обзоръ: «Гоголь въ русской литературѣ», стр. 14—17.

кратко взглядъ на задачи своего творчества въ періодъ созданія I т. «М. душъ». Сличеніе различныхъ рукописныхъ и печатной редакціи 1 т. «М. душъ» приводятъ меня къ взгляду, что первоначально Г. твердо держится принятаго еще въ Ревизорѣ пути —[37]) выставлять на всенародныя очи отрицательныя явленія жизни; онъ хочетъ попрежнему бичевать пороки, руководясь при этомъ самой горячей любовью къ родинѣ и человѣку; онъ хочетъ только шире раздвинуть рамки своей картины... Но проходятъ годы... Умеръ Пушкинъ... Кто же изобразитъ свѣтлыя стороны жизни, кто покажетъ міру идеалы, думаетъ Гоголь. И вотъ мы видимъ, какъ и въ позднѣйшихъ редакціяхъ «М. душъ», и въ своихъ письмахъ Г. все больше и больше склоняется къ мысли не ограничиваться уже смѣхомъ, а изобразить въ своемъ творчествѣ и тотъ неизмѣримо высокій, навѣянный христіанствомъ, идеалъ, во имя котораго Г. раньше создавалъ какъ разъ противоположные этому идеалу типы, и во имя котораго «почуются въ сей же самой повѣсти иныя струны, предстанетъ несмѣтное богатство русскаго духа» и т. д.

Въ Гоголѣ совершается поворотъ къ изображенію лицъ идеальныхъ, а, чтобы создать идеалъ, дѣйствительно высокій, Г. стремится все болѣе и болѣе воспитать собственную душу, такъ какъ только очищенная душа познаетъ истинный идеалъ.

Для той же цѣли, чтобы новые идеальные типы не были безжизненны, надо подыскать подтвержденіе ихъ въ дѣйствительности, и Г. съ усиленной энергіей засы-

---

[37]) По этому вопросу подробно см. въ нашей статьѣ: «Гоголь въ эпоху творчества I т. «Мерт. душъ», Варшава, 1902 (изд. Общества Ист., Фил. и Права при Варш. ун.).

пастъ знакомыхъ и друзей просьбами сообщать ему о всѣхъ видѣнныхъ и слышанныхъ происшествіяхъ и лицахъ. Но каковъ именно былъ идеалъ Гоголя? какого героя и какую героиню хотѣлъ изобразить авторъ «М. душъ»? Отсутствіе послѣднихъ, т.-е. полной II и III частей «М. душъ» оставляетъ вопросъ неразрѣшимымъ, и лишь на основаніи знакомства съ перепиской и настроеніемъ Г. въ послѣдніе годы его жизни можно сказать, что идеалъ Г. былъ неизмѣримо высокъ, и воплотить его въ реальный, невыдуманный образъ было для него задачею непосильною. Страшная душевная драма совершалась въ душѣ писателя.

Передъ величіемъ будущаго творенія, долженствующаго оказать могучее дѣйствіе на міръ, окончательно меркла, по убѣжденію Г., слава всего созданнаго имъ раньше. А между тѣмъ, что же? Авторъ уже много лѣтъ напрягаетъ силы, много уже лѣтъ съ суровостью аскета заботится о своемъ душевномъ дѣлѣ, а великій трудъ, цѣль всего его земного существованія, или не подвигается впередъ, или совсѣмъ не удовлетворяетъ автора.

Такъ что же? Значитъ, «безмолвіе мертвое», котораго такъ боялся Г. съ юныхъ лѣтъ, окружитъ его имя? Значитъ, никакого прекраснаго подвига не совершитъ онъ въ жизни? Значитъ, не принесетъ пользы родинѣ? А силы между тѣмъ убываютъ... одна болѣзнь за другой подтачиваютъ истощенный организмъ... и вотъ ровно 50 л. тому назадъ въ сердцѣ Россіи, въ одномъ изъ дружескихъ Гоголю домовъ, разыгрывается послѣдній, поистинѣ трагическій, актъ жизненной драмы великаго писателя. Однажды, въ глубокую ночь, въ порывѣ религіознаго экстаза Г. предаетъ сожженію послѣднюю свою завѣтную, но не удовлетворявшую автора работу,

а черезъ нѣсколько дней, 21 ф. 1852 г., въ 8 часовъ утра не стало Гоголя, и сказалъ поэтъ:

«Ударилъ часъ, и нѣтъ у насъ его;
Пытливое еще закрылось око,
Еще у насъ не стало одного,
Кто вѣдалъ Русь и жизнь ея глубоко.
И онъ, какъ тѣ, угасъ во цвѣтѣ лѣтъ,
И всѣ сердца наполнились печали,
И поняли, кого межъ нами нѣтъ,
Кого мы невозвратно потеряли» [38]).

Тяжело было разставанье съ жизнью Н. В. Гоголя; всѣ лучшія, свѣтлыя надежды представлялись ему невозвратно рухнувшими, разъ не былъ выполненъ краеугольный камень его работы.

Но иначе, чѣмъ самъ Г., рѣшило потомство! Въ тѣхъ самыхъ произведеніяхъ, значеніе которыхъ Гоголь ставилъ очень не высоко и въ которыхъ видѣлъ лишь преддверіе къ иному, великолѣпному зданію, потомство увидѣло подвигъ, окружившій ореоломъ безсмертія имя Гоголя и включившій Гоголя въ сонмъ всемірно извѣстныхъ художниковъ слова.

Если послѣдніе годы нашего великаго писателя, помимо его тяжкихъ физическихъ и нравственныхъ страданій, были омрачены суровыми нападками на него и его враговъ, и даже его друзей, то надъ преждевременной могилой Н. В. Гоголя всякаго взяло раскаяніе:

«И всѣ ко гробу мы спѣшимъ», говоритъ поэтъ, современникъ кончины Гоголя:

«Гдѣ скрылся онъ, борьбою утомяся,
И плачемъ тамъ, склонясь предъ нимъ

---

[38]) Бергъ. «Надъ гробомъ Гоголя» (См. Каллаша—«Н. В. Гоголь въ русской поэзіи», М. 1902, стр. 23).

И за̀ душу покойнаго моляся.
Какъ будто смерть разоблачила намъ
Его нераздѣленныя страданья
И шутки со слезами пополамъ,
И вѣчное, упорное молчанье;
Какъ будто намъ теперь лишь уясненъ
Великій духъ, и мы должны сознаться,
Что въ правѣ былъ задумываться онъ
И въ самого себя уединяться» [39]).

Знаменитый «поэтъ скорби народной», отозвавшись на смерть своего великаго собрата извѣстнымъ стихотвореніемъ: «Блаженъ незлобивый поэтъ» и т. д., гдѣ мастерски передана мысль Гоголевскаго лирическаго отступленія о судьбѣ двухъ писателей, такъ заканчиваетъ свое поэтическое произведеніе:

«Со всѣхъ сторонъ его (поэта юмориста) клянутъ,
И только, трупъ его увидя,
Какъ много сдѣлалъ онъ, поймутъ,
И какъ любилъ онъ ненавидя!» [40])

Ненадолго однако и надъ ранней могилой писателя, безпощадно бичевавшаго пороки, смолкли осужденія и упреки: не успѣлъ смолкнуть его «правдивый голосъ обличенія», какъ «дѣти лжи», по словамъ поэта Плещеева [41]), «поднявши буйный толкъ, глумятся надъ великой тѣнью».

«Не долго», продолжаетъ поэтъ, обращаясь къ испорченному современному Гоголю обществу:

«волновала васъ
Тѣхъ словъ пророческая сила:

---

[39]) Бергъ. «Надъ гробомъ Гоголя» (см. у Каллаша (стр. 24).
[40]) Некрасовъ. «Блаженъ незлобивый поэтъ» Ibid., стр. 21).
[41]) Плещеевъ. Сочиненія, изд. 1861 г., стр. 147.

Дымятся снова злу кадила,
И все, о чемъ вѣщалъ пророка гласъ,
Корысть и пошлость поглотила».

Однако поэтъ вѣритъ въ лучшее будущее; современникъ Гоголя вѣритъ въ грядущія поколѣнія, которыя достойно оцѣнятъ своего великаго писателя.

«Но день придетъ, и стихнетъ клевета», восклицаетъ поэтъ:

«И вмѣсто криковъ озлобленья
Въ тотъ день великій возрожденья
Услышитъ духъ поборника Христа
Толпы людской благословенья!»

И этотъ великій день возрожденья насталъ! его 50 лѣтъ подготовляли ученые изслѣдователи творчества Гоголя [42]), издатели его сочиненій [43]) и все русское общество, знакомившееся съ произведеніями Гоголя и увлекавшееся ими,—и подготовили они этотъ день.

Я смѣло утверждаю, что Н. В. Гоголь самъ явился лучшимъ пророкомъ своей славы, самъ предсказалъ могучее дѣйствіе своихъ твореній на умы и сердца людей, когда такъ выразился о дѣйствіи геніальныхъ произведеній другого великаго писателя:

---

[42]) Помимо колоссальныхъ трудовъ проф. Н. С. Тихонравова и В. И. Шенрока, слѣдуетъ отмѣтить труды акад. А. Н. Пыпина, проф. А. И. Кирпичникова, проф. А. Веселовскаго, проф. Лавровскаго и др. (подробно см.—«Гоголь въ русской литературѣ»).

[43]) Изъ издателей «до юбилея» особенную услугу дѣлу популяризаціи Н. В. Гоголя оказалъ г. Марксъ; теперь же лучшими изданіями являются вышедшія подъ редакціей проф. А. И. Кирпичникова и акад. А. Н. Пыпина. Драгоцѣннымъ въ научномъ отношеніи остается попрежнему 10-е изд. подъ редакціей Тихонравова и Шенрока.

«Внемлютъ имъ мудрые цари, глубокіе правители, прекрасный старецъ и полный благороднаго стремленія юноша; стонутъ балконы и перила театровъ; все потряслось сверху донизу, превратясь въ одно чувство, въ одного человѣка; всѣ люди встрѣтились, какъ братья, въ одномъ душевномъ движеніи, и гремитъ дружнымъ рукоплесканіемъ благодарный гимнъ тому, кого уже много лѣтъ, какъ нѣтъ на свѣтѣ».

П. Заболотскій.

Варшава, 21 февраля
1902 г.

О юморѣ Гоголя *).

Въ Москвѣ, на кладбищѣ Данилова монастыря, изъ-за вѣтвей и цвѣтовъ виднѣется тяжелый могильный камень съ надписью: „Горькимъ словомъ моимъ посмѣюся“. Подъ этотъ камень 50 лѣтъ назадъ сановники, представители науки, литературы и учащаяся молодежь опустили тѣло безвременно ушедшаго въ иной міръ геніальнаго писателя. Н. В. Гоголя, а любящая рука друзей и почитателей покойнаго начертала на надгробіи знаменательное изреченіе пророка Іереміи, этого печальника библейскихъ временъ. Проникновенныя слова, взятыя для надписи на памятникѣ Гоголю, раскрываютъ передъ нами всю глубину и силу скорби избранника Божія о нравственныхъ немощахъ и заблужденіяхъ человѣчества; печать той же великой скорби почила на творчествѣ Гоголя въ той особенности духа, которой усвоено на языкѣ поэзіи названіе юмора.

Человѣкъ самъ по себѣ и вся жизнь человѣческая преисполнены противорѣчій. Въ нашемъ бытіи, физическомъ и нравственномъ, наблюдаются непостижимыя сочетанія низменнаго и возвышеннаго, прекраснаго и уродливаго; до комизма смѣшное граничитъ съ грустнымъ и трагическимъ. Какъ показываетъ намъ жизнь въ литературныхъ изображеніяхъ, герой, гроза враговъ, доблестный защитникъ ввѣренной ему крѣпости, въ домашней обстановкѣ оказывается существомъ слабымъ и

*) Рѣчь, произнесенная 21 февраля 1902 года въ Ровенскомъ реальномъ училищѣ, на литературно-музыкальномъ вечерѣ въ память Н. В. Гоголя по поводу пятидесятилѣтія со дня его смерти.

пассивнымъ. Святое чувство материнской любви вырождается въ животный инстинктъ.

Въ глашатаѣ равенства и свободы уживается жестокій деспотъ. Все неразрывно переплелось въ жизни бѣднаго человѣчества: величіе и пошлость, радость и горе, смѣхъ и слезы. Такое непрерывное столкновеніе впечатлѣній, эта душевная неустойчивость, безконечный рядъ противорѣчій и отступленій отъ вѣчныхъ нравственныхъ идеаловъ-добра, правды и красоты, вызываютъ у поэта съ особой внутренней организаціей юмористическое отношеніе къ дѣйствительности, т.-е. такое своеобразное настроеніе, въ которомъ неразрывно соединяются—и чувство веселости—смѣхъ, вызванный созерцаніемъ ненормальныхъ явленій, и грусть, навѣянная сознаніемъ слабости и несовершенства человѣческой природы.—Въ блестящей плеядѣ міровыхъ поэтовъ-юмориствовъ, каковы: Аристофанъ, Боккачіо, Сервантесъ, Шекспиръ, Свифтъ, Текеррей, Диккенсъ, Томасъ Гудъ, Гейне, ярко горитъ и дорогое намъ имя Н. В. Гоголя, „озиравшаго“, по его же выраженію, „всю громадно несущуюся жизнь сквозь видимый міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы“.

Такому соединенію, повидимому, самыхъ противоположныхъ чувствъ въ душѣ писателя и контрасту между идей разумной жизни и тѣмъ, что даетъ дѣйствительность, соотвѣтствуютъ и особые пріемы, и законы въ творчествѣ юмориста.

Сочиненія Гоголя направлены къ изображенію самыхъ мелкихъ будничныхъ явленій жизни; но на обыденность и прозу содержанія поэтъ набрасываетъ фантастическій покровъ чрезвычайности, загадочности и даже сверхъестественности. Не говоря уже о бытовыхъ повѣстяхъ ранняго періода творчества, гдѣ такое видное мѣсто отведено демонологіи малорусскаго народа, на чудесномъ построены петербургскія повѣсти Гоголя: „Носъ“ и „Портретъ“.

Необычайностью фабулы запечатлѣны величайшія созда-

нія Гоголя: комедія: „Ревизоръ", и поэма: „Мертвыя души". Склонность автора къ таинственному мы видимъ и въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ", и въ „Шинели", а развязка „Женитьбы" поражаетъ насъ остроуміемъ и смѣлостію творческой изобрѣтательности. Въ другихъ произведеніяхъ мы встрѣчаемъ отдѣльные штрихи безусловнаго вымысла для усиленія комизма: таковъ эпизодъ съ бурою свиньей, утащившей изъ присутственнаго мѣста жалобу Ивана Никифоровича.

Задачей литературной дѣятельности Гоголя было показать во всей силѣ и яркости зло, неправду, безсмысліе и призрачность современной автору русской жизни. И тѣмъ шире и глубже идеи нашего поэта, чѣмъ мельче, ничтожнѣе обобщаемыя ими явленія жизни. Въ произведеніяхъ Гоголя мы не найдемъ явно порочныхъ людей, питающихъ грандіозные преступные замыслы. Тамъ не поражаютъ насъ своею испорченностью или жестокостями закоренѣлые злодѣи; нашу душу не возмутитъ тамъ, не потрясетъ вопіющее насиліе, открытое и наглое попраніе нравственныхъ законовъ или правъ человѣческой личности: въ сочиненіяхъ Гоголя воспроизведена житейская сутолока съ ничтожными случайностями, мелкими страстишками и незначительными людьми. Вотъ унтерофицерская жена Иванова, которую по ошибкѣ высѣкла полиція; ей „неча отказываться отъ своего счастія", и она ищетъ денежнаго удовлетворенія за ошибку городничаго, хотя тотъ и увѣряетъ, что она сама себя высѣкла. Вотъ аршинники, архиплуты и протобестіи — купцы; они позабыли, что городничій помогъ имъ сильно сплутовать при постройкѣ казеннаго моста, и пришли къ мнимому ревизору, къ „Его высокоблагородному свѣтлости господину финансову", съ жалобой на того же городничаго, что онъ частенько навѣдывается къ нимъ въ лавки, какъ въ собственныя кладовыя. Передъ нами рядъ властей, уѣздныхъ и губернскихъ: они то засѣдаютъ въ присутствіяхъ подомашнему: въ халатахъ, за чаемъ и закуской;

то собираются „подсунуть“ ревизору, чтобы скрыть свои грѣшки, или ловко взимают съ просителей, какъ когда придется, по бѣленькой ли, синенькой, а то и по красненькой на брата. А вотъ и милѣйшій Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, пріѣхавшій для плутней и продѣлокъ въ губернскій городъ N и успѣвшій обворожить весь bon monde, всю администрацію, начиная съ губернатора, о которомъ авторъ только и могъ сказать, что онъ былъ „ни толстъ, ни тонокъ собой, былъ большой добрякъ и даже самъ вышивалъ иногда по тюлю“. Да, все, изображ. въ поэзіи Гоголя, мелко, ничтожно и, въ силу той же ничтожности, велико и значительно; таковъ уже „даръ“ писателя „выставлять такъ ярко пошлость жизни, умѣть очертить въ такой силѣ пошлость пошлаго человѣка, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула бы крупно въ глаза всѣмъ“.

Тонкій наблюдатель, сердцевѣдъ и прозорливецъ, Гоголь обладалъ способностью проникать въ сокровеннѣйшія излучины души человѣческой. Подмѣчая и схватывая самыя неуловимыя проявленія нравственнаго безобразія, онъ возводитъ ихъ въ типическія обобщенія, и его неумолимый анализъ показываетъ, до какой ужасающей обыденности доходитъ пошлость жизни; какими незримыми путями погружается человѣкъ въ смрадную тину жалкаго прозябанія. Нарисовавъ отвратительнаго скрягу Плюшкина, поэтъ самъ ужасается силѣ и яркости своей кисти и восклицаетъ: „И до такой ничтожности, мелочности, гадости могъ снизойти человѣкъ? могъ такъ измѣниться? И похоже это на правду? Все похоже на правду, все можетъ статься съ человѣкомъ. Нынѣшній же пламенный юноша отскочилъ бы съ ужасомъ, если бы показали ему его же портретъ въ старости!“

Обаятельная сила Гоголевскаго юмора, его магическое дѣйствіе на читателя заключается въ самой утонченной, подчасъ неуловимой ироніи, гдѣ подъ видомъ простосердечія и

добродушія скрывается глубокая печаль при видѣ грязной дѣйствительности. Самый разсказъ о ничтожныхъ событіяхъ,— разсказъ подробный и медленно движущійся, представляетъ ловко прикрытую ѣдкую насмѣшку надъ изображаемою пошлостью жизни.

То же глумленіе сказывается въ преувеличенно старательномъ выписываніи дѣйствующихъ лицъ, ихъ внѣшности и внутренняго міра, при чемъ „ничтожныя подробности являются въ ужасномъ безобразіи, какъ будто мы вдругъ навели на нихъ увеличительное стекло".

Гоголь пространно разказываетъ про житье-бытье, про нравы двухъ малороссійскихъ помѣщиковъ; описываетъ ихъ домики, потонувшіе въ зелени фруктовыхъ садовъ, ихъ хозяйство; много и охотно говоритъ объ ихъ крѣпкой дружбѣ. „Прекрасный человѣкъ, Ив. Ив.! Ив. Ив. и Ив. Ник. прекрасные люди!" многократно восторгается авторъ. Вглядываясь въ эти лица, мы ничего не видимъ не только прекраснаго, но и стоящаго какого-либо вниманія, развѣ только то, что у одного голова была рѣдькой хвостомъ внизъ, а у другого—рѣдькой хвостомъ вверхъ; Ив. Ив. ходилъ въ бекешѣ со смушками, сильнымъ морозомъ; Ив. Ник... у Ив. Ник. бекеши не было, зато у него были нанковыя шаровары, въ которыя могъ бы помѣститься весь его дворъ съ амбарами и строеніями. А дружескія отношенія ихъ выражались лишь въ томъ, что Гапкины дѣти могли безнаказанно перелѣзать черезъ плетень во дворъ Ив. Ник. и играть съ собаками. Дружба этихъ почтенныхъ миргородцевъ была основана не на нравственныхъ связяхъ, а на взаимной пошлости, праздности и скукѣ, и разрывъ изъ-за вздора, изъ-за пресловутаго гусака, не есть случайность или неожиданность, а необходимый логическій выводъ изъ призрачнаго ихъ расположенія другъ къ другу.

Гоголь не прочь насмѣшить читателя веселой шуткой,

но всѣ юмористическія выходки нашего писателя, начиная съ несуществующаго въ святцахъ подбора именъ въ день рожденія Акакія Акакіевича Башмачкина, имѣютъ глубокій психологическій интересъ. и „цѣлая пропасть между смѣхомъ великаго комика и кривляньемъ балаганнаго скомороха“. Уже при самомъ появленіи на свѣтъ вѣчнаго титулярнаго совѣтника въ будущемъ, судьба встрѣтила его неблагосклонно; имена-то ему все выбирались необыкновенныя: Мокій, Соссій, Хоздазатъ, Трифилій, Дула, Варахосій Павсикахій, Вахтисій. Такъ и пришлось назвать новорожденнаго по отцу, Акакіемъ. и у насъ съ именемъ Акакія Акакіевича неразрывно связано представленіе о жалкомъ, забытомъ чиновникѣ, у котораго вся жизнь прошла въ перепискѣ бумагъ, безъ ласки, безъ слова участія, безъ луча радости. А знаменитое паденіе Бобчинскаго во II дѣйствіи „Ревизора“! Можно ли ярче изобразить жалкое любопытство присяжнаго городского сплетника и безсмысленный страхъ уѣздныхъ властей, принимающихъ за важную особу простого канцеляриста, который пріютился въ какомъ-то ветхомъ чуланѣ подъ черной лѣстницей?

Геніальность Гоголя-юмориста просто и неотразимо-наглядно доказывается жизненностью созданныхъ имъ типовъ. Его комическія лица, какъ широкія обобщенія отрицательныхъ сторонъ русской дѣйствительности, глубоко проникаютъ въ сущность явленій и восходятъ на степень символовъ, знаменующихъ нѣчто неизмѣнное, постоянно сущее, вѣчное. Городничій, Хлестаковъ, Добчинскій, Бобчинскій, Чичиковъ, Ноздревъ, Маниловъ, Собакевичъ, какъ идейное выраженіе не только русской дѣйствительности извѣстнаго времени, но и символизація явленій человѣческаго духа такъ же нерушимо прекрасны, такъ же вѣчны, какъ изваянія античнаго искусства, которыя никто не въ силахъ подправить или довершить. Маниловъ навсегда останется образнымъ представле

ніемъ сентиментальности, какъ Собакевичъ есть поэтическое воплощеніе грубаго матеріализма и жестокости натуры. Типы, созданные творческою силою Гоголя, заслужили вмѣстѣ съ славнымъ именемъ ихъ автора право на безсмертіе: они пережили поэта, они постоянно у насъ на устахъ въ живой рѣчи, ихъ воспримутъ отъ насъ грядущія поколѣнія.

Глубокое пониманіе и истинное значеніе юмора, какъ великой нравственной силы, никому не доступно въ такой степени, какъ самому представителю этого литературнаго направленія.

Гоголь усматривалъ въ комическомъ изображеніи жизни могучее средство моральнаго воздѣйствія на общество, и, по его убѣжденію, высокій восторженный смѣхъ достоинъ стать рядомъ съ высокимъ лирическимъ движеніемъ. На сѣтованія, что въ „Ревизорѣ нѣтъ ни одного честнаго лица, и потому комедію тяжело смотрѣть, авторъ возражалъ, что такимъ честнымъ лицомъ является смѣхъ, проникающій его пьесу, т.-е. авторъ хотѣлъ сказать, что смѣхъ надъ недостатками окружающей среды оказываетъ на нашу душу такое же возвышающее и облагораживающее вліяніе, какъ и созерцаніе великодушныхъ подвиговъ горячаго энтузіаста-борца за правду и общее счастье. „Смѣхъ излетаетъ изъ свѣтлой природы человѣка“, поучаетъ насъ Гоголь: „не справедливы тѣ, которые говорятъ, будто возмущаетъ смѣхъ: возмущаетъ только то, что мрачно, а смѣхъ свѣтелъ. Многое бы возмущало человѣка, бывъ представлено въ наготѣ своей; но, озаренное силою смѣха, несетъ оно уже примиреніе въ душу“. — Психологическою причиною такого умиротворяющаго дѣйствія комическихъ произведеній лежитъ въ міросозерцаніи юмориста. Писатель-юмористъ глубоко постигъ жизнь и людей. Своимъ поэтическимъ прозрѣніемъ проникаетъ онъ въ душу человѣческую, и тамъ, въ глубокихъ тайникахъ, его вдохновенному взору предстаютъ начала добра и зла въ ихъ постоян-

номъ столкновеніи и борьбѣ. Юмористъ знаетъ, что никто изъ смертныхъ не свободенъ отъ ошибокъ, отъ заблужденій, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не забываетъ, что человѣкъ, какъ бы низко онъ ни палъ, хранитъ въ себѣ слѣды божественнаго образа и подобія, и потому юмористъ спокойно относится къ жизни, предвидя паденіе идеализма и ожидая возрожденія отъ сошедшихъ съ пути истины и добра. Съ вѣрою въ нравственныя силы у юмориста соединяется состраданіе и любовь къ человѣку. „Въ глубинѣ холоднаго смѣха", говоритъ Гоголь: „могутъ отыскаться горячія искры вѣчной, могучей любви." Гоголь смотрѣлъ на пошлость и зло жизни, какъ на явленія временныя, преходящія, и этимъ объясняется его объективность въ изображеніи порока, его уравновѣшенное отношеніе къ своимъ темнымъ героямъ. Много отступленій отъ правды видѣлъ Гоголь въ современной ему жизни; но для его всеобъемлющаго кругозора было ясно, что такія уклоненія отъ требованій разума и этики не представляютъ роковой опасности для общественнаго блага, что они слишкомъ ничтожны сравнительно съ тѣми духовными сокровищами, которыя поэтъ прозрѣвалъ въ душѣ русскаго человѣка. И горячая вѣра въ русскихъ людей, вѣра въ Россію, въ ея духовную мощь озаряютъ немерцающимъ свѣтомъ изображенія презрѣнной дѣйствительности, и мы, подъ обаяніемъ высокой личности поэта, запечатлѣвшейся въ каждомъ актѣ его творчества, приходимъ вмѣстѣ съ нимъ къ конечному убѣжденію, что, какъ ни мрачна нарисованная имъ картина русской жизни, все-таки это наша Россія, намъ въ ней пріютно и тепло, мы у себя дома, подъ своею родною крышей". Эпическій тонъ повѣствованій Гоголя о несовершенствахъ русской дѣйствительности умѣряетъ наши порывы негодованія, разрѣшаетъ сомнѣнія, вселяя вѣру въ торжество справедливости и добра, а его могучій патріотизмъ, какъ невѣдомая сила, подымаетъ насъ на высоту того паѳоса, съ какимъ поэтъ вдох-

новенно восклицаетъ: „Русь, въ тебѣ ли не родиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Здѣсь ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться и пройтись ему?

Такимъ чудо-богатыремъ, богатыремъ слова, русской мысли и духа, и былъ чествуемый просвѣщенною частью русскаго общества нашъ великій писатель-юмористъ. Слава, нашему Гоголю, слава! великому печальнику Русской земли вѣчная память и вѣчная слава!

В. Ляскоронскій.

Послѣдніе дни жизни и смерть Н. В. Гоголя.

Прежде чѣмъ говорить о послѣднихъ дняхъ жизни и о смерти Гоголя, скажемъ о религіозномъ настроеніи его, дабы сдѣлались понятными приводимые ниже факты изъ послѣднихъ дней его жизни.

Николай Васильевичъ Гоголь несомнѣнно былъ проникнутъ глубокимъ религіознымъ чувствомъ. Это чувство воспитала въ немъ, еще въ дѣтствѣ, его мать, Марія Ивановна, женщина очень религіозная, благочестивая, добрая и сострадательная. Начиная и оканчивая каждый свой день молитвой и прибѣгая къ молитвѣ же во всѣхъ болѣе важныхъ случаяхъ своей жизни, она пріучила и сына своего къ молитвѣ. Строго соблюдая посты и установленные въ православной церкви обряды, она пріучила и сына своего къ такому же соблюденію ихъ. Будучи сострадательной къ нищимъ и обездоленнымъ, она заложила такое же чувство и въ своемъ сынѣ. Кромѣ того, мать сама сообщила своему сыну главнѣйшія основы христіанства. Она говорила ему о Богѣ и Его всемогуществѣ, о Спасителѣ міра и Его страданіяхъ на землѣ для спасенія рода человѣческаго, о страшномъ судѣ, о вѣчномъ блаженствѣ праведниковъ и лютой мукѣ грѣшниковъ, о святыхъ христіанскихъ подвижникахъ и т. п.

Извѣстно, что, когда одиннадцатилѣтній Гоголь подвергался вступительному экзамену въ Нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ, то только по закону Божію онъ оказался очень хорошо подготовленнымъ, по другимъ же предметамъ имѣлъ слабыя познанія.

Впослѣдствіи уроки закона Божія въ гимназіи и главнымъ образомъ собственное размышленіе и самоуглубленіе Гоголя придали опредѣленное выраженіе тому религіозному чувству, основу котораго заложила въ немъ мать. И религіозное благочестіе самою яркой полосой проходитъ чрезъ всю жизнь великаго писателя. Приведемъ хотя нѣсколько фактовъ проявленія религіозности Гоголя.

Извѣщеніе о смерти отца (1826 г.) сильно поразило Николая Васильевича. Онъ скрылъ отъ товарищей свое глубокое горе, отпросился у начальства гимназіи въ городъ и отправился прямо въ церковь. Здѣсь, ставши въ углу, чтобы не быть никѣмъ замѣченнымъ, онъ сталъ изливать свое чувство въ молитвѣ. Чрезъ часъ онъ вышелъ изъ церкви нѣсколько успокоеннымъ. На другой день онъ, между прочимъ, писалъ къ матери: «Я сей ударъ (т.-е. смерть отца) перенесъ съ твердостью истиннаго христіанина. Правда, я сперва былъ пораженъ ужасно симъ извѣстіемъ, однакожъ не далъ никому замѣтить, что я опечаленъ. Оставшись же наединѣ, я предался своему горю, но Богъ не допустилъ меня до отчаянія... Благодарю тебя, священная вѣра! въ тебѣ только я нахожу источникъ утѣшенія и утоленія горести».

Въ послѣдующихъ письмахъ Гоголя къ матери мы постоянно встрѣчаемъ или утѣшеніе ея надеждой на Промыслъ Божій, или выраженіе своей глубокой вѣры, что всѣми явленіями въ жизни управляетъ Провидѣніе. «Провидѣніе, вѣрно, съ намѣреніемъ», пишетъ онъ: «такъ медлитъ съ помощью, и мы должны благословлять Его святую волю». Или въ другомъ письмѣ: «Какъ будто отъ самого Бога посѣщаетъ меня мысль, что все дѣлается съ намѣреніемъ, что сѣется между нами огорче-

ніе для того только, чтобы мы могли потомъ безмятежно и радостно пользоваться жизнью».

Испытывая на первыхъ порахъ по пріѣздѣ въ Петербургъ невзгоды, Гоголь обращается тоже къ молитвѣ, какъ къ вѣрному средству утѣшенія. Онъ не начиналъ ни одного дѣла безъ молитвы. Намѣреваясь, напр., издать свою повѣсть: «Ганцъ Кюхельгартенъ», онъ цѣлое утро молится. Вотъ какъ описываетъ это одинъ изъ его біографовъ: «Гоголь всю ночь не спалъ — писалъ. Поутру слуга, заглянувъ въ комнату барина, увидѣлъ Гоголя молящимся въ углу передъ образомъ съ неугасимой лампадой. «Доброе дѣло!» подумалъ слуга. «Какъ ни какъ, а маменька—то благочестію съ малыхъ лѣтъ пріучила». Слуга осторожно притворилъ дверь; но, когда онъ, нѣсколько погодя, открылъ ее во второй, а затѣмъ и въ третій разъ, въ полной уже увѣренности, что теперь-то, конечно, не помѣшаетъ, то, къ большему еще изумленію своему, увидѣлъ барина все тамъ же на колѣняхъ кладущимъ земные поклоны».

Извѣстно, что Гоголь, живя въ 1844 году въ Парижѣ, каждый день ходилъ къ обѣднѣ въ русскую церковь, изучалъ чинъ литургіи съ помощью одного знатока греческаго языка и писалъ «Размышленіе о божественной литургіи», а, живя нѣсколько позже въ Ниццѣ, онъ съ нѣкоторыми изъ своихъ русскихъ знакомыхъ читалъ творенія святыхъ отцовъ церкви и велъ разговоры о религіозно—нравственныхъ вопросахъ. Какое вліяніе онъ оказывалъ на нѣкоторыхъ изъ этихъ знакомыхъ, видно изъ слѣдующимъ словъ письма одного изъ нихъ: «Да благословитъ васъ Богъ! вы, любезный другъ, выискали мою душу, вы ей показали путь,—этотъ путь такъ разукрасили, что другимъ итти не хочется. На немъ растутъ прекрасныя розы благоуханныя, сладко душу успокаи-

вающія. Если бы мы всѣ хорошо вполнѣ понимали, что душа—сокровище, —мы бы берегли ее больше глазъ, больше жизни; но не всякому дано почувствовать это самому, и не всякій такъ счастливо находитъ друга, какъ я».

Извѣстно, что Гоголь посѣщалъ монастыри, гдѣ усердно молился; что онъ ѣздилъ въ Кіевъ на поклоненіе святымъ мощамъ, и что, получивши въ благословеніе отъ преосвященнаго Иннокентія икону Спасителя, онъ несказанно обрадовался этому и, пришедши съ этой иконой въ рукахъ къ Аксаковымъ, весь сіяя отъ радости, сказалъ: «Я ждалъ, что кто-нибудь благословитъ меня образомъ. Наконецъ, Иннокентій благославилъ меня, и я ѣду ко гробу Господню». И дѣйствительно, вскорѣ онъ отправился въ Неаполь, а оттуда (въ 1848 г.) въ Іерусалимъ для поклоненія святымъ мѣстамъ. Это было послѣднее его заграничное путешествіе.

Но не въ однѣхъ только молитвахъ и путешествіяхъ по святымъ мѣстамъ выразилось религіозное настроеніе Гоголя, а также и въ добрыхъ дѣлахъ: такъ, напр., будучи самъ въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, онъ предназначилъ выручку отъ продажи своихъ сочиненій въ пособіе бѣднѣйшимъ и способнѣйшимъ студентамъ, тщательно скрывая, отъ кого именно идетъ это пособіе. Живя въ Римѣ, онъ постоянно помогалъ бѣднымъ художникамъ, при чемъ, чтобы прикрыть оказываемую имъ помощь, онъ пріобрѣталъ у нихъ картины, которыя потомъ разсылалъ по церквамъ. Чтобы обезпечить мать и сестеръ, онъ отписалъ въ пользу ихъ принадлежащую ему часть имѣнія.

Нужно замѣтить, что Гоголь вообще не любилъ разоблачать передъ другими свой внутренній міръ, свое настроеніе; тѣмъ болѣе онъ скрывалъ отъ другихъ свои религіозныя чувства, и съ людьми, равнодушными къ рели-

гіознымъ вопросамъ или безъ должнаго уваженія относившимися къ этимъ вопросамъ, онъ совершенно не разговаривалъ объ этихъ вопросахъ.

Все изложенное можетъ служить къ вѣрному освѣщенію приводимыхъ ниже фактовъ изъ послѣднихъ дней жизни поэта.

Гоголь отъ природы обладалъ слабымъ здоровьемъ, онъ былъ золотушенъ, хилъ. Это было причиной того, что въ дѣтствѣ и отрочествѣ онъ удалялся отъ игръ, требующихъ физической силы и ловкости, предпочитая оставаться въ уединеніи или отдаваться умственнымъ развлеченіямъ.

Усиленная творческая дѣятельность, которой онъ отдался по пріѣздѣ въ Петербургъ, не могла не отразиться вредно на его организмѣ. Петербургскій климатъ тоже не могъ не вліять вредно на его здоровье. Но не столько труды и климатъ подкашивали его здоровье, какъ тѣ душевныя огорченія, которыя ему приходилось переживать. Гоголь былъ въ высшей степени впечатлителенъ. Къ тому же, всякое горе онъ скрывалъ въ себѣ, не проявлялъ его наружу. А это, какъ извѣстно, сильно подкашиваетъ здоровье.

Пріѣхавши въ Петербургъ съ розовыми надеждами, Гоголь долженъ былъ разочароваться въ самыхъ дорогихъ своихъ надеждахъ. Онъ надѣялся, что съ пріѣздомъ въ Петербургъ ему откроется широкое поле дѣятельности на пользу отечества, въ дѣйствительности же онъ не могъ найти себѣ дѣятельности, и, хотя впослѣдствіи нашлось мѣсто въ департаментѣ, но оно требовало отъ него лишь переписки бумагъ да подшиванія ихъ. Онъ надѣялся, что будетъ жить на лучшей улицѣ столицы, окнами на Неву; въ дѣйствительности же ему пришлось поселиться въ домѣ на одной изъ самыхъ неопрятныхъ улицъ, въ четвертомъ этажѣ. Онъ надѣялся, что въ

столицѣ найдетъ полное удовлетвореніе своимъ высокимъ эстетическимъ потребностямъ; въ дѣйствительности же оказалось, что такое удовлетвореніе требуетъ много денегъ, а ихъ у него не было. Онъ полагалъ, что лица, къ которымъ онъ имѣлъ рекомендательныя письма или съ которыми ранѣе былъ знакомъ, встрѣтятъ его съ распростертыми объятіями, въ дѣйствительности же они приняли его довольно холодно, а нѣкоторыя и совсѣмъ не приняли. Все это огорчало и разстраивало его. Деньги, взятыя изъ дому, были на исходѣ: нужно было добыть ихъ, и онъ печатаетъ привезенную имъ изъ Нѣжина повѣсть: «Ганцъ Кюхельгартенъ»; но безпощадная критика смѣшала съ грязью не только повѣсть, но и творца ея, и Гоголь въ отчаяніи собираетъ экземпляры своего «Ганца» и сожигаетъ ихъ въ номерѣ гостиницы.

Съ появленіемъ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки» и «Миргорода», счастье какъ будто улыбнулось Гоголю; но съ выходомъ въ свѣтъ лучшихъ его произведеній: «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ», снова посыпались на него огорченіе за огорченіемъ: «Ревизора» долго не разрѣшали ставить на сцену, а потомъ, когда онъ появился на сценѣ, всѣ сословія напали на автора его; «Мертвыя души» долго не разрѣшались цензурой къ печатанію, — все это разстраивало Гоголя, мучило его. «Я усталъ душою и тѣломъ», говоритъ онъ въ одномъ письмѣ по поводу толковъ, вызванныхъ «Ревизоромъ»: «клянусь, никто не знаетъ и не слышитъ моихъ страданій. Богъ съ ними со всѣми! мнѣ опротивѣла моя пьеса». А сколько душевныхъ страданій ему пришлось перенести отъ нападокъ, вызванныхъ «Завѣщаніемъ» и «Выбранными мѣстами изъ переписки съ друзьями»!

Обстоятельствомъ, при которомъ всѣ невзгоды осо-

бенно живо, болѣзненно воспринимались Гоголемъ, служило его одиночество. Онъ не имѣлъ при себѣ близкихъ лицъ, при которыхъ всякое горе—въ полгоря. Со времени выѣзда изъ родины, при немъ были только люди чужіе: или наемные, или же смотрящіе на него, какъ на «дойную корову». Даже лучшіе, повидимому, люди, у которыхъ ему приходилось жить, мучили его, отравляли его жизнь своею безсердечностью. Приведу хотя слѣдующій фактъ. Будучи въ сороковыхъ годахъ въ Москвѣ, Гоголь жилъ на квартирѣ въ домѣ П., издававшаго журналъ: «Москвитянинъ». Журналъ шелъ плохо. Издатель хотѣлъ привлечь къ сотрудничеству Гоголя и его именемъ поднять свой журналъ. Напрасно Гоголь увѣрялъ его, что не имѣетъ ничего готоваго, что не въ состояніи въ данное время писать. Квартирный хозяинъ не допускалъ въ жизни автора такихъ періодовъ, когда ему «не творится», и безпрестанно мучилъ Гоголя, требуя у него статей въ свой журналъ, при чемъ устраивалъ ему непріятныя сцены и распространялъ про него нелестные слухи. Легко понять, какъ болѣзненно дѣйствовали на нервную, впечатлительную натуру Гоголя подобныя требованія, сцены и слухи. Онъ не хотѣлъ ни открыто поссориться съ П., уѣхавъ изъ его дома; ни даже разсказывать другимъ о его неделикатныхъ поступкахъ. Онъ молчалъ, но втайнѣ мучился и раздражался

Въ одномъ изъ писемъ того времени (1845 г.) онъ говоритъ: «Душа изнывала отъ страшной тоски, и ни души не было около меня въ продолженіе самыхъ трудныхъ минутъ, тогда какъ всякая душа человѣческая была бы подаркомъ».

Лучшимъ другомъ Гоголя былъ Пушкинъ. Гоголь благоговѣлъ передъ нимъ, преклонялся и передъ его талан-

томъ, и передъ качествами его души. Пушкинъ былъ для Гоголя и руководителемъ-наставникомъ, и вдохновителемъ. Извѣщеніе о смерти Пушкина сильно поразило Гоголя. Вотъ какимъ воплемъ выразилось въ словахъ горе послѣдняго: «Моя утрата», писалъ онъ Погодину: «всѣхъ больше. Ты скорбишь, какъ русскій, какъ писатель, а я... я и сотой доли не могу выразить своей скорби. Моя жизнь, мое высшее наслажденіе умерло съ нимъ. Свѣтлыя минуты моей жизни были минуты, въ которыя я творилъ. Когда я творилъ, я видѣлъ передъ собою только Пушкина. Ничего не предпринималъ, ничего не писалъ я безъ его совѣта. Все, что есть у меня хорошаго,— всѣмъ этимъ я обязанъ ему. И теперешній трудъ мой («Мертвыя души») есть его созданіе. Онъ взялъ съ меня клятву, чтобы я писалъ, и ни одна строка моего труда не писалась безъ того, чтобы онъ не являлся въ то время очамъ моимъ. Я тѣшилъ себя мыслью, какъ будетъ доволенъ онъ; угадывалъ, что будетъ нравиться ему, и это было моею высшею и первою наградою. Теперь этой награды нѣтъ впереди. Что трудъ мой? Что теперь жизнь моя?».

Всѣ указанныя обстоятельства подтачивали здоровье Гоголя, разстраивали его нервную систему. Онъ становился болѣзненно-раздражительнымъ, скучнымъ. Иногда случались съ нимъ нервные припадки, при чемъ онъ по нѣскольку минутъ оставался безъ движенія, даже безъ сознанія.

Въ 1849 году Гоголь прибылъ изъ Іерусалима въ Москву. Здѣсь онъ вторично сталъ писать второй томъ «Мертвыхъ душъ» (Говорю «вторично», такъ какъ года три передъ тѣмъ онъ, въ минуту душевной тоски, сжегъ рукопись второго тома «Мертвыхъ душъ», совершенно приготовленую къ печати). Творческая работа под-

вигалась впередъ. Уже нѣкоторыя главы онъ прочитывалъ въ кругу московскихъ знакомыхъ и приводилъ послѣднихъ въ восторгъ ими... Но здоровье Гоголя было въ высшей степени уже разстроено: онъ былъ блѣденъ, худъ и изнуренъ; знакомыхъ онъ посѣщалъ рѣдко, въ большихъ собраніяхъ былъ молчаливъ, разсѣянъ, угрюмъ.

На лѣто Гоголь уѣзжалъ въ деревню, а зиму 1850—51 года прожилъ въ Одессѣ, окончательно отдѣлывая II-ой томъ «Мертвыхъ душъ».

Лѣтомъ 1851 года онъ снова прибылъ въ Москву, чтобы приступить къ печатанію своего произведенія; но медлилъ отдавать его въ печать, продолжая передѣлывать его. Между тѣмъ здоровье его постепенно ухудшалось. Значительную часть своего времени онъ удѣлялъ на чтеніе «Четий Миней» и книгъ духовнаго содержанія; кромѣ того, онъ посѣщалъ монастыри и со слезами молился въ нихъ.

Зиму 1851—52 года онъ чувствовалъ себя совершенно разбитымъ и разстроеннымъ. Нервное разстройство вызывало въ немъ припадки невыносимой тоски. Скоропостижная смерть Хомяковой, къ которой Гоголь относился съ большимъ уваженіемъ, сильно потрясла его. Имъ овладѣлъ мучительный «страхъ смерти», приступы котораго онъ испытывалъ уже и ранѣе. Онъ сказалъ объ этомъ своему духовнику, и тотъ старался успокоить его, но напрасно. На масляной недѣлѣ Гоголь началъ говѣть. Онъ ничего не ѣлъ, кромѣ просфоры, и проводилъ ночи безъ сна на молитвѣ. Въ четвергъ на той же недѣлѣ онъ исповѣдался у своего духовника— въ отдаленной части города и причастился. Передъ принятіемъ Святыхъ Таинъ Гоголь молился, обливаясь слезами. Священникъ замѣтилъ, что онъ былъ такъ слабъ, что еле держался на ногахъ. Несмотря на такую слабость,

Гоголь вечеромъ пріѣхалъ къ духовнику и просилъ его отслужить молебенъ. Ночью съ пятницы на субботу, когда Гоголь стоялъ на молитвѣ, ему послышались голоса, говорившіе, что онъ скоро умретъ. Онъ послалъ за священникомъ, чтобы пособороваться; но, когда священикъ пришелъ, онъ нѣсколько успокоился и отложилъ совершеніе таинства до другого дня. Онъ позвалъ къ себѣ графа А. П. Толстого, въ домѣ котораго жилъ, и просилъ его взять совершенно приготовленную къ печати рукопись второго тома «Мертвыхъ душъ» и послѣ его смерти отвезти ее къ одному духовному лицу, которое рѣшитъ, что съ нею слѣдуетъ сдѣлать. Толстой не согласился взять бумаги, чтобы не показать больному, что считаетъ положеніе его опаснымъ. Ночью, оставшись одинъ, Гоголь снова испыталъ тѣ ощущенія, которыя описывалъ въ своей «Перепискѣ съ друзьями». Душа его «замерла отъ ужаса при одномъ только представленіи загробнаго величія и тѣхъ духовныхъ высшихъ твореній Бога, предъ которыми пыль все величіе его твореній, здѣсь нами зримыхъ и насъ изумляющихъ»; весь умирающій составъ его застоналъ, «почуявъ исполинскія возрастанія и плоды, которыхъ сѣмена мы сѣяли въ жизни, не прозрѣвая и не слыша, какія страшилища отъ нихъ подымутся»... Его произведеніе («Мертвыя души») представилось ему, какъ представлялось часто и прежде, исполненіемъ долга, возложеннаго на него Создателемъ. Имъ овладѣлъ страхъ при мысли, что долгъ этотъ выполненъ имъ не такъ, какъ предначерталъ Творецъ, одарившій его талантомъ; что писаніе его вмѣсто пользы, вмѣсто приготовленія людей къ жизни вѣчной, окажетъ на нихъ вредное вліяніе. Долго, со слезами молился онъ; потомъ въ три часа ночи разбудилъ слугу своего, велѣлъ ему открыть трубу

въ каминѣ, вынулъ бумаги изъ портфеля, связалъ ихъ въ трубку и положилъ въ каминъ. Слуга бросился передъ нимъ на колѣни и умолялъ его не жечь бумагъ, чтобы не жалѣть потомъ, когда выздоровѣетъ. «Не твое дѣло», отвѣчалъ Гоголь и зажегъ бумаги. Углы тетрадей обгорѣли и огонь сталъ потухать. Гоголь велѣлъ развязать тесемку и самъ ворочалъ бумаги, крестясь и молясь, пока онѣ ни превратились въ пепелъ. Слуга плакалъ и говорилъ: «Что это вы сдѣлали!» — «Тебѣ жаль меня?» сказалъ Гоголь, обнялъ, поцѣловалъ его и самъ заплакалъ.

Онъ вернулся въ спальню, легъ въ постель и продолжалъ плакать. На утро, когда свѣтъ дня разсѣялъ мрачныя картины, рисовавшіяся воображенію его ночью, онъ сталъ горько сожалѣть, что сжегъ свое лучшее, любимое произведеніе. Когда пришелъ графъ Толстой, Гоголь съ сокрушеніемъ разсказалъ ему, какая судьба постигла второй томъ «Мертвыхъ душъ», и жалѣлъ, что графъ не взялъ у него раньше рукописи. Легко представить себѣ, какую душевную муку переживалъ Гоголь отъ сознанія, что его лучшее твореніе, для созданія котораго онъ употребилъ много времени и труда, и въ которомъ вылились его лучшіе идеалы, не существуетъ.

Гоголь впалъ въ мрачное уныніе, не пускалъ къ себѣ друзей или, когда они приходили, просилъ ихъ удалиться подъ предлогомъ, что хочетъ отдохнуть. Онъ почти ничего не говорилъ, но часто дрожащею рукою писалъ изреченія религіознаго содержанія. Отъ всякаго лѣченія онъ отказывался, увѣряя, что никакое лѣченіе уже не поможетъ. Онъ, видимо, готовился къ переходу въ загробную жизнь. Такъ прошла первая недѣля Великаго поста. Въ понедѣльникъ на второй недѣлѣ поста духовникъ предложилъ ему пріобщиться и пособоровать-

ся. Съ живою радостью Гоголь принялъ предложеніе. Во время совершенія таинства онъ молился со слезами и за евангеліемъ держалъ слабой рукой свѣчу. Во вторникъ ему стало какъ будто легче, но въ среду у него сдѣлался страшный припадокъ нервной горячки, и въ четвергъ, 21-го февраля, въ 8 часовъ утра, онъ скончался (въ 1852 г.).

Вѣсть о смерти Гоголя поразила его друзей и почитателей, такъ какъ они надѣялись, что онъ еще поправится. Горе ихъ еще болѣе усилилось, когда они узнали, что вторая часть «Мертвыхъ душъ» сожжена и не явится въ свѣтъ.

Тѣло покойнаго, какъ почетнаго члена университета, было перенесено, въ ожиданіи погребенія, въ университетскую церковь и оставалось тамъ до выноса. На похоронахъ присутствовали представители литературы и университетской науки, а также многія высокопоставленныя лица, напр.: генералъ—губернаторъ, попечитель учебнаго округа и друг. Гробъ вынесли изъ церкви профессора, а студенты несли его до самаго Данилова монастыря, гдѣ и опустили въ землю рядомъ съ могилой поэта Языкова. На надгробномъ памятникѣ Гоголя вырѣзаны слова пророка Іереміи: «Горькимъ моимъ словомъ посмѣюся».

Закончу эту статью слѣдующими словами И. С. Аксакова, сказанными въ годъ смерти поэта: «Вся жизнь, весь художественный подвигъ, всѣ искреннія страданія Гоголя, наконецъ, сожженіе самимъ художникомъ своего труда, надъ которымъ онъ такъ долго, такъ мучительно работалъ; эта страшная торжественная ночь сожженія и вслѣдъ за этимъ смерть,—все это вмѣстѣ носитъ характеръ такого событія, представляетъ такую

великую, грозную поэму, смыслъ которой останется долго неразгаданнымъ».

Къ этимъ словамъ прибавлю еще слѣдующія слова, сказанныя о Гоголѣ же современнымъ намъ профессоромъ Кирпичниковымъ: «Великъ, кто при всѣхъ жизненныхъ испытаніяхъ сохранилъ въ себѣ чистую, пламенѣющую жаркою любовью ко всему высокому и прекрасному душу и до самаго тяжкаго конца устремлялъ всѣ силы ея на служеніе общему благу и истинѣ и стремился къ духовному самоусовершенствованію».

К. Ельницкій.

О жизни и твореніяхъ Гоголя *).

Сегодня вся Русская земля празднуетъ славную память геніальнаго русскаго писателя, Николая Васильевича Гоголя, по случаю истекшаго 50-лѣтія со дня его кончины. Во всѣхъ самыхъ отдаленныхъ концахъ нашего необъятнаго отечества, куда только успѣлъ проникнуть хотя бы слабый лучъ просвѣщенія, чествуютъ этого знаменитѣйшаго послѣ Пушкина представителя нашей національной гордости и славы на поприщѣ словеснаго искусства, чествуютъ—кто какъ можетъ: одни произносятъ торжественныя рѣчи о немъ, другіе устраиваютъ школы его имени, третьи учреждаютъ стипендіи при разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, называютъ въ городахъ его именемъ улицы, скверы, и уже давно, еще съ 1880 года, идетъ по подпискѣ собираніе необходимыхъ средствъ на постановку ему величественнаго памятника въ Москвѣ, гдѣ ужъ въ означенномъ году поставленъ памятникъ А. С. Пушкину, его славному учителю, современнику и сподвижнику.

Мы также собрались здѣсь, чтобы почтить память славнаго поэта хотя бы краткимъ воспоминаніемъ о жизни и произведеніяхъ его и прочтеніемъ отрывковъ изъ его геніальныхъ твореній.

Н. В. Гоголь-Яновскій, малороссіянинъ по происхожденію, родился въ малороссійской деревнѣ Васильевкѣ, Миргородскаго у., Полтавской губерніи; дѣт-

---

*) Рѣчь, читанная во 2-й Пензенской гимназіи 21 февраля 1902 г.

ство свое, до 10-лѣтняго возраста, провелъ въ той же деревнѣ, учился въ гимназіи высшихъ наукъ кн. Безбородко (нынѣ Историко-Филологическій институтъ) въ Нѣжинѣ, Черниг. губ. По окончаніи здѣсь курса, молодой Гоголь отправляется въ Петербургъ (1828 г.), поступаетъ на службу въ одинъ изъ департаментовъ; затѣмъ, оставивъ чиновничью службу, года три занимается преподаваніемъ въ Патріот. институтѣ и Петерб. университетѣ. Здѣсь же, въ Петербургѣ, знакомится и даже вступаетъ въ дружескія связи съ виднѣйшими писателями того времени, въ особенности съ А. С. Пушкинымъ, В. А. Жуковскимъ, кн. Вяземскимъ и Одоевскимъ. Въ 1836 году начинается его скитальческая жизнь: 12 лѣтъ онъ живетъ за границей, преимущественно въ Италіи, лишь изрѣдка посѣщая родину. По возвращеніи въ Россію, окончательно разстроивъ свое здоровье, онъ умираетъ въ 1852 мъ году 21 февраля въ Москвѣ, гдѣ и находится его могила, на кладбищѣ Данилова монастыря.

Прежде всего мы коснемся здѣсь крупнѣйшихъ вліяній, способствовавшихъ развитію богатыхъ природныхъ дарованій нашего писателя; потомъ попытаемся кратко охарактеризовать его произведенія и опредѣлить ихъ значеніе для русской литературы и русскаго общества.

Природа и жизнь Малороссіи, родная семья и близкія къ ней лица, школа и общество—вотъ главные дѣятели, такъ или иначе вліявшіе на духовную личность и на характеръ твореній нашего великаго юмориста.

Отъ природы чуткая ко всему прекрасному душа поэта легко подчинялась обаянію картинъ природы благословенной Малороссіи, ея безграничныхъ равнинъ и степей, ея темно-синяго неба, ея темныхъ и звѣздныхъ ночей, мягко морозныхъ зимою и нѣжно-теплыхъ лѣ-

томъ; ея жаркихъ, ясныхъ, безоблачныхъ лѣтнихъ дней; ея плавно текущихъ рѣкъ съ прибрежными лѣсами. Поэтъ любилъ простоту жизни и поэтическіе обычаи своихъ соплеменниковъ; его нѣжную душу трогали то очаровательныя по содержанію и мотивамъ задушевныя пѣсни его родины, то полныя историческаго смысла знаменитыя думы, въ которыхъ столь живо, столь вѣрно, передаются событія историческаго прошлаго Малороссіи: то бѣдственнаго, то славнаго,—событія борьбы ея съ врагами ея вѣры, языка и народности.

Сильное отъ природы воображеніе поэта питалось многочисленными, то мрачными и страшными, то комическими и забавными, но всегда обаятельно поэтическими народными повѣрьями и сказаніями.

Вмѣстѣ съ родной семьей онъ жилъ жизнью, близкою къ жизни простого народа, какъ и все тогдашнее малороссійское дворянство, не увлекавшееся иностранщиной, не оторванное, подобно дворянству великороссійскому, отъ родного народа.

Вообще, достаточно только вспомнить его юношескіе «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки», чтобы убѣдиться въ могущественномъ воздѣйствіи на поэтическія дарованія поэта со стороны малорусской природы и жизни.

Не меньшую роль въ этомъ отношеніи слѣдуетъ приписать и родной семьѣ поэта.

Гармонически спокойныя, проникнутыя живѣйшею искренностью и сердечностью взаимныя отношенія членовъ этой семьи неотразимо благотворно дѣйствовали на юное сердце поэта, отъ природы чувствительное.

Особенною силою отличалось религіозное вліяніе матери, женщины съ рѣдкою глубиною и искренностью религіознаго настроенія. Здѣсь же, въ родной семьѣ,

подъ вліяніемъ послѣдней, возникаютъ и литературныя наклонности и даже самое направленіе ихъ въ будущемъ великомъ юмористѣ, и это должно приписать, во-первыхъ, литературнымъ преданіямъ семьи; во-вторыхъ, тогдашнему раннему знакомству будущаго поэта съ зачатками тогдашней малорусской литературы, особенно же литературнымъ способностямъ и занятіямъ отца его, человѣка, безусловно образованнаго, автора комедій изъ малорусскаго быта, хорошаго разсказчика, большого театрала и актера, постоянно занятаго устройствомъ представленій на домашнихъ театрахъ.

Въ гимназію Гоголь является съ рѣдкою въ его годы наклонностью къ литературнымъ занятіямъ и къ сценѣ, гдѣ эта наклонность вполнѣ обнаруживается.

Прилежаніемъ и успѣхами въ гимназіи онъ не отличался. Тѣмъ не менѣе пребываніе въ ней поэта не можетъ быть признано безполезнымъ для него, ибо «самое общество товарищей, самая возможность обмѣниваться съ ними мыслями и чувствами, удовлетвореніе литературныхъ наклонностей, товарищеская оцѣнка первоначальныхъ литературныхъ опытовъ,—все это питало, возбуждало, укрѣпляло литературныя дарованія Гоголя и подготовляло къ блестящему выраженію этихъ дарованій въ будущемъ» (Лавровскій Н. А.).

Изъ отдѣльныхъ лицъ, вліяніе которыхъ на Гоголя въ семейные и школьные годы не подлежитъ сомнѣнію, слѣдуетъ назвать Трощинскаго, знатнаго родственника Гоголей, жившаго въ сосѣдствѣ и дружбѣ съ послѣдними: на пылкое воображеніе будущаго поэта дѣйствовала, несомнѣнно, самая домашняя обстановка этого пышнаго вельможи и бывшаго министра императрицы Екатерины II, а также его разсказы о жизни въ столицѣ, о службѣ, государственныхъ дѣятеляхъ того времени и

дворѣ и проч. Богатая библіотека Трощинскаго также всегда была къ услугамъ молодого Гоголя.

Но, конечно, только вышедши изъ тѣснаго круга семьи и школы, Гоголь получилъ возможность наблюдать жизнь непосредственно, во всѣхъ ея многообразныхъ проявленіяхъ. Столица, въ которую онъ попалъ вскорѣ по оставленіи гимназіи, дала ему массу матеріала для наблюденій, массу новыхъ, незнакомыхъ провинціалу, впечатлѣній; здѣсь онъ, можетъ-быть, въ первый разъ познакомился съ тою тиною мелочей, пошлостей и вообще всяческой нравственной грязи, которая впослѣдствіи сдѣлалась предметомъ изображенія въ его сочиненіяхъ. Изъ петербургскихъ знакомствъ Гоголя наибольшаго вниманія заслуживаетъ, конечно, знакомство съ Пушкинымъ. Своимъ проницательнымъ умомъ, безошибочнымъ художническимъ чутьемъ послѣдній сразу постигъ необыкновенныя дарованія своего новаго пріятеля и внушилъ ему рѣшимость выступить на писательское поприще и затѣмъ сдѣлался его учителемъ, руководителемъ и другомъ.

Вотъ какъ самъ великій ученикъ опредѣляетъ взаимныя свои отношенія съ великимъ учителемъ и значеніе послѣдняго для себя:

«Все наслажденіе мое, все мое высшее наслажденіе», пишетъ Гоголь послѣ смерти Пушкина: «исчезло вмѣстѣ съ нимъ. Ничего не предпринималъ я безъ его совѣта. Ни одна строка не писалась безъ того, чтобы я не воображалъ его предъ собою. Что скажетъ онъ, что замѣтитъ онъ, чему посмѣется, чему изречетъ неразрушимое и вѣчное одобреніе свое—вотъ что меня только занимало и одушевляло мои силы. Тайный трепетъ невкушаемаго на землѣ удовольствія обнималъ мою душу. Боже! нынѣшній трудъ мой («Мертвыя души»),

внушенный имъ, его созданіе... я не въ силахъ продолжать его. Нѣсколько разъ принимался за перо, и перо падало изъ рукъ моихъ. Невыразимая тоска!»

Изъ этихъ словъ видно, чѣмъ былъ для Гоголя Пушкинъ. Изъ московскихъ друзей Гоголя слѣдуетъ упомянуть особенно о писателяхъ славянофильскаго кружка (каковы: Аксаковы, Погодинъ), слѣды вліянія котораго на Гоголя ясны и несомнѣнны (лирическія отступленія въ «Мертвыхъ душахъ»).

Переходя къ характеристикѣ произведеній Гоголя, мы должны сказать, что имя его неразрывно связано съ именемъ Пушкина—не только личными отношеніями, но также и общимъ характеромъ ихъ дѣятельности, содержаніемъ ихъ великихъ твореній и литературно-общественнымъ значеніемъ послѣднихъ: оба они являются величайшими выразителями русскаго народнаго духа, представителями русскаго народнаго самосознанія. Въ ихъ твореніяхъ съ небывалою до нихъ да и послѣ нихъ глубиною, широтою и полнотою отразилась русская жизнь, русская душа, русская природа. Взаимно дополняя другъ друга, изображая—одинъ прекрасную, положительную сторону жизни, другой темную, отрицательную, они составляютъ какъ бы одно гармоническое цѣлое. Эти богатыри русской духовной мощи, русскаго слова, олицетворили въ себѣ весь русскій народъ въ его двухъ главныхъ разновидностяхъ—великорусской и малорусской, подобно тому, какъ былинные богатыри силы тѣлесной олицетворяютъ физическую силу русскато народа; они воплотили въ себѣ тѣ свойства, которыми онъ отличается отъ другихъ народностей.

Въ исторіи почти каждаго великаго историческаго народа существуютъ такія свойства, такія черты; въ дѣяніяхъ каждаго такого народа замѣчаются обыкно-

венно господствующiя, преобладающiя цѣли, интересы, идеалы и стремленiя: у одного народа преимуществуютъ въ жизни теоретическiе научные интересы, интересы ума; у другого—эстетическiе, интересы искусства; у третьяго этическiе, нравственные, и проч.

Въ исторической жизни русскаго народа красною нитью проходятъ послѣдняго рода стремленiя и идеалы, идеалы нравственно-христiанскiе, стремленiя къ высшей нравственной правдѣ, къ осуществленiю ея въ дѣйствительной жизни, въ отношенiяхъ между людьми—идеалы, то ясно сознанные и выраженные, то лишь смутно чувствуемые.

Но самая высота этихъ идеаловъ и многiя условiя исторической жизни русскаго народа затрудняли, задерживали проведенiе ихъ въ жизнь, и послѣдняя представляла постоянныя противорѣчiя съ этими идеалами. Отсюда постоянная неудовлетворенность русскаго человѣка, недовольство его дѣйствительностью, господство въ русскомъ человѣкѣ отрицательнаго отношенiя къ ней, доходящее иногда до уродливыхъ преувеличенiй, до самоуниженiя, до самооплеванiя; отсюда же господство или по крайней мѣрѣ преобладанiе въ русской словесности отрицательныхъ направленiй, къ которымъ принадлежатъ, можно сказать, почти всѣ лучшiя произведенiя русскаго художественнаго слова.

Къ тому же направленiю относятся и творенiя нашего великаго юмориста; онъ есть самый яркiй выразитель идеально-нравственныхъ стремленiй и вмѣстѣ съ тѣмъ отрицательныхъ явленiй жизни.

Отрицательныя явленiя жизни, то мелкiя, пошлыя, ничтожныя; то безнравственныя и отвратительныя, глубоко противорѣчащiя указаннымъ идеаламъ, и составляютъ существенное содержанiе произведенiй нашего

великаго поэта. Отношеніе послѣдняго къ означеннымъ явленіямъ выражается въ его юморѣ, представляющемъ одинъ изъ видовъ смѣшного, комическаго.

Но это не есть смѣхъ презрѣнія, вражды, ненависти къ людямъ, уклонившимся отъ идеала, пошлымъ, низкимъ,—это—смѣхъ, соединенный съ грустью, даже со слезами,—«смѣхъ сквозь слезы», какъ выразился о немъ самъ Гоголь. Это не есть смѣхъ Лермонтова, запечатлѣнный стихомъ, «облитымъ горечью и злостью», или злой, бичующій смѣхъ Ювенала,—это скорѣе смѣхъ Сервантеса и Диккенса, не выражающій и не внушающій полнаго отчаянія въ возможности возрожденія падшаго человѣка, въ возможности возстановленія нравственнаго достоинства послѣдняго и возвращенія къ нравственной жизни: съ этимъ смѣхомъ соединена вѣра въ то, что даже и въ самомъ падшемъ человѣкѣ сохраняется искра Божія; мало этого: въ немъ, въ этомъ смѣхѣ, заключается даже чувство любви къ падшему, стремленіе возвратить ему образъ Божій. Не во всѣхъ однако сочиненіяхъ Гоголя замѣчается настоящій юморъ и отрицательное содержаніе. Исключеніе въ этомъ отношеніи представляютъ произведенія ранней юности Гоголя, а именно: «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки», общимъ содержаніемъ которыхъ служитъ изображеніе малорусской жизни, по преимуществу простого народа, его повѣрія и суевѣрія, его обычаи и бытъ, а также украинская природа.

Веселый смѣхъ «Вечеровъ» существенно отличается отъ юмора въ настоящемъ смыслѣ слова: это беззаботный смѣхъ жизнерадостнаго, безгранично и неудержимо веселаго отъ природы юноши, еще слишкомъ мало знакомаго съ противорѣчіями жизни, съ ея пошлостью, глупостью и безнравственностью. Слѣды настоящаго

юмора здѣсь еще очень слабы и совершенно теряются среди господствующихъ свѣтлыхъ картинъ и настроенiй.

Но уже въ слѣдующемъ по времени сборникѣ: «Миргородъ», эти слѣды становятся много явственнѣе и обильнѣе; здѣсь уже къ молодому, повидимому, невинному смѣху примѣшивается легкая грусть. «Скучно на этомъ свѣтѣ, господа»,—такими словами заканчиваетъ поэтъ одну изъ своихъ повѣстей второго сборника. Настоящей же силы и глубины достигаетъ юморъ Гоголя въ петербургскихъ повѣстяхъ и особенно въ знаменитой комедiи: «Ревизоръ», и поэмѣ: «Мертвыя души».

Дѣйствительно, не столько смѣшны, сколько печальны эти Сквозники-Дмухановскiе, Ляпкины-Тяпкины, Земляники, Шпекины и другiе представители уѣзднаго чиновничества, наивно забывающiе элементарнѣйшiя требованiя правды, человѣческаго закона и своей совѣсти; не меньшую грусть способны внушить эти, повидимому, только смѣшные прокуроры, предсѣдатели и другiе обыватели губернскаго Олимпа, сознательно нарушающiе законъ ради одного прiятнаго знакомства; эти Чичиковы—«прiобрѣтатели», на словахъ «нѣмѣющiе предъ закономъ», а на дѣлѣ спокойно грабящiе казенныя таможни и открыто предпринимающiе завѣдомо беззаконныя сдѣлки; эти безтолковые, сентиментальные мечтатели Маниловы; злорѣчивые, грубые и чревоугодливые Собакевичи; «эти историческiе человѣки» —Ноздревы, славящiеся широтою и безшабашностью своей натуры, прожиганiемъ жизни; пустоголовые, хвастливые и въ высокой степени мелочные Хлестаковы и вообще всѣ прочiе столичные, губернскiе и уѣздные чиновники и чиновницы, помѣщики и помѣщицы, преданные единственно и исключительно удовлетворенiю своихъ мелочныхъ, пошлыхъ, нерѣдко низменныхъ, беззаконныхъ и

безнравственныхъ склонностей, желаній, страстей и страстишекъ,—чуждые всякихъ мало-мальски серьёзныхъ интересовъ жизни. О степени реальности всей этой безконечной галлереи типовъ свидѣтельствуетъ то, что рѣдкое изъ ихъ именъ не сдѣлалось нарицательнымъ; потомки ихъ еще и въ настоящее время сплошь и рядомъ встрѣчаются на каждой ступени русской общественной лѣстницы.

И эти герои, дѣйствительно, способны вызвать да и вызываютъ въ читателѣ или слушателѣ не столько смѣхъ, сколько глубокую грусть, доходящую до унынія. Такое же душевное состояніе вызвали они и въ самомъ геніальномъ художникѣ, нарисовавшемъ ихъ. Не даромъ же во время чтенія поэмы: «Мертвыя души», у Пушкина вырвалось невольное восклицаніе: «Боже! какъ грустна наша Русь!» Эта грусть нашего геніальнаго юмориста перешла въ настоящую меланхолію, когда ему не удалась его попытка изобразить «прекраснаго человѣка», т.-е. положительную сторону русской жизни и такимъ образомъ обнять всю ее, съ ея достоинствами и недостатками: такого «прекраснаго человѣка» въ русской дѣйствительности не оказалось, и типы 2-го т. «Мертвыхъ душъ» представили явное нарушеніе художественной правды

Значеніе дѣятельности Гоголя и его твореній для русской литературы и русскаго общества, безъ сомнѣнія, огромно, и не легко рѣшить вопросъ о томъ, кому изъ двухъ нашихъ геніальныхъ писателей—Пушкину или Гоголю,—отдать пальму первенства въ глубинѣ, силѣ и широтѣ ихъ вліянія на дальнѣйшій ходъ развитія русской литературы и русскаго общества. Оба они являются, какъ сказано выше, выразителями русскаго народнаго генія; оба они уже свободны отъ вліянія

иноземщины и въ содержаніи, и въ формѣ своихъ замѣчательныхъ твореній и внесли эту свободу окончательно и безповоротно во всѣ роды и виды нашей литературы, окончательно направивъ послѣднюю въ родное русло, изъ котораго отдѣлились новые могучіе рѣки, потоки и ручьи; оба они признали одинаковые законы русскаго художественнаго слова и вообще русскаго искусства и т. д. Но, если Пушкинъ превосходилъ Гоголя степенью своего образованія, силою своего художественнаго генія; если онъ въ иныхъ мѣстахъ своихъ твореній возвышается до общечеловѣческаго значенія и поднимается на тѣ вершины творчества, на которыхъ царятъ міровые геніи Шиллера, Гете, Шекспира, Мицкевича, то все же въ степени, силѣ, широтѣ вліянія на послѣдующее литературное движеніе въ Россіи онъ долженъ, кажется, уступить нашему великому юмористу, своему великому ученику.

За Гоголемъ, по нашему мнѣнію, непосредственно, а не за Пушкинымъ пошли самые могучіе таланты нашей литературы въ изображеніи реальной жизни, каковы: Достоевскій съ его знаменитымъ психическимъ анализомъ, съ его страстнымъ стремленіемъ къ личному нравственному самосовершенствованію, съ его глубокою любовью къ падшему человѣку; Тургеневъ, этотъ, по его собственному выраженію, заклятый врагъ величайшей общественной неправды, крѣпостничества, этого источника всякихъ другихъ неправдъ на Руси; особенно же Щедринъ, съ своими архи-реальными, хотя иногда и хватающими черезъ край, сатирами; Островскій съ цѣлымъ роемъ своихъ комедій, составляющихъ потомство знаменитаго «Ревизора»; даже А. Толстой во многихъ своихъ произведеніяхъ, а также Гончаровъ и Л. Толстой и многіе другіе,—

тогда какъ ближайшее литературное потомство Пушкина составляютъ скромныя имена Дельвига, Языкова, Баратынскаго, двухъ Туманскихъ и проч., изъ коихъ сравнительно большею извѣстностью пользуются только болѣе далекіе потомки геніальнаго поэта — Аполл. Майковъ и Полонскій.

Школу послѣдователей Гоголя можно бы назвать натурально-художественною, а Пушкина — идеально художественною; если послѣдніе, помня завѣтъ своего учителя, предаются лишь «звукамъ сладкимъ и молитвамъ» *), то первые, слѣдуя вмѣстѣ съ Гоголемъ общимъ основамъ Пушкинскаго творчества, принимаютъ участіе, нерѣдко даже самое горячее, и «въ житейскихъ волненіяхъ и битвахъ», въ битвахъ, конечно, не за «корысть», а за тѣ идеалы, за которые страдалъ и боролся ихъ знаменитый учитель.

Не подлежитъ, конечно, никакому сомнѣнію высокое значеніе Гоголя вм. съ Пушкинымъ и для нравственнаго развитія русскаго общества. Будучи самъ лично глубоко проникнутъ религіозно-нравственными основами, дошедши въ своей личной жизни до аскетизма, убѣжденный въ необходимости для писателя возможнаго нравственнаго совершенства, онъ пропиталъ, такъ сказать, тѣми же основами и свои произведенія и тѣмъ могущественно содѣйствовалъ нравственному возрожденію русскаго общества. Къ нему не вполнѣ приложимы слова Пушкина: «Пока не требуетъ поэта къ священной жертвѣ Аполлонъ, въ заботахъ суетнаго свѣта онъ малодушно погруженъ» и проч.: онъ больше

---

*) Ред. нѣсколько не согласна со сказаннымъ. См. по этому вопросу въ «Фил. Зап.» за 1899 г. ст.: «Памяти А. С. Пушкина».

походилъ на Пушкинскаго и Лермонтовскаго пророка, чѣмъ сами творцы этого образа; онъ, дѣйствительно, по словамъ Пушкина: «глаголомъ жегъ сердца людей». Сила дѣйствія этого жгучаго, пламеннаго пророческаго слова ясно видна изъ того впечатлѣнія, какое произвелъ его «Ревизоръ» на современниковъ автора, изъ коихъ многіе узнали себя въ герояхъ комедіи, но не послѣдовали совѣту пословицы: «Неча на зеркало пенять, коли рожа крива».

И не больше ли перу Гоголя, чѣмъ Севастопольскому погрому, обязанъ тотъ покаянный вопль, который раздался послѣ этого погрома въ средѣ прототиповъ героевъ «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ»? Не имъ ли, вмѣстѣ съ ихъ литературнымъ потомствомъ, слѣдуетъ приписать послѣдовавшее затѣмъ рѣшеніе вопроса о крѣпостномъ правѣ, а также другія великія реформы Александра II?

В. Шамраевъ.

Основныя черты духовнаго облика Н. В. Гоголя и роль его произведеній въ исторіи русскаго самосознанія *).

Одинъ изъ знаменательныхъ моментовъ переживаетъ сегодня Россія. Накопилось однимъ фактомъ больше въ исторіи нашего общественнаго самосознанія. Не безъ радости и гордости мы можемъ считать себя участниками и свидѣтелями тѣхъ исключительныхъ моментовъ проявленія самосознанія, которые въ назиданіе потомству достойны занесенія да несомнѣнно и будутъ занесены на страницы русской исторіи. Такими моментами проявленія нашего самосознанія являются въ послѣднее время литературныя поминки и юбилейныя торжественныя чествованія выдающихся общественныхъ дѣятелей и особено дѣятелей литературы. Недавно и очень недавно, всего два съ небольшимъ года, на нашу долю выпала высокая честь участвовать въ торжественномъ всероссійскомъ праздникѣ въ память геніальнѣйшаго представителя русской поэзіи — Пушкина, — праздникѣ просвѣщенія, — праздникѣ, объединившемъ духовно не только всю великую и обильную Русь, но и тѣ „славянскіе ручьи,“ которые издавна находятся въ семейномъ, домашнемъ спорѣ. Памятны также, смѣю надѣяться, для всякаго русскаго сердца и торжественные литературные юбилеи и поминки Лермонтова, Кольцова, Григоровича, Бѣлинскаго, Грибоѣдова и др., которые имѣли мѣсто въ концѣ XIX-го столѣтія; памят-

*) Рѣчь, сказанная въ Одесской Ришельевской мужской гимназіи и 2-й городской женской гимназіи 21-го февраля 1902 года.

ны и дни, когда русская публика оплакивала маститаго старца Гончарова или вспоминала 50-лѣтіе со дня появленія въ печати перваго произведенія великаго Достоевскаго. А если всѣ эти моменты памятны для русскаго человѣка, если отмѣчаются обществомъ такіе факты, какъ появленіе въ печати перваго произведенія хотя бы и великаго писателя, то, значитъ, далеко уже ушло то время, когда у насъ вѣнчались лишь герои на полѣ брани; напротивъ, къ общей нашей великой радости, настало время вѣнчать подвиги мысли и просвѣщенія, безкровныя побѣды въ области духа; настала пора вѣнчать людей, которые провозглашаютъ „любви и правды чистыя ученія“, „глаголомъ жгутъ сердца людей“, и этимъ, а не инымъ путемъ ведутъ насъ къ неотъемлемымъ мирнымъ завоеваніямъ.

И, дѣйствительно, къ такимъ мирнымъ завоеваніямъ въ области духа мы, русскіе, пришли сравнительно въ очень короткій промежутокъ времени благодаря литературѣ, выдвинувъ изъ своей среды цѣлый рядъ величайшихъ на этомъ поприщѣ представителей, признанныхъ не только у насъ въ Россіи, но и у всѣхъ образованныхъ народовъ Западной Европы и Америки. Именно литературой, этимъ важнѣйшимъ факторомъ культуры, а ничѣмъ инымъ, мы прежде всего заявили всему остальному міру о своей великой духовной мощи и самобытности. Вѣдь при отсутствіи литературы у извѣстнаго народа нѣтъ и мѣста этому народу въ общемъ движеніи по пути прогресса. Литература это великая сила, помогающая картинно и наглядно изображать лучшія человѣческія стремленія, извѣстныя подъ именемъ идеаловъ, которые всегда и вездѣ свидѣтельствуютъ о Прометеевой искрѣ въ природѣ человѣческой и которые, подобно маякамъ, освѣщаютъ умственный и нравственный мракъ современнаго состоянія общества; литература учитъ насъ пониманію жизни въ самомъ широкомъ смыслѣ слова; словомъ, гдѣ существуетъ

литература, тамъ только и возможно самосознаніе общественное, національное, а, слѣдовательно, и движеніе впередъ Не даромъ же нѣтъ страны, нѣтъ народа, который не гордился бы тѣмъ или инымъ поэтомъ или писателемъ. Греція гордилась Софокломъ и Гомеромъ, Римъ Овидіемъ и Гораціемъ, Италія гордится Данте, Франція—Мольеромъ; Германія—Шиллеромъ и Гёте, Англія—Шекспиромъ и Байрономъ; мы, русскіе, Пушкинымъ и Гоголемъ, Грибоѣдовымъ и Лермонтовымъ, Тургеневымъ и Достоевскимъ, Гончаровымъ и Толстымъ и мн. др. Но собственно вся послѣдующая плеяда знаменитыхъ русскихъ писателей даже до нашихъ дней обязана Пушкину и Гоголю, этимъ по истинѣ столпамъ русской литературы, у которыхъ черпали и продолжаютъ черпать, какъ изъ неизсякаемаго источника, вѣчно юную духовную силу и мощь всѣ послѣдующіе русскіе писатели. Подобно ручьямъ и притокамъ многоводной рѣки, изрѣзывающимъ въ различныхъ направленіяхъ поверхность земли, русскіе писатели, унаслѣдовавъ завѣщанное на всѣ времена Пушкинымъ и Гоголемъ великое духовное богатство, разсѣялись по русской жизни во всѣхъ направленіяхъ, изрѣзавъ ее въ томъ или иномъ отношеніи, вскрывъ наружу всѣ язвы русской жизни, освѣтивъ тотъ дальнѣйшій желательный путь, по которому она неуклонно должна итти, чтобы принести плодъ сторицею.

Гордое сознаніе одушевляетъ насъ, собравшихся сегодня (21 февр.) сюда, какъ и всю Россію, чтобы отдать долгъ почтенія и благодарности одному изъ геніальнѣйшихъ поэтовъ -писателей за все то, что онъ сдѣлалъ для насъ и что завѣщалъ намъ. Вы уже знаете, чье имя объединило духовно насъ сегодня, собравъ всѣхъ вмѣстѣ. Ровно 50-тъ лѣтъ тому назадъ отошелъ отъ насъ въ вѣчность великій человѣкъ, поэтъ—бытописатель земли Русской, Николай Васильевичъ Гоголь. Кому на Руси не извѣстно имя этого великаго писа-

теля? Кто изъ насъ не восхищался его „Тарасомъ Бульбой“? Кто читалъ безъ трепета страшнаго „Вія“, полнаго ошеломляющихъ ужасовъ? А смѣшные малороссы въ „Сорочинской ярмаркѣ“?—А добродушные старички—Аѳанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна? У кого чело не омрачалось глубокой думой надъ печальными явленіями общественной русской жизни, которыя такъ художественно и ярко изобразилъ Гоголь въ безсмертныхъ типахъ своихъ произведеній: „Ревизоръ“ и „Мертвыя души“? Кто, читая малороссійскія повѣсти, не смѣялся вмѣстѣ съ Гоголемъ тѣмъ жизнерадостнымъ, искреннимъ и непринужденнымъ смѣхомъ, которымъ проникнута вся его книга, и кто, наконецъ, изъ русскихъ людей, вдумчиво относясь и слѣдя за изображеніемъ въ произведеніяхъ Гоголя пошлой стороны жизни, не испыталъ на себѣ силы того смѣха сквозь слезы, который, по словамъ самого Гоголя, „весь излетаетъ изъ свѣтлой природы человѣка... который углубляетъ предметъ, заставляетъ выступить ярко то, что проскользнуло бы; „безъ проницающей силы котораго мелочь и пустота жизни не испугала бы такъ человѣка“ („Театр. разъѣздъ“).

Поистинѣ всѣмъ русскимъ людямъ дороги произведенія родного нашего писателя Гоголя и драгоцѣнны такъ же, какъ дорога наша семья, братья и сестры, любимыя наши родныя мѣста, нашъ домъ и садъ, словомъ, все то, что окружаетъ насъ съ младенческихъ нашихъ лѣтъ. Очарованіе и обаяніе произведеній Гоголя такъ сильно и могуче, что даже самый лѣнивый человѣкъ и тотъ—не оторвется отъ книги, разъ онъ её началъ читать. Да, рѣдкимъ, исключительнымъ явленіемъ на сѣренькомъ фонѣ русской жизни того времени является Гоголь—поэтъ, Гоголь-бытописатель. А рѣдкіе, великіе люди, какимъ былъ у насъ Гоголь, всѣмъ извѣстно, родятся вѣками. Провидѣніе посылаетъ ихъ только тогда, когда люди нуждаются въ особой помощи свыше для того, чтобы хоть немного имъ приблизиться къ идеалу совершен-

ства. Столь рѣдкое появленіе такихъ людей, какъ Гоголь, обусловливаетъ, конечно, и ихъ значеніе.

Великихъ людей, которые рождаются вѣками и насчитываются не сотнями, а единицами, человѣчество всегда высоко цѣнило и цѣнитъ. Память о нихъ издавна чтилась съ благодарностью и у древнихъ, и у новыхъ народовъ: имена ихъ отмѣчены на скрижаляхъ всемірной исторіи крупными, золотыми буквами. Но изъ всѣхъ когда либо появлявшихся великихъ людей особеннымъ значеніемъ и почетомъ пользовались всегда поэты, и память о нихъ всегда была особенно дорога человѣчеству по тому вліянію, какое имѣли они на современниковъ и потомство. Къ нимъ, къ этимъ вдохновеннымъ избранникамъ, относилось древнее слово—vates, что означало пророка, возвѣщавшаго людямъ волю боговъ языкомъ божественнымъ. Такимъ-то вдохновеннымъ vates и былъ у насъ, русскихъ, Гоголь, память котораго сегодня и чествуетъ вся Россія,—Гоголь, который вмѣстѣ съ Пушкинымъ создалъ нашу самобытную литературу,—Гоголь, на которомъ воспиталась вся послѣдующая плеяда русскихъ писателей великой и малой величины во главѣ съ Достоевскимъ и Толстымъ,—Гоголь, который оставилъ намъ завѣтъ стремиться къ истинѣ и совершенству, любить добро и восхищаться красотой природы,—который научилъ насъ своими произведеніями любить родную Русь и страдать за нее.

Велики и количественно, и качественно творенія Гоголя, и намъ въ краткой рѣчи представляется крайне затруднительнымъ сколько-нибудь поглубже заглянуть въ нихъ, чтобы выяснить всесторонне значеніе ихъ какъ для современниковъ, такъ и для нашего времени. Я хотѣлъ бы остановиться на выясненіи духовнаго облика незабвеннаго нашего писателя и указать только отчасти на ту роль его произ

веденій, которую суждено было имъ сыграть въ исторіи развитія нашего самосознанія [1]).

[1]) Невольно считаю нужнымъ оговориться, приступая къ обрисовкѣ духовнаго облика Гоголя. Послѣднее время приходится повсюду: и въ періодическихъ изданіяхъ, и въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ наталкиваться на такія разоблаченія относительно личности того или другого писателя: и отошедшаго въ вѣчность, и еще благополучно здравствующаго, которыя, по нашему крайнему разумѣнію, не умѣстны и скорѣе компрометируютъ самихъ разоблачителей, чѣмъ тѣхъ, которые служатъ виновниками такихъ разоблаченій. Копаться въ душѣ и вытаскивать всякій соръ на свѣтъ Божій —по меньшей мѣрѣ не деликатно, и всякій изъ насъ, обыкновенныхъ смертныхъ, считая такой поступокъ не только предосудительнымъ, но и прямо недозволеннымъ съ точки зрѣнія свойственныхъ намъ нравственныхъ понятій, старается всякій разъ оградить себя, какъ личность, отъ такихъ услугъ непрошенныхъ пріятелей.

Подобную же услугу, намъ кажется, оказываютъ тому или другому писателю любители разоблаченій интимной ихъ жизни. Особенно непріятное чувство испытываешь, когда приходится читать нѣчто подобное о писателяхъ, сошедшихъ уже со сцены жизни. Пусть даже имъ, какъ людямъ, свойственны были тѣ или другіе недостатки (вѣдь ничто человѣческое не чуждо человѣку), но какое потомству дѣло до ихъ недостатковъ? Умѣстнымъ, намъ кажется, припомнить здѣсь одинъ фактъ. Когда къ одному изъ выдающихся нашихъ писателей, который большую часть своей жизни провелъ внѣ Россіи, обращались его услужливые соотчичи съ просьбой сообщить о своей жизни данныя, то онъ, указавъ на свои произведенія, посовѣтовалъ по нимъ судить о его жизни. Послѣдуемъ же и мы этому совѣту, вѣдь дѣло, которому служитъ человѣкъ,—есть лучшая его характеристика, какъ личности, поскольку она имѣетъ отношеніе и къ современникамъ, и особенно къ потомству.

Обратимся поэтому въ произведеніямъ Гоголя, остановимся на нѣкоторыхъ основныхъ свойствахъ личности Гоголя, насколько они проявляются въ его произведеніяхъ, и насколько ихъ можно замѣтить въ началѣ его развитія. Прежде всего необходимо отмѣтить въ Гоголѣ необыкновенный даръ наблюдательности, живой, поэтической,—наблюдательности, проявившейся въ Гоголѣ съ раннихъ лѣтъ. Объ этой своей чертѣ Гоголь самъ свидѣтельствуетъ въ началѣ VI гл. первой части „Мертвыхъ душъ". „Прежде, давно", говоритъ онъ: „въ лѣта моей юности, въ лѣта невозвратно мелькнувшаго моего дѣтства, мнѣ было весело подъѣзжать въ первый разъ къ незнакомому мѣсту: всё равно, была ли это деревушка, бѣдный уѣздный городишко, село ли, слободка,—любопытнаго много открывалъ въ немъ дѣтскій любопытный взглядъ. Всякое строеніе, все, что носило только на себѣ напечатлѣніе какой--нибудь замѣтной особенности, все останавливало меня и поражало. Каменный ли казенный домъ извѣстной архитектуры, съ половиною фальшивыхъ оконъ, одинъ одинёшенекъ торчавшій среди бревенчатой тесаной кучи одноэтажныхъ мѣщанскихъ обывательскихъ домиковъ; круглый ли правильный куполъ, весь обитый листовымъ бѣлымъ желѣзомъ, вознесенный надъ выбѣленною, какъ снѣгъ, новой церковью; рынокъ ли, франтъ ли уѣздный, попавшійся среди города,--ничто не ускользало отъ свѣжаго, тонкаго вниманія, и, высунувши носъ изъ походной телѣги своей, я глядѣлъ и на невиданный дотолѣ покрой какого-нибудь сюртука, и на деревянные ящики съ гвоздями, сѣрой, желтѣвшей вдали; съ изюмомъ и мыломъ, мелькавшіе изъ дверей овощной лавки вмѣстѣ съ банками высохшихъ московскихъ конфектъ; глядѣлъ и на шедшаго въ сторонѣ пѣхотнаго офицера, занесеннаго, Богъ знаетъ, изъ какой губерніи, на уѣздную скуку, и на купца, мелькнувшаго въ сибиркѣ на бѣговыхъ дрожкахъ"...

„Подъѣзжая къ деревнѣ какого-нибудь помѣщика, я любопытно смотрѣлъ на высокую узкую деревянную колокольню или широкую темную деревянную старую церковь. Заманчиво мелькали мнѣ издали сквозь древесную зелень— красная крыша и бѣлыя трубы помѣщичьяго дома, и я ждалъ нетерпѣливо, пока разойдутся на обѣ стороны заступавшіе его сады, и онъ покажется весь“ [2])... Достаточно этого одного отрывка изъ произведеній Гоголя, чтобы судить о той тонкой наблюдательности автора, отъ которой ровно ничто не укрывается: все видитъ, все замѣчаетъ авторъ: и каменный казенный домъ, и куполъ церкви, и уѣзднаго франта, и покрой сюртука, и пѣхотнаго офицера, и купца въ сибиркѣ, и даже ящики съ сѣрой и мыломъ, и банки съ высохшими конфектами, и замѣчательно, что каждый предметъ, каждая вещь, какъ бы она велика или незначительна ни была, воспринимается авторомъ со всѣми ея отличительными особенностями. Для такой наблюдательности мало обыкновеннаго зрѣнія и способности: нуженъ особый даръ, особая способность души! Объ этой удивительной способности души Гоголя свидѣтельствуютъ и школьные товарищи его по гимназіи Высшихъ наукъ кн. Безбородка, передавая въ своихъ воспоминаніяхъ о неподражаемомъ талантѣ Гоголя подмѣчать и передавать характерныя черты людей, ихъ привычки, способы выраженія со всѣми оттѣнками. Эта же черта въ Гоголѣ (необыкновенная наблюдательность) прежде всего и сильнѣе всего поражаетъ и Пушкина. Въ своей „Авторской Исповѣди“ Гоголь разсказываетъ, какъ однажды, послѣ того, какъ онъ прочелъ Пушкину одно небольшое изображеніе небольшой сцены, которое однакожъ поразило его больше всего, прежде читаннаго Гоголемъ, Пушкинъ сказалъ

---

[2]) Сочиненія Н. В. Гоголя, изд, 12-е, редакц. Тихонравова, т. IV й, «Мертвыя души», стр. 120—121.

ему: „Какъ съ этой способностью угадывать человѣка и нѣсколькими чертами выставлять его вдругъ всего, какъ живого,—съ этой способностью не приняться за большое сочиненіе! Это просто грѣхъ". Далѣе Гоголь передаетъ, что благодаря именно этой чертѣ его Пушкинъ отдаетъ ему сюжетъ „Мертвыхъ душъ", изъ котораго самъ хотѣлъ сдѣлать что-то въ родѣ поэмы и котораго, по словамъ его, онъ бы не отдалъ никому другому [3]).

Наконецъ, вотъ еще одно мѣсто изъ сочиненій Гоголя, гдѣ самъ онъ, основываясь на авторитетѣ приговора Пушкина, опредѣляетъ главную свою особенность, какъ писателя. „Обо мнѣ много толковали, разбирая кое какія мои стороны, но главнаго моего существа не опредѣлили. Его слышалъ одинъ только Пушкинъ. Онъ мнѣ говорилъ всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять такъ ярко пошлость жизни, умѣть очертить въ такой силѣ пошлость пошлаго человѣка, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула бы крупно въ глаза всѣмъ. Вотъ мое главное свойство, одному мнѣ принадлежащее, и котораго, точно, нѣтъ у другихъ писателей" [4]). Да, дѣйствительно, нельзя не согласиться вмѣстѣ съ Пушкинымъ, произнесшимъ этотъ приговоръ, что вся мелочь, которая обыкновенно ускользаетъ отъ глазъ не только обыкновенныхъ людей, но и выдающихся по своей способности наблюдать первоклассныхъ нашихъ писателей, въ произведеніяхъ Гоголя очень и очень рельефно выступаетъ, и замѣчательно при этомъ то, что не только мелочь, неважныя подробности предметовъ и явленій видимыхъ, но и самые мельчайшіе изгибы человѣческой души и сердца не ускользаютъ отъ наблюдательнаго, зоркаго духовнаго ока Гоголя. Вѣроятно, сознавая

[3]) «Авторская исповѣдь», стр. 274, т. V-й.

[4]) «Выбранныя мѣста изъ переп.», т. 5-й, стр. 94.

въ себѣ эту рѣдкую черту, Гоголь и повторяетъ неоднократно въ своихъ произведеніяхъ выраженіе: „ястребиный взоръ наблюдателя“. Люди, знавшіе Гоголя уже въ періодъ его авторства, отмѣчаютъ въ немъ громадную способность всматриваться въ жизнь: такъ, напр., Тургеневъ, слушавшій его лекціи и потомъ встрѣчавшійся съ нимъ, замѣчаетъ, что у Гоголя было „постоянное проницательное выраженіе лица“; а Анненковъ, біографъ Пушкина, вспоминаетъ „о приросшей къ его лицу наблюдательности“.

Надѣленный отъ природы такою удивительною наблюдательностью, какъ то мы видѣли на основаніи собственнаго признанія Гоголя въ его произведеніяхъ и свидѣтельства о немъ товарищей и авторитетныхъ его современниковъ, Гоголь отличался къ тому же необыкновеннымъ искуствомъ разузнавать и разспрашивать. Самъ Гоголь въ одномъ изъ своихъ писемъ 1838 года передаетъ объ этомъ такъ: „Когда я былъ въ школѣ и былъ юношей, я былъ очень самолюбивъ; мнѣ хотѣлось смертельно знать, что обо мнѣ говорятъ и думаютъ другіе. Мнѣ казалось, что все то, что мнѣ говорили, было не то, что обо мнѣ думали. Я нарочно старался завести ссору съ моими товарищами, и тотъ натурально въ сердцахъ высказывалъ мнѣ все то, что во мнѣ было дурного. Мнѣ этого только было и нужно; я уже былъ совершенно доволенъ, узнавъ все о себѣ“ [5]). Чтобы имѣть истинное представленіе объ умѣньи Гоголя разспрашивать и разузнавать, стоитъ вспомнить, какъ мужики говорили про Плюшкина, отправлявшагося на утреннюю прогулку: „Вонъ ужъ рыболовъ пошелъ на охоту!“ стоитъ вспомнить дальше замѣчаніе Гоголя относительно Плюшкина, что „послѣ него незачѣмъ было мести улицу, и что, если баба, какъ—нибудь зазѣвавшись у

---

[5]) Къ М. П. Баладиной. Письма Гоголя въ 4-хъ томахъ, ред. Шенрока, т. 1-й, стр. 544.

колодца, позабывала ведро, онъ (т.-е. Плюшкинъ) утаскивалъ и ведро"; стоитъ вспомнить это, чтобы безъ преувеличеній имѣть право сказать то же самое и о Гоголѣ. Не даромъ однажды Пушкинъ весело замѣтилъ: „Съ этимъ малороссомъ надо быть осторожнѣе: онъ обираетъ меня такъ, что и кричать нельзя"; а самъ Гоголь писалъ о себѣ: „Мнѣ даже критики Булгарина приносятъ пользу, потому что я, какъ нѣмецъ, снимаю плеву со всякой дряни". Достаточно для убѣжденія въ особой способности Гоголя—разузнавать и разспрашивать заглянуть въ его письма къ роднымъ и знакомымъ, которыхъ онъ положительно заваливаетъ вопросами самаго разнообразнаго характера,—о томъ, напр., какъ они одѣваются, проводятъ время; нѣтъ ли у нихъ какихъ поговорокъ, и при этомъ онъ всегда проситъ сообщить ему все до „самой послѣдней букашки". И не только—въ письмахъ: Гоголь не стѣсняется и печатно просить всѣхъ—отъ журналистовъ и литераторовъ до читателей невысокаго образованія и простого званія, которыхъ только умудрилъ Богъ грамотой, присылать ему всевозможныя замѣтки по поводу его книги: „Мертвыя души": въ предисловіи ко 2-му изданію перваго тома „Мертвыхъ душъ" Гоголь такъ обращается къ читателю: „Кто бы ты ни былъ, мой читатель, на какомъ бы мѣстѣ ни стоялъ, въ какомъ бы званіи ни находился, почтенъ ли ты высшимъ чиномъ или человѣкъ простого сословія, но, если тебя вразумилъ Богъ грамотѣ, и попалась уже тебѣ въ руки моя книга, я прошу тебя помочь мнѣ... Въ книгѣ этой многое описано невѣрно, не такъ, какъ есть и какъ дѣйствительно происходитъ въ Русской землѣ, потому что я не могъ узнать всего: мало жизни человѣка на то, чтобы узнать одному и сотую часть того, что дѣлается въ нашей землѣ. При томъ, отъ моей собственной оплошности, незрѣлости и поспѣшности, произошло множество всякихъ ошибокъ и промаховъ, такъ что на всякой страницѣ есть,

что поправить: я прошу тебя, читатель, поправить меня. Не пренебреги такимъ дѣломъ .. Всякій человѣкъ, кто жилъ и видѣлъ свѣтъ и встрѣчался съ людьми, замѣтилъ что нибудь такое, чего другіе не знаютъ. А потому не лиши меня твоихъ замѣчаній: не можетъ быть, чтобы ты не нашелся чего-нибудь сказать на какое либо мѣсто во всей книгѣ, если только внимательно прочтешь ее“ [6])... Въ концѣ своего предисловія Гоголь заявляетъ, что все будетъ принято имъ съ благодарностью.

Достойно также удивленія и то, что, благодаря поразительной способности запомнить каждую мелочь, Гоголь весь пестрый, до крайности разноколибренный житейскій матеріалъ, добытый имъ въ различные періоды своей жизни, крѣпко держалъ въ своей головѣ. Но для того, чтобы изъ того разнообразнаго матеріала, который при „ястребиномъ взорѣ наблюдателя“ накопилъ Гоголь въ разное время своей жизни, вышло какое-либо примѣненіе, необходимо было умѣть имъ воспользоваться. Безподобныя произведенія Гоголя, какъ нельзя лучше, доказываютъ, что Гоголь обладалъ удивительною способностью претворять сырой, разношерстный, хаотическій матеріалъ своихъ наблюденій въ безсмертные, чудные по своей свѣжести и правдѣ образы. Въ этомъ отношеніи Гоголь всецѣло обязанъ особой своей душевной способности—фантазіи и живому, не поддающемуся никакому анализу, воображенію. Богатые задатки этой способности коренились въ самомъ психическомъ складѣ богато одаренной натуры Гоголя. Потребность уноситься въ міръ привлекательныхъ фантастическихъ грезъ замѣтно сказывается уже въ школьный періодъ Гоголя: въ „Авторской исповѣди“ онъ говоритъ, что школьные товарищи его отмѣчали уже въ

[6]) Сочиненія Гоголя, т. IV, стр. 281—285.

немъ способность не умѣнья передразнивать, а угадывать человѣка, т. е. „что онъ долженъ въ такихъ и такихъ случаяхъ сказать съ удержаніемъ самаго склада и образа его мыслей и рѣчей“ [7]). Если мы откроемъ произведенія Гоголя и остановимъ свое вниманіе на его лирическихъ отступленіяхъ, напр. о дорогѣ: „Боже! какъ ты хороша подчасъ далекая, далекая дорога!... Сколько родилось въ тебѣ чудныхъ замысловъ, поэтическихъ грезъ; сколько перечувствовалось дивныхъ впечатлѣній!“ [8])... или на воспоминіи о впечатлѣніяхъ дѣтства въ началѣ VI главы „Мертвыхъ душъ“, когда послѣ длиннаго перечисленія предметовъ и людей, привлекавшихъ вниманіе Гоголя, онъ говоритъ: (я) „уносился мысленно за ними въ бѣдную жизнь ихъ. Уѣздный чиновникъ пройди мимо, — я уже и задумывался: куда онъ идетъ, на вечеръ ли къ какому-нибудь своему брату, или прямо къ себѣ домой, чтобы, посидѣвши съ полчаса на крыльцѣ, пока не совсѣмъ еще сгустились сумерки, сѣсть за ранній ужинъ съ матушкой, съ женой, съ сестрой жены и всей семьей, и о чемъ будетъ веденъ разговоръ у нихъ въ то время, когда дворовая дѣвка въ монистахъ или мальчикъ въ толстой курткѣ принесетъ уже послѣ супа сальную свѣчу въ долговѣчномъ домашнемъ подсвѣчникѣ“..., а немного далѣе Гоголь замѣчаетъ, что, подъѣзжая къ деревнѣ какого-нибудь помѣщика и смотря на домъ, онъ старался угадать: „Кто таковъ самъ помѣщикъ, толстъ ли онъ, и сыновья ли у него, или цѣлыхъ шестеро дочерей, съ звонкимъ дѣвическихъ смѣхомъ, играми и вѣчной красавицей меньшой сестрою, и черноглазы ли онѣ, и весельчакъ ли онъ самъ, или хмуренъ, какъ сентябрь въ послѣднихъ числахъ, глядитъ въ календарь да говоритъ про скучную юности рожь и пшеницу“ [9])...; если мы остановимъ

[7]) «Авторская исповѣдь», т. V-й, стр. 273.

[8]) «Мертвыя души», т. IV-й, стр. 250.

[9]) «Мертвыя души», т. IV-й, стр. 121.

свое вниманіе на такихъ мѣстахъ произведеній Гоголя,— мѣстахъ которыя имѣютъ чисто біографическое значеніе: то должны будемъ признать, что вмѣстѣ съ наблюдательностью жила въ чуткой еще дѣтской душѣ Гоголя богатая фантазія и пылкое воображеніе. Коренясь въ духовномъ складѣ Гоголя. фантазія была одной изъ господствующихъ чертъ въ теченіе цѣлой жизни Гоголя, хотя, правда, степень проявленія ея, насколько то можно судить по его произведеніямъ, и самый характеръ въ различную пору жизни Гоголя различны. Слѣдя постепенно за развитіемъ и характеромъ воображенія Гоголя, насколько оно сказалось въ его произведеніяхъ, можно прослѣдить и постепенный ростъ художественнаго творчества Гоголя. Но для насъ здѣсь болѣе важно указать на характеръ и степень проявленія этой способности въ различные періоды литературной дѣятельности Гоголя. Свѣтлою и радостною является фантазія Гоголя въ первую пору его литературной дѣятельности, какъ то можно судить по характеру чудныхъ, дышащихъ свѣжестью и нѣжнымъ благоуханіемъ грёзъ въ „Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки“. Жажда и потребность прекраснаго заставляла Гоголя въ этотъ періодъ времени погружаться въ поэтическую музыку очаровательныхъ образовъ, рисуя обаятельныя картины родной природы, въ своихъ произведеніяхъ,—очаровательныхъ въ своей простотѣ и наивности дѣвушекъ и дорогія, при всемъ своемъ комизмѣ, стороны родного украинскаго быта. Въ своей „Авторской исповѣди“ самъ Гоголь указываетъ на характеръ своихъ первыхъ фантастическихъ образовъ и на тогдашнее свое настроеніе, которымъ вызваны были къ жизни эти роскошные цвѣты его ранняго творчества: „Причина“, говоритъ Гоголь: „той веселости, которую замѣтили въ первыхъ сочиненіяхъ моихъ, показавшихся въ печати, заключалась въ нѣкоторой душевной потребности... Чтобы развлекать

себя самого, я придумывалъ себѣ всё смѣшное, что только могъ выдумать. Выдумывалъ цѣликомъ смѣшныя лица и характеры, поставлялъ ихъ мысленно въ самыя смѣшныя положенія, вовсе не заботясь о томъ, зачѣмъ это, для чего и кому отъ этого выйдетъ какая польза. Молодость, во время которой не приходятъ на умъ никакіе вопросы, подталкивала. Вотъ происхожденіе тѣхъ первыхъ моихъ произведеній, которыя однихъ заставили смѣяться такъ же беззаботно и безотчетно, какъ и меня самого, а другихъ приводили въ недоумѣніе рѣшить, какъ могли человѣку умному приходить въ голову такія глупости" [10]). Точно также характеризуетъ фантазію первыхъ произведеній Гоголя и Пушкинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ. Вотъ что онъ писалъ: „Сейчасъ прочелъ „Вечера близъ Диканьки". Они изумили меня. Вотъ настоящая веселость, искренняя, непринужденная, безъ жеманства, безъ чопорности... Все это такъ необыкновенно въ нашей литературѣ, что я доселѣ не образумился... Поздравляю публику съ истинно веселою книгою, а автору сердечно желаю дальнѣйшихъ успѣховъ"... Насколько великъ и причудливъ былъ неудержимый полетъ фантазіи въ этотъ періодъ жизни Гоголя, можно судить по его повѣсти: „Вій", въ которой онъ достигаетъ высочайшей точки, кульминаціоннаго, такъ сказать, пункта своего развитія. Такъ, начавшись съ полукомической прогулки Хомы Брута на вѣдьмѣ, фантазія автора постепенно приводитъ насъ къ ужасной развязкѣ смерти сильнаго человѣка отъ страха. Или напр., поэтическая передача жалобы чудной полячки въ повѣсти: „Тарасъ Бульба",—это одинъ изъ многочисленныхъ образовъ силы полета фантазіи Гоголя. Полячка, по словамъ Гоголя, „отдернула налѣзавшіе на очи длинные волосы косы своей, и вся разлилася въ жалостливыхъ рѣчахъ, выговаривая ихъ

---

[10]) «Авторская исповѣдь», т. V-й., стр. 273.

тихимъ, тихимъ голосомъ, подобно тому, какъ вѣтеръ, поднявшись прекраснымъ вечеромъ, пробѣжитъ вдругъ по густой чащѣ приводнаго тростника: зашелестятъ, зазвучатъ и понесутся вдругъ унывно-тонкіе звуки, и ловитъ ихъ съ непонятною грустью остановившійся путникъ, не чуя ни погасающаго вечера, ни несущихся веселыхъ пѣсенъ народа, бредущаго отъ полевыхъ работъ и жнивъ, ни отдаленнаго тарахтанья гдѣ-то проѣзжающей телѣги" [11]). Перечитывая эти чудныя строки, невольно удивляешься силѣ того полета пламенной фантазіи, который только и могъ перенести Гоголя отъ „тихихъ жалобъ" полячки къ „тарахтанью гдѣ-то проѣзжающей телѣги".

Но недолго наслаждался Гоголь свѣтлыми, таинственными, обаятельно чудными, какъ сказки народа, созданіями своей фантазіи,—не долго радовался безпечной радостью художника: жизнь брала свое: уже въ произведеніи: „Вій", въ которомъ вся природа Украйны говоритъ съ авторомъ шелестомъ травъ и листьевъ въ прозрачную лѣтнюю ночь, въ безысходной тоскѣ, въ замираніи сердца мчащагося съ вѣдьмой по безконечной степи философа Хомы Брута слышится тоска самого Гоголя и невольно переходитъ на читателя. Съ этой поры характеръ фантазіи Гоголя замѣтно мѣняется—и веселый, жизнерадостный смѣхъ, прихотливое дитя фантазіи его, постепенно уступаетъ мѣсто смѣху горькому, смѣху сквозь „незримыя слезы". Мы не станемъ останавливаться на выясненіи характера фантазіи и образнаго ея проявленія въ цѣломъ рядѣ послѣдующихъ произведеній Гоголя: скажемъ только, что полетъ ея становился все тише и тише, отражая въ своемъ развитіи всѣ колебанія и перемѣны въ духовной жизни Гоголя. Въ „Авторской исповѣди" Гоголь о перемѣнѣ,

[11]) «Тарасъ Бульба», т. II-й, стр. 333.

происшедшей въ его духовной жизни, такъ говоритъ: „Я увидѣлъ, что въ сочиненіяхъ моихъ смѣюсь даромъ, напрасно, самъ не зная зачѣмъ. Если смѣяться, такъ ужъ лучше смѣяться сильно и надъ тѣмъ, что дѣйствительно достойно осмѣянія всеобщаго"... и дальше: „Я самъ почувствовалъ (послѣ „Ревизора"), что уже смѣхъ мой не тотъ, какой былъ прежде: что уже не могу быть въ сочиненіяхъ моихъ тѣмъ, чѣмъ былъ дотолѣ, и что самая потребность развлекать себя невинными, беззаботными сценами окончилась вмѣстѣ съ молодыми моими лѣтами" [12]).

Изъ этого свидѣтельства Гоголя о самомъ себѣ ясно видно, что вмѣстѣ съ измѣненіемъ его духовнаго міросозерцанія мѣняется и характеръ смѣха, который звучитъ въ первыхъ произведеніяхъ, а, слѣд., вмѣстѣ съ тѣмъ и характеръ его фантазіи въ творчествѣ, которая порождала этотъ смѣхъ. Творческая фантазія никогда, правда, не оставляла Гоголя, но она существенно отличалась какъ въ характерѣ, такъ и въ образахъ своего проявленія въ зависимости отъ внутренняго состоянія самого автора, и той цѣли, которою обусловливалось самое проявленіе ея въ произведеніяхъ: такъ, фантазія Гоголя могла создавать чудные и вмѣстѣ съ тѣмъ наивные образы разныхъ нечистыхъ, колдуновъ и вѣдьмъ въ „Вечерахъ на хуторѣ", когда въ юной душѣ Гоголя не было еще мутнаго осадка отъ жизни, и живо еще было юношеское влеченіе къ сказочнымъ сюжетамъ; когда же Гоголь вкусилъ отъ древа познанія жизни, со всѣми ея повседневными мелочами, то юношескія грезы фантазіи его уступаютъ мѣсто стремленію къ возстановленію душевнаго равновѣсія, нарушеннаго сутолокой жизни, и фантазія его работаетъ въ направленіи, гораздо болѣе близкомъ къ дѣйствительной жизни, чѣмъ прежде, и, чѣмъ

[12]) «Авторская исповѣдь, т. V-й, стр. 274—275.

ярче и выпуклѣе становится въ произведеніяхъ Гоголя изображеніе окружающей его дѣйствительности, тѣмъ больше и больше исчезаетъ наивное проявленіе фантазіи съ ея причудливыми образами, а въ самую сферу изображенія таинственнаго все больше и больше проникаетъ грустный элементъ обыденной житейской прозы. Самая страсть къ вымысламъ фантазіи начинаетъ постепенно ослабѣвать въ Гоголѣ и уступать мѣсто чистѣйшему реализму; читатель уже не можетъ не чувствовать, что авторъ (напр. въ „Невскомъ проспектѣ", „Шинели", „Портретѣ" и др.) прибѣгаетъ къ содѣйствію фантазіи для того, чтобы дать отдыхъ какъ себѣ, такъ и читателямъ, позволяя фантазіи насильственно разорвать преграду, отдѣляющую дѣйствительность отъ міра желаній. Эта-то потребность, жившая постоянно въ душѣ Гоголя,—потребность прибѣгать къ мечтѣ и къ создаваемымъ фантазіей свѣтлымъ образамъ съ цѣлью сколько-либо забыться отъ гнета тоскливой дѣйствительности и удовлетворить хотя на минуту неискоренимому желанію лучшаго,—эта потребность въ самый послѣдній періодъ творчества Гоголя сказалась въ тѣхъ возвышенныхъ безсмертныхъ лирическихъ отступленіяхъ, на которыхъ отдыхаетъ читатель вмѣстѣ съ авторомъ при чтеніи поэмы: „Мертвыя души".

Нельзя не отмѣтить въ Гоголѣ, основываясь на его произведеніяхъ, и высокаго эстетическаго вкуса. Нашъ почтенный критикъ Григорьевъ относительно тонкости эстетитическаго чувства въ Гоголѣ говоритъ: „Можетъ быть, ни одинъ писатель не былъ одаренъ такимъ полнымъ, гармоническимъ сочувствіемъ съ природою, ни одинъ писатель не постигъ такъ пластической красоты, красоты полной, „существующей для всѣхъ и каждаго"; никто, наконецъ, такъ не полонъ сознанія о „прекрасномъ" физически и нравственно человѣкѣ, какъ этотъ писатель (т.-е. Гоголь), призванный очертить пошлость пошлаго человѣка". Да, по-

истинѣ это такъ. Перечитывая произведенія Гоголя, невольно поражаешься, какой неисчерпаемый источникъ красоты носилъ и питалъ въ себѣ Гоголь! Не даромъ же современники отнесли Гоголя къ идеалистамъ 40-хъ годовъ. Рано проявились въ Гоголѣ эстетическіе запросы: такъ, уже его товарищи по школѣ въ своихъ воспоминаніяхъ свидѣтельствуютъ о его пристрастіи къ изящной словесности и театру. Дальнѣйшая жизнь также благопріятствовала развитію эстетическаго вкуса и чувства. По пріѣздѣ въ Петербургъ Гоголь черезъ нѣкоторое время попадаетъ въ общество лучшихъ представителей и тонкихъ цѣнителей литературы и испытываетъ на себѣ вліяніе самого Пушкина, этого величайшаго изъ эстетиковъ. Затѣмъ жизнь Гоголя въ Италіи, въ этомъ храмѣ красоты и изящества, не могла не содѣйствовать укрѣпленію и воспитанію въ Гоголѣ именно того эстетическаго вкуса, которымъ запечатлѣна каждая страница его безсмертныхъ произведеній отъ „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки" до послѣдняго включительно его произведенія: „Мертвыя души". Эстетическій вкусъ Гоголя въ равной степени сказывается во всемъ: описываетъ ли онъ картины родной Украйны и ея природы, даетъ ли изображеніе русской деревни, русскаго города, русской природы; рисуетъ ли помѣщичій и чиновничій бытъ, создаетъ ли длиный рядъ разнообразныхъ типовъ,— вездѣ съ изумительной силой чуется эстетическій вкусъ автора и художественное чувство мѣры. Стоитъ раскрыть любую страницу произведеній Гоголя, чтобы убѣдиться въ этомъ. Вспомнимъ, напр., римскаго князя, любующагося Римомъ съ холма при наступленіи вечера, въ неоконченной Гоголемъ повѣсти „Римъ", и станетъ намъ понятно, какъ сильно было чувство красоты въ душѣ Гоголя, такъ какъ изображенный въ повѣсти римскій князь есть не кто иной, какъ самъ Гоголь. Вотъ это мѣсто: „...князь взглянулъ на Римъ и остановился: передъ нимъ въ чудной сіяющей панорамѣ предсталъ

вѣчный городъ... Солнце опускалось ниже къ землѣ; румянѣе и жарче сталъ блескъ его на всей архитектурной массѣ: еще живѣй и ближе сдѣлался городъ; еще темнѣй зачернѣли пинны; еще голубѣе и фосфорнѣе стали горы; еще торжественнѣе и лучше готовый погаснуть небесный воздухъ... Боже! какой видъ! Князь объятый имъ, позабылъ и себя, и красоту Аннунціаты, и таинственную судьбу своего народа, и все, что ни есть на свѣтѣ" [13]).

По прочтеніи только этихъ строкъ (а ихъ слишкомъ много у Гоголя), нельзя не воскликнуть: да, упиваться такъ, до самозабвенія, красотой можетъ только человѣкъ, проникнутый до послѣднихъ изгибовъ своей души гармоническимъ сочувствіемъ съ вѣчной красавицей-природой, т-е. человѣкъ, носящій въ своемъ сердцѣ идею красоты, человѣкъ съ высоко развитымъ эстетическимъ вкусомъ и чувствомъ. А такимъ-то и былъ нашъ писатель—Гоголь.

Отличался также Гоголь и способностью глубоко чувствовать. Одинъ изъ идеалистовъ 40-хъ годовъ, Александръ Ивановичъ Герценъ, относительно произведенія Гоголя: „Мертвыя души", замѣтилъ, что это—поэма глубоко выстраданная. А самъ Гоголь въ одномъ изъ писемъ своихъ въ 1843 году на вопросъ одного своего пріятеля: „Отчего герои послѣднихъ произведеній и въ особенности „Мертвыхъ душъ", будучи далеки отъ того, чтобы быть портретами дѣйствительныхъ людей; будучи сами по себѣ свойства совсѣмъ непривлекательнаго, неизвѣстно почему близки душѣ, точно какъ бы въ сочиненіи ихъ участвовало какое-нибудь обстоятельство душевное", отвѣчаетъ такъ: „Еще годъ назадъ мнѣ было бы неловко отвѣчать на это даже и тебѣ. Теперь же прямо скажу всё: герои мои

---

[13]) «Римъ», т. III-й, стр. 189–190.

потому близки душѣ, что они изъ души; всѣ мои послѣдния сочиненія—исторія моей собственной души" [14]). Это искреннее признаніе Гоголя уже въ то время, когда твердо опредѣлилась въ душѣ Гоголя цѣль и смыслъ его жизни и дѣятельности, даетъ намъ ясно понять, что его герои находили сочувственный отзвукъ въ его душѣ; что онъ жилъ вмѣстѣ съ ними, переселялся въ нихъ, по крайней мѣрѣ въ моментъ созданія ихъ. И это дѣйствительно такъ. Вспомнимъ, напр. какое сильное, неизгладимое впечатлѣніе произвели слова несчастнаго, обижаемаго своими сослуживцами-чиновниками Акакія Акакіевича. „Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?" на того молодого человѣка, который по примѣру другихъ позволилъ было себѣ посмѣяться надъ нимъ. Гоголь разсказываетъ дальше, что молодой человѣкъ послѣ этого „вдругъ остановился, какъ будто пронзенный, и съ тѣхъ поръ какъ будто все перемѣнилось передъ нимъ и показалось въ другомъ видѣ. Какая-то неестественная сила оттолкнула отъ товарищей, съ которыми онъ познакомился, принявъ ихъ за приличныхъ, свѣтскихъ людей. И долго потомъ среди самыхъ веселыхъ минутъ представлялся ему низенькій чиновникъ, съ лысинкой на лбу, съ своими проникающими словами: „Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?" И въ этихъ проникающихъ словахъ звенѣли другія слова: „я братъ твой". И закрывалъ себя рукою бѣдный молодой человѣкъ и много разъ содрогался онъ потомъ на вѣку своемъ, видя, какъ много въ человѣкѣ безчеловѣчья, какъ много скрыто свирѣпой грубости въ утонченной, образованной свѣтскости и, Боже! даже въ томъ человѣкѣ, котораго свѣтъ признаетъ благороднымъ...

---

[14]) »Четыре письма къ разнымъ лицамъ по «Мертвыхъ душъ», Полн. собрн. сочин. Гоголя, редакція Тихонравова, 1894 г. изд. 12-е, т. V-й. стр. 93—94.

честнымъ" [15]). Перечитывая эти строки, невольно содрогнешься и подумаешь: это ли не великое любвеобильное сердце, способное такъ глубоко, такъ сильно страдать за ближняго, брата своего! Молодой человѣкъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь,—это самъ Гоголь. Не станемъ приводить другихъ примѣровъ (ими отъ начала до конца полны произведенія Гоголя), скажемъ только, что всякій читатель, если еще не огрубѣло и не очерствѣло окончательно его сердце, много, слишкомъ много, горячо и сильно перечувствуетъ вмѣстѣ съ Гоголемъ, читая его книги.

Обращаетъ на себя вниманіе при чтеніи произведеній Гоголя также и та особенность въ духовной организаціи Гоголя, которая заставляла его слишкомъ быстро переходить отъ веселости къ меланхоліи, мѣнять, такъ сказать, свое душенастроеніе. Эта черта, насколько можно судить по произведеніямъ и нѣкоторымъ письмамъ Гоголя, проходитъ красною нитью черезъ всю его жизнь. Такъ, еще въ дѣтствѣ настроеніе Гоголя мѣнялось слишкомъ быстро. Стоитъ заглянуть въ его письма къ родителямъ изъ Нѣжина отъ 13 и 14 августа 1821 года, чтобы убѣдиться, какъ радость и спокойное свѣтлое состояніе его духа 13 августа смѣнилось наивнымъ дѣтскимъ отчаяніемъ на слѣдующій день [16]). Впослѣдствіи эта особенность въ Гоголѣ, уже юношѣ, послужила поводомъ для Пушкина назвать его „великимъ меланхоликомъ". Слѣдя последовательно за проявленіемъ этой черты въ Гоголѣ, мы не можемъ не замѣтить, что произведенія Гоголя—не только позднѣйшія, но даже первой поры его литературной дѣятельности, какъ въ зеркалѣ, отражаютъ необыкновенно бы-

[15]) «Шинель», т. III й, стр. 97—98.

[16]) «Къ отцу и матери», Нѣжинскія письма. Письма Н. В. Гоголя, ред. Шипрока, стр. 10—11, т. I-й.

струю смѣну душенастроеній въ авторѣ. Уже первая повѣсть Гоголя въ „Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки“ запечатлѣна этой чертой автора. Давъ прекрасное изображеніе Сорочинской ярмарки, веселой, пестрой, шумной, какъ всякая ярмарка,—ярмарки, завершающейся счастливой свадьбой, гдѣ и старый, и малый пустился въ плясъ, и на деревенской улицѣ всё понеслось и затанцовало,—Гоголь непосредственно переходитъ къ такому замѣчанію: „Громъ, хохотъ, пѣсни слышались тише и тише. Смычокъ умиралъ, слабѣя и теряя неясные звуки въ пустотѣ воздуха. Еще слышалось гдѣ-то топанье, что-то похожее на ропотъ отдаленнаго моря, и скоро все стало пусто и глухо“.

„Не такъ ли“, заканчиваетъ свою повѣсть Гоголь: „и радость, прекрасная и непостоянная гостья, улетаетъ отъ насъ, и напрасно одинокій звукъ думаетъ выразить веселье? Въ собственномъ эхѣ слышитъ уже онъ грусть и пустыню, и дико внемлетъ ему. Не такъ ли рѣзвые други бурной и вольной юности поодиночкѣ, одинъ за другимъ, теряются по свѣту и оставляютъ, наконецъ, одного стариннаго брата ихъ? Скучно оставленному! И тяжело, и грустно становится сердцу, и нечѣмъ помочь ему!“ [17]) Спрашивается, что же вызвало такой неожиданный, рѣзкій переходъ въ душенастроеніи автора? Вѣдь въ этой повѣсти, отъ начала до конца одна неудержимая, непринужденная веселость и радость! Ничѣмъ другимъ, конечно, нельзя объяснить грустный конецъ этой повѣсти, какъ только личною чертою автора. Припомнимъ далѣе, какъ Гоголь простодушно принялся было чертить истинно человѣческія фигуры Аѳанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны и—остановился въ тяжеломъ раздумьи надъ страшнымъ трагическимъ fatum'омъ, лежащимъ въ самой непосредственности ихъ отношенія; вспомнимъ, съ какимъ

[17]) «Сорочинская ярмарка», Соч. Гоголя, т. II-й, стр. 40-я.

гиперболически веселымъ юморомъ началъ изображать Гоголь безплодное существованіе Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича и какъ, заканчивая свою картину, восклицаетъ: „Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!“ припомнимъ замѣчаніе автора, брошенное вскользь при отъѣздѣ Чичикова изъ дома Коробочки:... „На свѣтѣ дивно устроено: веселое мигомъ обратится въ печальное, если только долго застоишься передъ нимъ“ [18])... припомнимъ, наконецъ, поэтическія отступленія въ произведеніи: „Мертвыя души“,—отступленія, въ которыхъ слышится въ одно и то же время грусть и радостное, какъ бы торжествующее чувство, и—мы убѣдимся, что переходы отъ веселости къ меланхоліи—основная черта души Гоголя. Этой именно чертою и обусловливается отличительное свойство творчества Гоголя—юморъ, который самъ Гоголь объяснялъ въ себѣ „рѣзкой чертой южнаго россіянина“. „Рѣзкою чертою южнаго россіянина“—юморомъ, въ которомъ слышится одновременно и веселость, и горькое чувство, или иначе: зримый міру смѣхъ, возбуждаемый противорѣчіями жизни, и незримыя и невѣдомыя ему слезы объ уклоненіяхъ человѣка отъ его высокаго назначенія, запечатлѣны всѣ произведенія Гоголя; на юморѣ, какъ основной чертѣ, основывается характеристика всей литературной дѣятельности Гоголя; юморъ, а не что иное, послужилъ поводомъ вырѣзать надписи надъ его гробницей: „Горькимъ словомъ моимъ посмѣюся“, а на памятникѣ въ Нѣжинѣ, гдѣ учился Гоголь, на лицевой сторонѣ: „Опредѣлено мнѣ чудной властью... озирать жизнь сквозь видный міру смѣхъ и незримыя и невѣдомыя ему слезы“.

Нельзя пройти молчаніемъ и не замѣтить въ произведеніяхъ Гоголя и еще одной изъ основныхъ его чертъ духовной организаціи—его религіоз-

[18]) «Мертвыя души», т. 4-й, стр. 62.

ности въ связи съ серьёзнымъ отношеніемъ къ нравственной сторонѣ жизни. Религіозное чувство и настроеніе Гоголь вынесъ изъ родительскаго дома. Особенное вліяніе на развитіе религіознаго настроенія въ Гоголѣ имѣла мать: съ первыхъ проявленій сознанія сына она старалась утверждать въ его душѣ то религіозное чувство, которое нашъ великій писатель, храня и оберегая, пронесъ, какъ святыню, невредимо черезъ всѣ стадіи своей жизни. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ матери въ 1833 году Гоголь такъ отзывается о вліяніи на религіозный сладъ своего духа. „Одинъ разъ", говоритъ Гоголь въ своемъ письмѣ: „я просилъ васъ разсказать мнѣ о страшномъ судѣ, и вы мнѣ, ребенку, такъ хорошо, такъ понятно, такъ трогательно разсказали о тѣхъ благахъ, которыя ожидаютъ людей за добродѣтельную жизнь, и такъ разительно, такъ страшно описали вѣчныя муки грѣшниковъ, что это потрясло во мнѣ всю чувствительность; это заронило и произвело впослѣдствіи во мнѣ самыя высокія мысли" [10]). Вотъ это-то вліяніе матери въ дѣтствѣ главнымъ образомъ и было причиною повышеннаго религіознаго настроенія въ теченіе всей жизни нашего писателя. Напрасно усиливается критика доказать, что въ жизни Гоголя произошелъ съ 1840 г. якобы рѣзкій, внезапный переломъ въ его религіозномъ настроеніи. Не станемъ ссылаться въ опроверженіе истинности этого взгляда на „Авторскую исповѣдь" самого автора, въ которой Гоголь искренно и чистосердечно знакомитъ насъ съ постепеннымъ развитіемъ своего религіознаго настроенія,— не станемъ ссылаться потому, что „Авторская исповѣдь" относится къ тому періоду жизни Гоголя, когда критика признаетъ Гоголя уже въ состояніи религіозной экзальтаціи. Но стоитъ вспомнить только поэтическое обращеніе Гоголя къ Палестинѣ,

[10]) «Письма Н. В. Гоголя», ред. Шенрока.

которое относится еще къ 1831 г., когда автору было всего 21 годъ, чтобы убѣдиться, что религiозная настроенность владѣла имъ въ раннiе годы его жизни. Вотъ это поэтическое обращенiе: „Каменистая земля; презрѣнъ народъ; немноголюдная весь прислонилась къ обнаженнымъ холмамъ, изрѣдка не ровно оттѣненнымъ изсохшею смоковницей. За низкою и ветхою оградою стоитъ ослица. Въ деревянныхъ ясляхъ лежитъ Младенецъ; надъ Нимъ склонилась непорочная мать и глядитъ на Него исполненными слезъ очами; надъ нимъ высоко въ небѣ стоитъ звѣзда, и весь мiръ осiяла чуднымъ свѣтомъ. Задумался древнiй Египетъ, увитый iероглифами, понижая ниже свои пирамиды; безпокойно глянула древняя Грецiя, опустилъ очи Римъ на желѣзныя свои копья; приникла ухомъ великая Азiя съ народами-пастырями; нагнулся Араратъ, пращуръ земли!“ [20]) Только въ состоянiи высокаго религiознаго настроенiя можетъ вылиться изъ души человѣка подобная поэтическая картина при одномъ воспоминанiи о рожденiи Спасителя! Присоединимъ сюда также прекрасное изображенiе инока Григорiя въ повѣсти: „Портретъ“, написанной въ 1834 г.,—изображенiе, которое возможно примѣнить съ незначительными измѣненiями къ позднѣйшему душевному настроенiю Гоголя: „Онъ находился“, говорится въ повѣсти: „въ томъ состоянiи души, которое овладѣваетъ человѣкомъ, когда онъ испытываетъ сильныя, нестерпимыя несчастiя; когда, желая собрать всю силу, всю желѣзную силу души и не находя ее довольно мощною, весь повергается въ религiю, и, чѣмъ сильнѣе гнетъ его несчастiй, тѣмъ пламеннѣе его духовныя созерцанiя и молитвы... Въ немъ не угаснулъ пылъ души, но, напротивъ, стремится и вырывается съ большой силой. Онъ тогда весь обратился въ религiозный пламень. Его голова вѣчно наполнена чудны-

[20]) «Жизнь», т. 1-й, стр. 266.

ми снами. Онъ видитъ на каждомъ шагу видѣнія и слышитъ откровенія; мысли его раскалены, глазъ его уже не видитъ ничего, принадлежащаго землѣ; всѣ движенія, слѣдствія вѣчнаго устремленія къ одному, исполнены энтузіазма“ [21]). Такихъ проявленій глубоко религіознаго настроенія души Гоголя можно привести много, слѣдя за его произведеніями въ послѣдовательномъ порядкѣ ихъ появленія въ свѣтъ, и они-то неопровержимо свидѣтельствуютъ, что религіозное настроеніе въ Гоголѣ было постояннымъ, но что съ каждымъ годомъ оно возрастало, пока, наконецъ, не стало господствующимъ и не овладѣло всѣмъ его существомъ, выразившись въ стремленіи къ самоусовершенствованію въ нравственномъ отношеніи при помощи религіи.

Весьма тѣсно съ религіознымъ чувствомъ Гоголя связано и серьёзное отношеніе его къ нравственой сторонѣ жизни. Кому неизвѣстна та упорная внутренняя работа Гоголя надъ самимъ собой, надъ самоусовершенствованіемъ самого себя, которая предваряла созданіе сожженнаго нѣсколько разъ 2-го тома „Мертвыхъ душъ“. Вотъ что пишетъ Гоголь Плетневу въ 1843 году: „Сочиненія мои такъ связаны тѣсно съ духовнымъ образованіемъ меня самого, и такое мнѣ нужно до того времени вынести внутреннее сильное воспитаніе душевное, глубокое воспитаніе, что и нельзя и надѣяться на скорое появленіе моихъ сочиненій“ [22]). И дѣйствительно, для своего нравственнаго просвѣтленія и очищенія Гоголь задумываетъ и приводитъ въ исполненіе свою поѣздку ко гробу Господню въ Іерусалимъ въ надеждѣ очистить свои помыслы, душу и сердце, чтобы исполнить тотъ великій долгъ писателя, за который онъ долженъ дать отчетъ Богу. Стоитъ только быстро

[21]) «Портретъ», т. 1, стр. 210.

[22]) Письмо Гоголя Плетневу 1843 г., Шенрокъ, т. III й.

перелистать „Авторскую исповѣдь“—Гоголя, чтобы убѣдиться какъ серьёзно, какъ глубоко авторъ относится къ исполненію своего долга, долга писателя, съ того момента, какъ вопросъ о поприщѣ служенія на благо ближнимъ и государству былъ рѣшенъ имъ окончательно и безповоротно. Но не только въ „Авторской исповѣди“, въ этомъ воплѣ измученной и наболѣвшей души, гдѣ всего ярче и нагляднѣе отразился весь умственный и нравственный складъ Гоголя, но и въ болѣе раннихъ произведеніяхъ Гоголь, всегда скрытный передъ самыми близкими людьми, торжественно и всенародно возглашалъ то, что захватывало и переполняло его душу. Вотъ что, напр., въ повѣсти Гоголя: „Портретъ“, старый художникъ, инокъ-отшельникъ, заповѣдуетъ сыну, тоже художнику, отправляющемуся въ Италію, относительно чистоты нравственной: „Лучше вынести всю горечь возможныхъ гоненій, чѣмъ нанести кому-либо одну тѣнь гоненья... Спасай чистоту души своей. Кто заключилъ въ себѣ талантъ, тотъ чище всѣхъ долженъ быть душою. Другому простится многое, но ему не простится. Человѣку, который вышелъ изъ дому въ свѣтлой праздничной одеждѣ, стоитъ только быть обрызнуту одной каплей грязи изъ-подъ колеса, и уже весь народъ обступилъ его и указываетъ на него пальцемъ, и толкуетъ объ его неряшествѣ, тогда какъ тотъ же народъ не замѣчаетъ множества пятенъ на другихъ проходящихъ, одѣтыхъ въ будничныя одежды, ибо на будничныхъ одеждахъ не замѣчаются пятна“ [23]). Безъ преувеличенія можно сказать, что старецъ-художникъ-это самъ Гоголь съ его возвышеннымъ образомъ мыслей и серьёзнымъ отношеніемъ къ нравственной сторонѣ своего я въ жизни. Судя по этому отрывку нужно удивляться, какія непомѣрныя требованія въ нравственномъ отношеніи предъявляетъ

---

[23]) «Портретъ», т. III-й, стр. 13.

Гоголь къ себѣ, какъ человѣку, надѣленному талантомъ. Ни одного пятнышка, ни одной капли грязи на свѣтломъ нарядѣ отмѣченнаго талантомъ человѣка не допускаетъ онъ!

Нужно ли говорить о постоянно юной любви великаго сына Украйны къ своей родинѣ—Малороссіи и той возвышенной, восторженной любви, любви, одухотворенной желаніемъ въ роли писателя послужить государю, народу и землѣ своей, которая составляла часть существа нашего писателя и служила ему свѣточемъ въ его жизни и дѣятельности. Взлелѣявъ еще въ дѣтствѣ великую мысль жить не для себя, а для страждущихъ ближнихъ, для пользы своего отечества,—мысль, которую онъ выразилъ матери незадолго до отъѣзда своего въ Петербургъ, Гоголь остается вѣренъ этой мысли въ теченіе всей своей жизни. Онъ такъ сильно проникнутъ мыслью послужить въ качествѣ писателя „Землѣ своей“, что даже не перестаетъ усиленно работать въ болѣзненномъ состояніи, чѣмъ надрываетъ и разстраиваетъ свой и безъ того слабый организмъ и все это только потому, что торопится довести до конца свой трудъ, который казался ему весьма важнымъ и полезнымъ для Россіи. Въ 1841 году въ письмѣ къ С. Т. Аксакову Гоголь, заявивъ, что онъ считаетъ себя счастливымъ, несмотря на болѣзненное свое состояніе, такъ какъ „созданіе чудное творится въ душѣ“ его, и онъ „знаетъ дивныя минуты“ вдохновенья, восклицаетъ: „О если бы еще три года съ такими свѣжими минутами! Столько жизни прошу, сколько нужно для окончанія труда моего; больше ни часу мнѣ не нужно“... Считая себя обязаннымъ во второй части „Мертвыхъ душъ“ изобразить въ назиданіе современникамъ въ рядѣ живыхъ примѣровъ, взятыхъ изъ Русской земли и тѣла,—людей добрыхъ, вѣрующихъ и живущихъ въ законѣ Божіемъ и этимъ путемъ обновить общественный россійскій организмъ и внести въ него новую жизнь, Гоголь неустанно работаетъ

въ теченіе послѣднихъ одиннадцати лѣтъ своей жизни. Недовольный результатомъ своихъ работъ, чрезмѣрно взыскательный къ себѣ, авторъ въ тиши рабочаго кабинета совершаетъ страшное литературное ауто-да-фе цѣлыхъ три раза, по свидѣтельству Анненкова. Въ послѣдній разъ Гоголь сожигаетъ рукопись второго тома „Мертвыхъ душъ“ за нѣсколько дней до своей смерти—вѣрнѣе всего въ силу сознанія, что облечь въ „живые образы“ тотъ „идеалъ“, который онъ такъ желалъ дать русскому обществу и которому онъ придавалъ такое важное значеніе, ему, какъ художнику, не удалось такъ, какъ слѣдуетъ, такъ, какъ бы онъ хотѣлъ. Нужно дѣйствительно руководиться недосягаемо высокими побужденіями и цѣлями, нужно дѣйствительно имѣть великую, исполненную высшихъ соображеній любовь къ своему народу, чтобы имѣть силу воли совершить не человѣческій поступокъ—истребить въ нѣсколько минутъ то, что служило предметомъ вдохновенія въ теченіе одиннадцати лѣтъ. Эта возвышенная, чистая любовь къ своему народу, къ Россіи, это восторженное, благоговѣйное, трепетно пламенѣющее чувство Гоголя лучше всего сказывается въ его произведеніяхъ, особенно въ лирическихъ его отступленіяхъ, полныхъ вдохновенной поэтической силы. У кого при чтеніи о Руси и ея безпредѣльномъ пространствѣ, о дорогѣ и русской тройкѣ,—при чтеніи этихъ вдохновенныхъ отступленій Гоголя, не рождалось въ душѣ и сердцѣ пламенное чувство любви и вѣры въ идеальную жизнь родной земли, въ ея нравственную мощь! Кто вмѣстѣ съ авторомъ не восклицалъ: „Русь Русь!... Какая непостижимая, тайная сила влечетъ къ тебѣ? Почему слышится и раздается немолчно въ ушахъ твоя тоскливая, несущаяся по всей длинѣ и ширинѣ твоей, отъ моря до моря, пѣсня? Что въ ней, этой пѣснѣ? Что зоветъ и рыдаетъ, и хватаетъ за сердце? Какіе звуки болѣзненно лобзаютъ и стремятся въ душу, и вьются около моего

сердца! Русь, чего же ты хочешь отъ меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты такъ, и зачѣмъ всё, что ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія очи".. и наконецъ: „Въ тебѣ ли не родиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Здѣсь ли не быть богатырю, когда есть мѣсто гдѣ развернуться и пройтись ему?" [24]). Да, дѣйствительно горячую любовь ко всему русскому и крѣпкую вѣру въ Россію таило и питало въ себѣ сердце нашего великаго писателя-Гоголя. Унося эту любовь и вѣру въ Россію съ собою въ могилу, незабвенный нашъ писатель- патріотъ завѣщалъ въ своихъ произведеніяхъ и намъ, всѣмъ русскимъ, горѣть такою же любовью къ своему отечеству и, вѣря въ его духовную мощь, послужить ему всѣми силами своей души, какъ сдѣлалъ это онъ самъ, принеся на служеніе землѣ своей всѣ тѣ богатыя дарованія, которыя, какъ мы видѣли, такъ ярко выступаютъ въ его безсмертныхъ произведеніяхъ.

Еще нѣсколько словъ позволяемъ себѣ сказать относительно той роли, которую суждено было сыграть произведеніямъ нашего писателя Гоголя въ исторіи русскаго самосознанія. Въ этомъ отношеніи произведенія Гоголя нужно раздѣлить на двѣ категоріи: на произведенія, сюжеты которыхъ заимствованы изъ жизни родной поэту Малороссіи, и произведенія, въ которыхъ характерно и полно изображается вся Русь, со всѣми этнографическими, атмосферическими и геологическими особенностями,—Русь, гдѣ „какъ точки, какъ значки непримѣтно торчатъ среди равнинъ ея невысокіе города", и гдѣ въ этихъ непримѣтныхъ городахъ сформировались оригинальные типы людей съ своеобразной жизнью. Роль и

[24]) «Мертвыя души», т. IV-й, стр. 248—249.

тѣхъ и другихъ произведеній Гоголя въ исторіи нашего самосознанія различна.

Въ первыхъ своихъ юношескихъ произведеніяхъ, извѣстныхъ подъ именемъ: „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“ и „Миргородъ“, такъ поразившихъ русское общество своею поэтическою свѣжестью и жизнерадостностью, Гоголь затронулъ совершенно новую тему. Дѣло въ томъ, что у большинства русскихъ современныхъ Гоголю людей понятія о бытѣ, нравахъ и обычаяхъ Малороссіи, этой главной составной части громаднаго политическаго организма Россіи, были весьма темныя и сбивчивыя. Гоголь же, живописуя съ горячимъ чувствомъ и полной правдивостью Малороссію въ ея прошломъ и настоящемъ, возбудилъ, самъ того не сознавая, глубокій интересъ во всѣхъ къ изученію своей богатой и привольной Украйны и ея поэтическихъ преданій и такимъ образомъ, какъ нельзя, лучше способствовалъ разрѣшенію великой исторической задачи: взаимному пониманію и благодѣтельному объединенію двухъ главныхъ половинъ русскаго народа. Такова въ общихъ чертахъ роль юношескихъ произведеній Гоголя въ исторіи самосознанія русскаго народа.

Но главное, несравненно болѣе важное значеніе въ нашей общественной жизни имѣли послѣднія произведенія Гоголя, въ которыхъ онъ является бытописателемъ русской жизни вообще. Въ этомъ отношеніи особенная, исключительная роль принадлежитъ произведеніямъ его: „Ревизоръ“ и „Мертвыя души“, по преимуществу. Какъ живая, предстала въ „Мертвыхъ душахъ“ современникамъ Гоголя вся необозримая, „отъ моря и до моря“, Русь со всѣми своими физическими и духовными особенностями на огромномъ полотнѣ картины съ ея живописными изображеніями мѣстности и высокохудожественными фигурами и

образами дѣйствующихъ лицъ. И невеселая, больше того, грустная это была картина для русскаго сознанія,—картина. всѣмъ понятная и, хотя давно извѣстная, но захватившая каждаго до такой степени, что болѣзненно, невыразимо болѣзненно сжалось сердце русскаго человѣка при созерцаніи этой картины! Гоголь своей картиной не оставилъ никого изъ своихъ читателей озадаченнымъ: до того въ ней было все просто и правдиво-точно. Всѣ наглядѣлись досыта, наслушались больше, чѣмъ хотѣли слышать. И послѣ этого оказалось смѣшнымъ и жалкимъ многое такое, что ранѣе почиталось явленіемъ совершенно простымъ и правильнымъ. Не разъ порядочный человѣкъ осмѣялъ самого себя самымъ злымъ Гоголевскимъ словомъ, заставъ и уличивъ себя въ безсознательной продѣлкѣ, преисполненной тѣхъ смѣшныхъ свойствъ, которыя до той поры считались непредосудительными, не будучи смѣшны именнно потому, что никто въ нихъ не всматривался. Куда дѣвалась такъ называемая Гоголемъ „благонамѣренная наружность", что сталось „съ дамою, пріятною во всѣхъ отношеніяхъ"; какъ пришлось многимъ понять всю исторію прекрасныхъ сдѣлокъ, пріятныхъ знакомствъ и дружескихъ проводовъ Чичикова, этого ловкаго пріобрѣтателя, на пространствѣ неизвѣстно сколькихъ верстъ, неизвѣстно какой именно губерніи?... Вліяніе „Мертвыхъ душъ" на современное общество было такъ велико, что ни одинъ читатель не оставался пассивнымъ. Каждый вынесъ изъ книги Гоголя хотя одно живое слово, которое опредѣляло его положеніе въ свѣтѣ, опредѣляло его нравственную физіономію, и всѣ безъ исключенія пострадали. „Нашлось въ русскомъ обществѣ много такихъ господъ, которые непріятно поморщились, увидѣвъ, какъ правильно и точно объясняетъ великій художникъ самыя сложныя проявленія натуръ темныхъ, неблагообразныхъ; какъ просто раскрываетъ онъ сокровенныя движенія души человѣка, въ

которомъ давно покосились всѣ понятія, всѣ чувства Очень не ловко стало многимъ, когда узнали они, что имена Чичикова. Манилова, Собакевича, Коробочки и всей фаланги Гоголевскихъ героевъ могутъ быть и нарицательными. Но главнымъ образомъ оскорбился, возмутился преимущественно тотъ, у кого явилось горькое сознаніе, что всё подлежитъ анализу и обсужденію человѣческому, что некуда уйти отъ анализа, что волей или неволей а заставятъ его, милостиваго государя, пройтись по широкой аренѣ его жизни, разглядятъ и разскажутъ о немъ именно то, чего бы ему не хотѣлось никому показывать или разсказывать, но что втайнѣ составляетъ его особенность, его любовь, его „задоръ". Почувствовали огорченіе и тѣ изъ читателей, которые, подглядѣвъ въ Чичиковѣ и его знакомыхъ пріятеляхъ бездну силъ и страшную способность наслаждаться, сами имѣли страшное желаніе пожить, выражаясь словами Гоголя, жизнью господина средней руки, жизнью помѣщика, прожигающаго насквозь жизнь,—жизнью полицмейстера, искусно согласившаго всѣ противорѣчія городской администраціи и своей частной жизни, — полицмейстера, съ спокойною совѣстью заглядывающаго въ купеческій погребъ и рыбный рядъ, какъ въ свою собственную кладовую. Огорчились также лица различныхъ категорій, которыя, въ тревогѣ прочитавъ „Мертвыя души", упомнили сгоряча всѣ обидныя по своей обнаженной справедливости выраженія и чуть не наизусть выучили мѣста, подрывающія якобы ихъ свѣтскіе авторитеты. Наконецъ, испугались по прочтеніи „Мертвыхъ душъ" многіе истинно любящіе сыны Россіи, увидѣвъ размѣры царящей въ ней пошлости и безмыслія, но испугались вмѣстѣ съ авторомъ, любя и страдая за свою родину. Словомъ, обнаруженіе въ книгѣ Гоголя многихъ тайнъ человѣческой души и русской жизни скорбно отозвалось въ сердцѣ русскаго современнаго общества. И склонилась смиренно Русь передъ пригово-

ромъ Гоголя, увидѣвъ, какъ въ зеркалѣ, свое отраженіе. А послѣ, когда всѣ разглядѣли ясно свое изображеніе, каждаго потянуло къ простой и разумной дѣятельности, каждый сталъ подрываться и подкапываться подъ свою дотолѣ сонную и лѣнивую жизнь и заботиться о самоисправленіи и улучшеніи русской жизни. Въ этомъ-то и сказалось вліяніе „Мертвыхъ душъ" на актъ самосознанія современнаго Гоголю русскаго общества.

Но удѣлъ великихъ произведеній геніальныхъ творцовъ мысли и слова не ограничивается только такимъ или инымъ отношеніемъ къ извѣстному обществу, послужившему живымъ матеріаломъ для нихъ: они имѣютъ громадное значеніе и сильное вліяніе и на потомство. И дѣйствительно, произведенія Гоголя оказывали, оказываютъ и будутъ оказывать самое плодотворное вліяніе во всякое время до тѣхъ поръ, пока пороки и недуги въ обществѣ будутъ имѣть значеніе стихійныхъ силъ, пока сила страстей будетъ имѣть захватывающую власть надъ русскимъ человѣкомъ. Мы не можемъ сказать, что свободны въ извѣстной степени отъ тѣхъ недуговъ, которыми больны герои Гоголевскихъ произведеній, хотя и прошло полвѣка съ того времени. Поэтому чтеніе произведеній Гоголя, въ которыхъ развертывается захватывающая душу картина жизни и при томъ жизни русской, не можетъ пройти безслѣдно для насъ, не можетъ не оказать и на насъ благотворнаго вліянія. Въ произведеніяхъ Гоголя мы находимъ изумительное разнообразіе характеровъ съ родовыми чисто русскими чертами, которыя знакомятъ насъ съ самыми разнообразными проявленіями русской духовной природы. Давно уже всѣмъ стало извѣстно, почти вошло въ поговорку, что русская натура широка, не знаетъ удержу и не терпитъ се-

редины, и, если русскій человѣкъ подпадаетъ вліянію извѣстной страсти или пороку, то не можетъ устоять: подчиняется ему всецѣло. И вотъ, читая произведенія Гоголя, мы видимъ предъ собою цѣлую галлерею лицъ, изъ которыхъ каждое подчинено дѣйствительно извѣстному преобладающему настроенію, выдавая такимъ образомъ загадку русской натуры: предъ нами въ произведеніяхъ Гоголя проходитъ цѣлая вереница чисто на русскій ладъ праздныхъ мечтателей, расчетливыхъ стяжателей, пустыхъ сплетницъ—дамъ, „просто пріятныхъ и пріятныхъ во всѣхъ отношеніяхъ“,—неумѣренныхъ чревоугодниковъ, „заплатанныхъ“ скрягъ, плутоватыхъ хозяевъ—пріобрѣтателей, не знающихъ себѣ преградъ ни въ законѣ, ни въ совѣсти, и много другихъ носителей русскихъ пороковъ, русскихъ слабостей. Мало этого: въ произведеніяхъ Гоголя, кромѣ высоко художественныхъ типовъ, этихъ носителей чисто русскихъ пороковъ и слабостей, которые, кстати сказать, очерчены авторомъ съ замѣчательнымъ спокойствіемъ и объективностью, мы находимъ еще глубокій психическій анализъ. Благодаря этому психическому анализу намъ становятся ясными тѣ причины, въ силу которыхъ герои произведеній Гоголя сдѣлались такими, а не иными. Гоголь въ своихъ произведеніяхъ знакомитъ насъ съ условіями воспитанія и образованія своихъ героевъ, раскрываетъ обстоятельно предъ нашими глазами внутреннія и внѣшнія побужденія, почему и какъ та или другая страсть, развиваясь постепенно, въ томъ или другомъ случаѣ получаетъ могущественную власть надъ человѣкомъ; а, благодаря тому, что мы не только видимъ ту или другую страсть въ моментъ ея господства надъ человѣкомъ, но и ясно представляемъ себѣ на основаніи сочиненій Гоголя всѣ послѣдовательныя стадіи развитія этой страсти, подъ вліяніемъ извѣстныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ мотивовъ; мы научаемся отмѣчать эти

страсти въ образѣ живыхъ людей и въ самой жизни и опредѣлять свое къ нимъ отношеніе, научаемся стоять на стражѣ своего внутренняго міра и предупреждать и парализовать въ себѣ въ зародышѣ возникающую часто противъ воли и почти безсознательно, подъ вліяніемъ различныхъ побужденій, нехорошую склонность къ чему-либо. Слѣдовательно, произведенія Гоголя для насъ служатъ нѣкоторымъ образомъ книгою жизни, съ тою только разницею, что въ жизни представляется все сложнымъ и запутаннымъ, туманнымъ и заботливо припрятаннымъ отъ посторонняго глаза, а въ произведеніяхъ Гоголя—все ясно, просто и понятно: и самое явленіе, и породившія его причины.

И не только мы, обыкновенные смертные, почерпаемъ богатые уроки изъ произведеній Гоголя: на Гоголѣ и Пушкинѣ учились и воспитались и всѣ послѣдующіе великіе наши писатели; на нихъ же продолжаютъ учиться и современные намъ авторы. Не даромъ же Гоголь и Пушкинъ стоятъ рядомъ въ исторіи русской литературы; не даромъ эти два могучіе богатыря-поэта: великороссъ и малороссъ, служатъ воплощеніемъ неразрывнаго союза всей Россіи, всего русскаго народа въ его главныхъ отрасляхъ. Стоитъ вскользь взглянуть на всю послѣдующую русскую литературу, чтобы убѣдиться въ истинности того, что Пушкинъ и Гоголь, а не кто другой, представляютъ то драгоцѣнное основаніе, на которомъ покоится и возросло величественное зданіе всей русской художественной литературы. И это дѣйствительно такъ. Великій ученикъ-Гоголь выучился у столь же великаго учителя-Пушкина правдивому воззрѣнію на явленія дѣйствительности; въ свою очередь, нарисовавъ широкую общую картину русской жизни и давъ общее же представленіе о противорѣчіи русской дѣйствительности идеалу, Гоголь указываетъ послѣдующимъ писателямъ, что̀ изображать, гдѣ искать и ка̀къ

искать служенія литературы обществу. Такимъ образомъ, Гоголь указываетъ дорогу и послѣдующимъ писателямъ: имъ сразу открывается возможность прямо примѣнять свои силы, не расходуясь на розыски. И мы видимъ, что послѣ Гоголя на литературной аренѣ почти одновременно появляются блестящею плеядой великіе наши писатели: Тургеневъ, Достоевскій, Гончаровъ, Григоровичъ, затѣмъ Островскій, Писемскій, Л. Толстой и др. Одинъ изъ этой славной русской плеяды, выдающійся художникъ-писатель, Тургеневъ, прямо сознается, что всѣ они учились творить на Акакіи Акакіевичѣ Гоголя, на его безсмертной повѣсти „Шинель". Ближайшіе къ Тургеневу писатели: Достоевскій, Гончаровъ, Островскій, оказываются еще болѣе послушными учениками Гоголя. Такъ, Достоевскій начинаетъ свою литературную дѣятельность съ передѣлки повѣсти: „Шинель", въ „Бѣдныхъ людей"; „Записки сумасшедшаго"—Гоголя ложатся въ основу его произведенія: „Двойникъ"; Гончаровъ въ своемъ „Обломовѣ" изучаетъ и возсоздаетъ едва набросанный Гоголемъ типъ Тентетникова; Островскій до поразительности ученикъ Гоголя-драматурга. Достойно вниманія также и то, что всѣ эти писатели, представляя собою людей, далеко неодинаковыхъ дарованій и способностей, пошли, независимо другъ отъ друга, въ одномъ и томъ же направленіи, именно въ томъ, которое указалъ Гоголь. Неясно ли отсюда, какое громадное вліяніе оказалъ Гоголь на всю ближайшую литературу, литературу 60-хъ и 70-хъ годовъ, а чрезъ эту литературу, безъ сомнѣнія, отъ Гоголя въ прямой зависимости все болѣе талантливое, болѣе зрѣлое и лучшее и въ современной намъ литературѣ; слѣдовательно, и въ этомъ отношеніи Гоголь является также нашимъ учителемъ, хотя уже болѣе косвеннымъ образомъ, чѣмъ въ своихъ собственныхъ произведеніяхъ.

Вотъ въ чемъ сказалось вліяніе Гоголя и его произведеній на насъ и наше самосознаніе.

Къ вамъ, учащаяся молодежь, позволяю себѣ обратиться съ послѣдними словами. Безсмертны заслуги Гоголя, этого великаго ума и высокой натуры человѣка,—человѣка, который первый представилъ намъ насъ въ настоящемъ нашемъ видѣ, который первый научилъ насъ знать наши недостатки и гнушаться ихъ. Сегодня всѣ мы являемся свидѣтелями того духовнаго единенія, которое не только насъ собрало всѣхъ вмѣстѣ здѣсь, въ этомъ залѣ, но и свидѣтелями единенія всей Россіи, которая „отъ моря до моря", отъ захолустьевъ до столицъ, въ духовномъ порывѣ старается выразить свою глубокую признательность и благодарность одному изъ великихъ сыновъ своихъ—Гоголю. Причина этого единенія въ томъ, что великія произведенія Гоголя, какъ геніальнѣйшаго поэта и высоко нравственнаго человѣка, остаются свѣжи и вѣчно юны,—въ томъ, что о нихъ можно сказать—„Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ!" и, наконецъ, въ томъ, что они заключаютъ въ себѣ тѣ „любви и правды чистыя ученія", которыя нашъ незабвенный поэтъ съ любовью завѣщалъ потомству. Чествованія, подобныя сегодняшнему, всегда возбуждали и освѣжали интересъ къ чтенію произведеній давно сошедшихъ со сцены жизни поэтовъ и писателей. Позволяю себѣ надѣяться, что то же случится теперь и съ вами въ отношеніи къ произведеніямъ Гоголя, нынѣ чествуемаго въ 50-ю годовщину со дня его кончины. Поэтому, перечитывая его произведенія, постарайтесь, насколько каждый сможетъ, проникнуться тѣми возвышенными чувствами къ родинѣ, которыя одушевляли и наполняли самого поэта при созданіи ихъ,—постарайтесь

проникнуться уваженіемъ и любовью къ самому поэту, который, любя молодежь всѣмъ сердцемъ, въ порывѣ лирическаго вдохновенія въ одномъ изъ своихъ произведеній воскликнулъ къ ней: „Забирайте же съ собою въ путь, выходя изъ мягкихъ, юношескихъ лѣтъ въ суровое, ожесточающее юношество,—забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ: не подымете потомъ!" [25])

И. Н. Смѣльницкій.

20-е февраля,
1902 года,
г. Одесса.

[25]) «Мертв. д.» VI гл., стр. 141, IV т.

Ученическіе годы В. А. Жуковскаго.

Мы имѣемъ въ виду сказать нѣсколько словъ объ ученическихъ годахъ В. А. Жуковскаго, которые являются важнымъ періодомъ его жизни, но почти совершенно не затронуты біографами.

В. А. Жуковскій, какъ извѣстно, по особымъ обстоятельствамъ своего рожденія (29 янв. 1783 г.) въ семьѣ А. Ив. Бунина, богатаго и извѣстнаго въ свое время помѣщика Тульской губ., съ ранняго дѣтства былъ поставленъ въ обстановку, которая сильно содѣйствовала развитію его прирожденныхъ способностей. Семья Буниныхъ принадлежала къ числу тѣхъ помѣщиковъ, которые не считали образованіе дѣтей лишнею обузой. Ихъ единственный сынъ, умершій незадолго до рожденія Жуковскаго, обучался въ Лейпцигскомъ университетѣ. Самъ Бунинъ, не обладая большимъ образованіемъ, тѣмъ не менѣе высоко ставилъ его, и домъ его славился въ околодкѣ, какъ средоточіе умственныхъ и литературныхъ интересовъ. Жена Бунина, Марья Григорьевна, урожденная Безобразова, была женщина, по словамъ Зейдлица, «рѣдкой для своего времени образованности и читала все, что было напечатано на русскомъ языкѣ» [1].

Поэтому маленькому Васѣ, который замѣнилъ теперь Бунинымъ ихъ единственнаго сына, рѣшено было дать должное и соотвѣтствующее духу времени воспитаніе и образованіе. Но прежде надо было научить его

[1]) «Жур. Минист. Нар. Пр.» 1869., ч. 142., стр. 378.

грамотѣ. И вотъ, какъ только «Васѣ» исполнилось 6 лѣтъ, Бунинъ выписалъ для него наставника изъ Москвы, по обычаю того времени, изъ нѣмцевъ. Вызванный педагогъ, «незабвенный Якимъ Ивановичъ» [2]), какъ называетъ его Зейдлицъ, оказался далеко не на высотѣ своего призванія. Онъ былъ изъ породы Вральмановъ, вышелъ на педагогическое поприще изъ мастерской своего соотечественника—портного и послѣ неудачныхъ попытокъ пристроиться въ богатомъ домѣ въ Москвѣ, рѣшилъ поѣхать въ провинцію, гдѣ и поселился у Буниныхъ. Главнымъ педагогическимъ средствомъ Якимъ Ивановичъ почиталъ розги и т. п. наказанія. Само сабою понятно, что избалованный въ семьѣ мальчикъ отъ такихъ пріемовъ воспитанія и обученія сильно возсталъ противъ своего учителя и при каждомъ примѣненіи къ нему этого педагогическаго средства подымалъ въ домѣ страшный крикъ, который дошелъ до ушей Аѳанасія Ивановича, и незабвенный педагогъ принужденъ былъ покинуть домъ Буниныхъ и возвратиться къ прежней своей профессіи. Послѣ этого дѣломъ воспитанія Васи занялся Андрей Григорьевичъ Жуковскій (онъ оффиціально и усыновилъ Жуковскаго). Это былъ бѣдный помѣщикъ Кіевской губ., проживавшій въ домѣ Буниныхъ ни то на правахъ родственника, ни то приживальщика. Отличаясь мягкимъ и добродушнымъ характеромъ, будучи сильно привязанъ къ общему любимцу семьи, Андрей Григорьевичъ не особенно обременялъ своего воспитанника. Все дѣло обученія ограничивалось тѣмъ, что ученикъ «вмѣсто черченія буквъ на аспидной доскѣ рисовалъ мѣломъ на столѣ и на полу разныя рожи!» [3]). На-

[2]) Тамъ же стр. 381.—

[3]) Тамъ же стр. 382.—

стольной книгой для чтенія обыкновенно служилъ псалтирь или часословъ.

Въ 1790 году Бунины, покинувъ свое помѣстье, поселились въ Тулѣ. Тутъ будущій поэтъ помѣщенъ былъ въ славившійся въ то время въ Тулѣ—пансіонъ Христофора Филипповича Роде. Пансіонъ этотъ, кажется, ничѣмъ не отличался отъ другихъ подобныхъ ему пансіоновъ, какіе тогда обыкновенно открывались на Руси пріѣзжими иностранцами и, въ виду отсутствія другихъ школъ, пользовались значительнымъ успѣхомъ. На первомъ мѣстѣ въ этомъ пансіонѣ, какъ и въ другихъ, поставлены были иностранные языки; удѣлялось вниманіе и общеобразовательнымъ наукамъ, математикѣ и др., но русскій яз. былъ обыкновенно въ загонѣ. Что касается личности основателя и директора пансіона, то объ этомъ свѣдѣній пока не имѣемъ. Въ этомъ пансіонѣ Жуковскій былъ сначала полупансіонеромъ, а потомъ пансіонеромъ. Неприученный въ семьѣ къ правильному, систематическому труду, онъ никакъ не могъ примѣниться къ регулярнымъ занятіямъ въ пансіонѣ, и поэтому не удивительно, что оказался далеко не въ числѣ первыхъ. По закрытіи пансіона, за смертію его директора, что случилось черезъ два года послѣ поступленія въ него Жуковскаго, послѣдній былъ переведенъ въ Тульское городское училище. Главнымъ учителемъ въ немъ былъ знаменитый для своего времени педагогъ Ѳеофилактъ Гавриловичъ Покровскій, оказавшій сильное вліяніе на Жуковскаго. Этотъ учитель и прежде давалъ уроки ему въ качествѣ репетитора, когда онъ обучался въ пансіонѣ Роде. Прежде чѣмъ выйти на педагогическое поприще, Покровскій получилъ очень солидное для того времени образованіе, которое началось въ Сѣвской семинаріи и закончилось въ С. Петер-

бурской учительской гимназіи. Спустя три года по окончаніи курса въ этой гимназіи (1786 г.) онъ былъ опредѣленъ старшимъ учителемъ въ названное училище и съ жаромъ отдался принятому на себя дѣлу. Ревностное и добросовѣстное отношеніе его къ обязанностямъ воспитателя вскорѣ снискало ему уваженіе со стороны родителей его учениковъ и одобреніе начальства. Херасковъ, извѣстный поэтъ, въ то время кураторъ Московскаго университета, хвалилъ «мысли и чувства Покровскаго» [4]) Не будучи спеціалистомъ по какой-либо одной наукѣ, Покровскій принялъ на себя однако только преподаваніе математики.

Считая просвѣщеніе разума одною изъ задачъ человѣчества, будучи твердо увѣренъ, что корень преступленій есть «невѣжество со всѣми наперсниками своими», Покровскій однако одно просвѣщеніе разума признавалъ недостаточнымъ для человѣка: «могутъ ли люди назваться прямо просвѣщенными, ежели не добродѣтельны?—Просвѣщенный разумъ, но развращенное пороками сердце пагубнѣе самого невѣжества... Просвѣщеніе и добродѣтель! вотъ главнѣйшіе предметы и цѣль истиннаго воспитанія,—воспитанія, толико уважаемаго просвѣщенными народами, колико пренебрегаемаго невѣждами!—цѣль истиннаго благополучія человѣка и всего человѣчества» [5]). Понятно, что при такихъ взглядахъ Покровскій не ограничился сухимъ преподаваніемъ математики, а заботился вообще объ улучшеніи преподаванія въ училищѣ, но главнымъ же образомъ старался о просвѣщеніи юношескаго сердца, о насажденіи въ

---

4) «Иппокрена», V, 294.

5) «Пріятное и полезное препровожденіе времени» XIX, 25.

немъ началъ добродѣтели. Такой методъ воспитанія, какъ нельзя лучше отвѣчалъ душевному складу Жуковскаго, мальчика съ чуткой и воспріимчивой душой и нуждавшагося болѣе въ развитіи чувства, нежели разума. И дѣйствительно, если Жуковскій и здѣсь не обнаружилъ особеннаго прилежанія къ наукамъ, зато онъ сильно увлекся свѣтлою личностью самого Покровскаго, воспринялъ многое изъ того, что было духовнымъ достояніемъ послѣдняго. Сильное вліяніе учителя на молодую, воспріимчивую натуру будущаго поэта объясняется еще тѣмъ, что Жуковскій имѣлъ возможность видѣть и слышать Покровскаго очень часто у себя дома. Этотъ послѣдній, какъ образованный человѣкъ Тульскаго общества, часто посѣщалъ домъ Юшковыхъ, гдѣ жилъ Жуковскій, и здѣсь при многочисленныхъ собраніяхъ читалъ свои литературныя произведенія, которыя потомъ печаталъ въ періодическихъ изданіяхъ. На этихъ чтеніяхъ не возбранялось присутствовать и дѣтямъ; поэтому Жуковскій имѣлъ полную возможность съ жадностью ловить каждое слово своего наставника, а такъ какъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, литературное направленіе Покровскаго сильно гармонировало съ духовною природою Жуковскаго, то и не удивительно, что оно сильно подѣйствовало на послѣдняго.

Въ своихъ произведеніяхъ Покровскій предается прелестямъ сельской жизни. Въ «сельской неприхотливой» кущѣ своего друга онъ наслаждается закатомъ солнца, въ пріятныя минуты деревенской жизни—минуты, въ которыя онъ слагаетъ съ себя все бремя бездѣйственной суетности, онъ чувствуетъ бытіе свое... Только въ пріятномъ уединеніи селъ несокрушимы еще жертвенники невинности и счастья». Большіе города представляются ему «великолѣпными темницами». Мечтанья

въ лунную ночь возбуждаютъ въ немъ «чувство человѣколюбія» къ узникамъ тюрьмы, а вечерняя прогулка по темному лѣсу заставляетъ его чувствовать бѣдствія человѣческія и призывать благотворителей для ихъ исцѣленія. Въ одномъ произведеніи, тронутый разсказомъ крестьянина, потерявшаго на войнѣ руку и обѣ ноги, нашъ литераторъ восклицаетъ: «Человѣки! существа благородныя! Съ какимъ чувствомъ вы взираете на слезы, вздохи, мученія подобнаго вамъ существа, возсылающаго съ ними свою жалобу Вездѣсущему и Всевѣдущему! Загляните внутрь сердца вашего: съ какимъ тайнымъ удовольствіемъ оно возбуждаетъ васъ къ священной должности любить! Разсматривайте натуру, сію милостивую мать вашу, и учитесь у нея благотворить. Сія ночь, сіи ароматы, сія роса, сей сонъ суть очевидные знаки ея милосердія, которымъ она васъ благословляетъ» [6]).

Не встрѣчаемъ ли мы подобныхъ мыслей и чувствъ въ раннихъ произведеніяхъ Жуковскаго, написанныхъ еще до его знакомства съ образцами западной литературы!?

Но и въ училищѣ Жуковскій, избалованный прелестями дѣтскихъ забавъ, какъ мы сказали, оказался далеко не способнымъ къ ученію. Учитель, выведенный изъ терпѣнія невнимательностью своего ученика, вѣрнѣе же: въ назиданіе другимъ ученикамъ исключилъ будущаго поэта изъ училища.

Неудачное ученіе Жуковскаго, а также дворянскія традиціи того времени заставляютъ родныхъ его позаботиться поскорѣе объ опредѣленіи избалованнаго Васи въ военную службу; но, такъ какъ попытка эта не

---

[6]) Тамъ же XV, 13—14.

увѣнчалась успѣхомъ, то въ 1897 г. мы видимъ его въ школѣ, которая, по словамъ одного изъ біографовъ Жуковскаго, «имѣла много данныхъ для раскрытія дарованія будущаго поэта».

Въ январѣ того же года Бунина привезла Жуковскаго въ Москву и помѣстила его въ Университетскій благородный пансіонъ.

Такъ какъ пансіонъ этотъ, замѣчательное для своего времени учебное заведеніе, до сихъ поръ не нашелъ для себя достойнаго историка и изслѣдователя, то сказать нѣсколько словъ о немъ не будетъ излишнимъ.

Какъ извѣстно, при Московскомъ университетѣ на первыхъ порахъ его существованія, было двѣ гимназіи: одна для дворянъ, другая для разночинцевъ. Обѣ онѣ по мѣрѣ увеличенія интереса къ образованію все болѣе и болѣе пополнялись воспитанниками, и, наконецъ, дѣло дошло до того, что въ дворянской гимназіи не хватало мѣстъ для пансіонеровъ. Это случилось въ послѣдніе годы XVIII в., когда большинство русскихъ дворянъ возымѣло желаніе помѣстить своихъ дѣтей въ гимназіи за приличное вознагражденіе на полный пансіонъ. Въ виду этого университетское начальство позаботилось о пріисканіи особаго помѣщенія для такихъ воспитанниковъ и остановило свой выборъ на отдѣльномъ флигелѣ, который помѣщался тутъ же на университетскомъ дворѣ, куда въ 1779 г. и вывело лишній контингентъ пансіонеровъ изъ дворянской гимназіи. Такъ какъ содержаніе этого новаго пансіона составляло одну изъ экономическихъ статей въ университетскомъ бюджетѣ, то и надзоръ какъ за содержаніемъ пансіона, такъ и за поведеніемъ въ немъ живщихъ пансіонеровъ былъ возложенъ на эконома университета — Ивана Прохоровича Крупенникова. Помощниками его были маіоръ Пальмъ и про-

фессоръ Панкевичъ. Инспекторами же, на которыхъ возложенъ былъ высшій надзоръ за пансіономъ,- извѣстный въ свое время профессоръ Геймъ, потомъ Страховъ. Воспитанники этого новаго пансіона на уроки ходили въ классы дворянской гимназіи и по ученію оставались наравнѣ съ другими гимназистами: такимъ образомъ они были вмѣстѣ и воспитанники пансіона, и ученики гимназіи. Съ теченіемъ времени число воспитанниковъ пансіона увеличилось; классы университетской дворянской гимназіи стали тѣсны; чувствовалась необходимость выдѣлить пансіонеровъ изъ классной гимназіи, дать имъ особыхъ преподавателей словомъ, создать новое учебное заведеніе, вполнѣ независимое отъ университетской гимназіи. Въ виду этого въ 1790 г. пансіонъ, съ согласія куратора университета, переведенъ былъ на Тверскую, въ домъ межевой канцеляріи, который, по ходатайству тогдашняго московскаго военнаго губернатора П. Д. Еропкина, императрица пожаловала для этой цѣли университету. Съ этого времени пансіонъ получаетъ самостоятельное отъ университета существованіе. Въ немъ были устроены особые классы, назначены особые преподаватели, и, наконецъ, самый планъ преподаванія начинаетъ измѣняться. Измѣненія эти главнымъ образомъ начинаются съ 1791 г., когда инспекторомъ пансіона былъ назначенъ Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ—Антонскій, состоявшій раньше преподавателемъ въ пансіонѣ, онъ же въ 1791 г. написалъ и новый уставъ для него. Подобно многимъ общественнымъ дѣятелямъ нашей исторіи, Антонскій происходилъ изъ духовнаго званія; отецъ его былъ приходскимъ священникомъ въ Малороссіи, потомъ протоіереемъ. Года рожденія Антонскаго мы не знаемъ. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Кіевской духовной академіи, которая про-

цвѣтала тогда «попеченіями и щедростію митрополита Гавріила Кременецкаго». «Академія своими малыми средствами», говоритъ біографъ Антонскаго: «своимъ экономическимъ устройствомъ могла внушить Антонскому ту бережливость и образовать въ немъ ту хозяйственную распорядительность, посредствомъ которыхъ онъ умѣлъ изъ малого извлекать многое» [7]). Въ 1782 г. Антонскій перешелъ изъ академіи въ Московскій университетъ, гдѣ и воспитывался вмѣстѣ со своимъ братомъ Михаиломъ на средства Дружескаго ученаго общества. По окончаніи университетскаго курса въ 1787 г. Дружеское общество хотѣло послать Антонскаго для усовершенствованія въ наукахъ за границу, но кураторъ университета, Мелиссино, замѣтивъ богатыя способности у молодого студента, оставилъ его при себѣ въ качествѣ секретаря по университетскимъ дѣламъ. Въ слѣдующемъ году мы видимъ Антонскаго уже адъюнктомъ съ занятіемъ каѳедры энциклопедіи и натуральной исторіи, въ 1790 г. экстроординарнымъ профессоромъ, а въ 1791 г., какъ мы уже сказали, принимаетъ на себя воспитаніе и руководство русскимъ юношествомъ, обучающающимся въ Благородномъ пансіонѣ.

Съ этого времени начинается самый дѣятельный и плодотворный періодъ въ жизни Антона Антоновича. Будучи по природѣ педагогомъ, воспитанный Дружескимъ обществомъ и черезъ это общество хорошо знакомый съ недостатками руской школы, [8]) онъ прежде

[7]) «Біографическій Словарь профес. Москов. Универ.» стр. 13.

[8]) Дружеское о-во обнаружило свою дѣятельность не только изданіемъ трудовъ, но также и, пожалуй, глав. обр. обратьло вниманіе на улучшеніе нашей школы. См. Сл. Тихоправова т. III, ч. II. стр. 92—93.

всего задается цѣлью обратить вниманіе на эти недостатки и, насколько возможно, исправить ихъ. Преподававшій раньше въ пансіонѣ естественную исторію новый инспекторъ теперь выдвигаетъ на первый планъ исторію и за нею ставитъ знанія физическія и математическія; преподаваніе древнихъ языковъ было отодвинуто на послѣднее мѣсто: ихъ постепенно начали замѣнять языки новые. Такимъ образомъ пансіонъ въ своемъ учебномъ планѣ постепенно началъ уходить отъ плана гимназіи, пока ни сталъ въ совершенную противоположность къ ней. Задача гимназіи приготовлять студентовъ къ университету была забыта, и все вниманіе было сосредоточено на приготовленіи людей къ военной и гражданской службѣ. Въ 1797 г., когда Жуковскій поступилъ въ пансіонъ, этотъ послѣдній представлялъ изъ себя не классическую гимназію, гдѣ получали образованіе его будущіе товарищи по литературной дѣятельности (Блудовъ, Уваровъ), а нѣчто въ родѣ камеральнаго факультета: изъ древнихъ язык. преподавался одинъ латинскій; довольно мѣста было отведено преподаванію естественныхъ наукъ, математики и наукъ юридическихъ. На изученіе иностранныхъ языковъ, на развитіе литературнаго вкуса и любви къ отечественной словесности обращалось особое вниманіе. Преподаваніе не сосредоточивалось на основательномъ изученіи отдѣльныхъ классовъ предмета, но всѣ предметы были обязательны для всѣхъ; понятно, что такая постановка учебнаго дѣла не давала возможности воспитанникамъ преуспѣвать во всѣхъ наукахъ; да это и не требовалось: достаточно было, если воспитанникъ успѣвалъ въ одномъ какомъ-либо предметѣ. Если же еще къ этому присоединялось благонравіе его, то вполнѣ достаточно было, чтобы поставить воспитан-

ника въ числѣ первыхъ. Антонскій, подобно многимъ членамъ Дружескаго общества, признавалъ что «просвѣщенье безъ добродѣтели ничто», а потому больше старался о развитіи въ своихъ питомцахъ чувства, чѣмъ разума. Наилучшимъ средствомъ къ этому онъ считалъ религію. «Всѣ средства, какія зависятъ отъ воспитателя, чтобы водворить въ сердцахъ питомцевъ духъ религіи, употреблялъ Антонскій. Ежедневно, послѣ утренней молитвы, отличные ученики поочередно читали мѣста изъ апостола и евангелія, какія въ тотъ день читались въ церкви. Инспекторъ нерѣдко спрашивалъ учениковъ, сидѣвшихъ за чайнымъ столомъ о томъ, что было прочитано. Читать молитвы утреннія и вечернія поручалось лучшимъ ученикамъ всѣхъ классовъ поочереди. Быть въ числѣ такихъ учениковъ считалось отличіемъ... Труды старшихъ и отличныхъ учениковъ печатанные были всѣ исполнены религіознаго чувства. Они раздавались въ награду ученикамъ, составляли одно изъ любимыхъ чтеній для младшихъ товарищей и питали постоянно въ нихъ то же самое чувство». Конечно, прокрадывались иногда въ пансіонъ тайкомъ и недозволенныя книги. Но все, чѣмъ только возможно было предупредить это, не упускалось изъ виду. Надзоръ за выборомъ книгъ былъ очень строгъ. Пустыхъ романовъ не давали въ руки. Когда же случайно заставали за такою книгою, она безпощадно, какъ это и теперь практикуется, летѣла въ огонь» [9]).—Значеніе наукамъ и даже добродѣтели придавалось постольку, поскольку онѣ озарялись религіей: «Мудрость! Добродѣтели! .. Но что онѣ, если религія не озаритъ ихъ, религія, освящающая всѣ наши дѣла, желанія, мысли,—религія, пре-

[9]) «Біографическ. Словарь», 29.

образующая, обновляющая внутренняго человѣка, возносящая его надъ всѣмъ бреннымъ, ничтожнымъ, и отверзающая предъ нимъ врата неба», говорилъ Антонскій въ своемъ разсужденіи о воспитаніи [10]). Подобный методъ воспитанія, пожалуй, больше, чѣмъ методъ Покровскаго, отвѣчалъ духовному складу Жуковскаго. Отсутствіе необходимости усидчивыхъ занятій въ связи съ благонравіемъ, которое такъ цѣнилось въ пансіонахъ, и которымъ съ ранняго дѣтства отличался Жуковскій, не замедлили выдѣлить его изъ среды другихъ воспитанниковъ. И дѣйствительно, уже въ слѣдующемъ году, по вступленіи Жуковскаго въ пансіонъ, Антонскій на торжественномъ актѣ читалъ воспитанникамъ, которые заслужили титло первыхъ въ благонравіи, С. Костомарову и В. Жуковскому, наставленіе и излагалъ особыя обязанности этихъ благонравныхъ учениковъ по отношенію къ другимъ. Не лишнее будетъ привести эти наставленія, такъ какъ они отчасти бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на дисциплину, господствовавшую въ то время въ пансіонѣ.

Эти благонравные воспитанники 1) должны были внушать другимъ воспитанникамъ своего возраста «духъ покорности и почтенія не только къ наставникамъ своимъ и попечителямъ, но и къ старшимъ по лѣтамъ и ученію товарищамъ своимъ, дабы съ самыхъ раннихъ лѣтъ научились они уважать заслуги и симъ уваженіемъ поощряли другъ друга къ прямо благородному поведенію и отличнымъ успѣхамъ... Если же въ семъ послѣднемъ случаѣ (т.-е. въ устраненіи непристойностей въ словахъ и поступкахъ) окажется какое упорство, то каждый изъ лучшихъ среднихъ и меньшихъ дастъ вамъ тихонько знать о такомъ своемъ сверстникѣ».

---

[10]) Тамъ же 50.

2) Слѣдить за чтеніемъ утреннихъ и вечернихъ молитвъ и руководить младшими воспитанниками при ихъ чтеніи полезныхъ книгъ. «Вечернія молитвы давайте лучшимъ изъ старшаго возраста. Избранныя мѣста изъ Свящ. писанія и изъ другихъ хорошихъ нравственныхъ книгъ, каковы «Утреннія и вечернія размышленія на каждый день года», «книга премудрости и добродѣтели и пр.» читайте сами или поручайте чтеніе сіе отличнѣйшимъ большимъ питомцамъ [11]). Антонскій любилъ помпу ежегодныхъ публичныхъ экзаменовъ и торжественныхъ актовъ, которые, по его мнѣнію, сближали пансіонъ съ обществомъ. На этихъ торжественныхъ собраніяхъ всегда присутствовала масса постороннихъ, начиная съ высокопоставленныхъ и чиновныхъ особъ. Лучшіе воспитанники на этихъ собраніяхъ должны были читать свои литературныя произведенія въ стихахъ или прозѣ. Пробѣгая оффиціальныя описанія этихъ торжественныхъ собраній съ 1797 г. до 1800 г., т.-е. за время пребыванія Жуковскаго въ пансіонѣ, мы видимъ, что безъ литературнаго участія В. Жуковскаго не обходился ни одинъ актъ, ни одно торжественное собраніе. Такъ отличало пансіонское начальство этого способнаго, благонравнаго, но далеко не прилежнаго питомца. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ Жуковскаго, назначенныхъ для торжественнаго чтенія и, несомнѣнно, тщательно редактированныхъ инспекторомъ, преобладаетъ одна мысль: «просвѣщеніе ничто безъ добродѣтели». Такъ, напримѣръ, въ рѣчи, произнесенной имъ на актѣ 14-го ноября 1798 г. мы читаемъ: «Что просвѣщеніе безъ добродѣтели? Мѣдь звенящая, кимвалъ бряцаній, нечистый, заразительный источникъ. Просвѣщеніе и добродѣтель! —

[11]) «Москвитянинъ» 1847, г. III, стр. 61—62.

соединимъ ихъ неразрывнымъ союзомъ, да царствуютъ они совокупно въ душахъ нашихъ. Къ сему должны стремиться всѣ мысли и дѣла наши. Сего ожидаетъ отъ насъ отечество, ожидаютъ благотворные наши попечители, которые въ награду за всю свою къ намъ нѣжность, за всю любовь, за всѣ труды, о насъ прилагаемые, ничего больше не желаютъ, какъ только видѣть насъ просвѣщенными, добрыми и прямо счастливыми. Безчисленны къ намъ ихъ благодѣянія, но дѣла ихъ, но добродѣтельный примѣръ ихъ есть то, что мы драгоцѣннѣйшаго отъ нихъ получили» [12]). Но наряду съ этими, такъ сказать, оффиціальными произведеніями, которыя писались по предложенію или приказанію начальства, Жуковскій создаетъ нѣсколько самостоятельныхъ произведеній, гдѣ уже начинаютъ сказываться особенности его собственной природы въ тѣхъ самыхъ чертахъ, которыя потомъ такъ обильно были развиты въ его зрѣлой поэзіи. Такъ, въ стихахъ: «Майское утро», написанныхъ въ первый годъ пансіонской жизни, Жуковскій говоритъ о жизни, какъ безднѣ страданій и слезъ, и о счастіи того, кто достигъ берега и спитъ мирнымъ сномъ. Потомъ пишетъ «Мысли при гробницѣ», «Мысли на кладбищѣ», въ которыхъ мы видимъ тотъ же меланхолическій сюжетъ, который повторяется позже въ знаменитой элегіи: «Сельское кладбище» (1802.) Эта-то черта въ поэзіи Жуковскаго, которою отчасти объясняютъ восточнымъ элементомъ въ его происхожденіи, особыми обстоятельствами, сопровождавшими его дѣтство, находила литературную подержку, съ одной стороны, въ трудахъ Покровскаго, а, съ другой—въ мистико—религіозномъ направленіи пансіона, но главнымъ образомъ

---

[12]) Соч. Жуковскаго, изд. 10-е 1901 г., стр. 779.

въ томъ кружкѣ, въ которомъ вращался Жуковскій, выходя иногда за стѣны пансіона. Мы разумѣемъ тотъ кружокъ, который группировался вокругъ директора университета И. П. Тургенева. Послѣдній былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ Буниными, поэтому, когда Жуковскій былъ привезенъ въ Москву, то тотчасъ вошелъ въ домъ Тургенева, гдѣ и былъ принятъ, какъ родной. Скоро неразрывная дружба связала Жуковскаго съ дѣтьми Тургенева: Андреемъ и Александромъ, особенно съ первымъ, тѣмъ болѣе, что оба они учились въ пансіонѣ. Въ домѣ Тургенева Жуковскій встрѣтилъ любовь къ литературѣ, увлеченіе тѣмъ направленіемъ, которое потомъ дѣлается достояніемъ его собственной поэзіи, и, наконецъ, здѣсь онъ познакомился съ извѣстнымъ въ то время поэтомъ Каменевымъ, который своею балладою: «Громвалъ», «упредилъ баллады Жуковскаго». Тутъ же было положено и начало знакомства будущаго нашего поэта съ нѣмецкою литературой. Особенно сильно вліяніе этого кружка стало сказываться по выходѣ Жуковскаго изъ пансіона, когда онъ сознательнѣе сталъ относиться къ его идеямъ.

Подводя итоги выше сказанному, невольно задаешься вопросомъ, что же вынесъ Жуковскій изъ этого разсадника просвѣщенія на рубежѣ XVIII—XIX вв. Вопреки мнѣнію біографа его г. Загарина, мы должны сказать, что школа эта очень немного дала нашему поэту въ смыслѣ общаго образованія. Единственно, что онъ получилъ отъ нея—такъ это возможность свободно предаваться литературнымъ занятіямъ. Правда, біографъ Антонскаго говоритъ: инспекторъ пансіона «своею учёностью много улучшилъ и возвысилъ учебную часть заведенія; своею неутомимою дѣятельностью онъ оживилъ духъ въ ученикахъ», но это надо отнести къ бо-

лѣе позднему времени, но не ко времени пребыванія въ немъ Жуковскаго. Не имѣя возможности указать всѣхъ недостатковъ пансіонскаго преподаванія, мы ограничимся только указаніемъ на эти недостатки одного изъ воспитанниковъ пансіона, товарища Жуковскаго, Александра Ивановича Тургенева. Онъ изъ Лейпцига въ 1827 г. писалъ брату своему Николаю: «Опять слушалъ Линднера о педагогикѣ и опять съ большимъ любопытствомъ, ибо онъ сильно нападалъ на недостатки здѣшнихъ и вообще нѣмецкихъ педагоговъ и управленія училищнаго. Что бы сказалъ онъ при видѣ Антонскаго педагогики? Почти всѣ замѣченные недостатки существуютъ у Антонскаго. Но главный недостатокъ состоитъ въ нарушеніи правила, что въ низшіе классы должно сажать лучшихъ учителей» [13]). Правда, иногда Жуковскій очень восторженно отзывался о заведеніи, его воспитавшемъ, такъ напр., въ одномъ письмѣ къ А. А. Антонскому отъ 8 іюля 1815 г. онъ пишетъ ему о Царскосельскомъ лицеѣ. «Едва ли когда—нибудь лицей будетъ для Россіи то, что пансіонъ университета». Въ 1809 г. въ «Вѣстникѣ Европы», въ примѣчаніи къ стихотворенію А. Раевкаго: «Любовь къ ближнимъ», Жуковскій замѣтилъ: «Стихи сіи произнесены были молодымъ авторомъ на публичномъ актѣ, бывшемъ въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ. Отцы и матери воспитанниковъ, которые были главными зрителями и участниками сего торжества, имѣли случай радоваться успѣхами своихъ дѣтей, въ которыхъ подъ надзоромъ дѣятельнаго воспитателя образуются полезные граждане, могущіе со временемъ воздать попеще-

---

13) Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу (Лейпцигъ 1872 г.), стр. 105.

муся о нихъ отечеству подвигами, его достойными» [14]). Но рядомъ съ этими полуоффиціальными отзывами идутъ въ интимныхъ письмахъ Жуковскаго горькія сѣтованія на скудость своего образованія: «Я совершенный невѣжда въ исторіи... Но я хочу получить объ исторіи хорошее понятіе... Но и для русской исторіи, прежде нежели погружусь въ океанъ лѣтописей, намѣренъ составить такой же точно планъ, для котораго мнѣ нужна будетъ какая-нибудь краткая, но хотя нѣсколько сносная русская исторійка. Не знаешь ли чего-нибудь въ этомъ родѣ?... Ахъ, братъ и другъ, сколько погибло времени!» «Для мужчины въ нынѣшнемъ вѣкѣ, въ которомъ отъ другихъ отставать не должно, въ этихъ наукахъ (исторіи, географіи, натуральной исторіи) нужно знаніе фундаментальное—я самъ вамъ въ этомъ примѣръ! Мнѣ часто приходитъ плохо отъ недостатка въ этомъ фундаментальномъ знаніи! И я бы не желалъ, чтобы съ дѣтьми вашими бывало то же, что со мною» [15]). А между тѣмъ исторію и естественныя науки Антонскій ставилъ на первомъ мѣстѣ въ ряду знаній, болѣе споспѣшествующихъ просвѣщенію и укрѣпленію разсудка. Чувствовалъ Жуковскій и потребность познакомиться съ латинскимъ языкомъ и съ греческимъ. Въ 1810 году онъ «находитъ удовольствіе даже и въ томъ, чтобы учить наизусть примѣры изъ латинскаго синтаксиса» ... «Теперь», пишетъ онъ на 27 году своей жизни: «главныя занятія мои составляютъ: исторія всеобщая, какъ приготовленіе къ русской и къ классикомъ, и языки, пока латинскій, а черезъ нѣсколько времени и греческій».

---

[14]) «В. Е.» 1809, № 2, стр. 109.

[15]) «Рус. Старина». 1883 г. Сентябрь стр. 539.

Въ 1822 г. Жуковскій проситъ Гнѣдича прислать ему латинскую грамматику. «Люди увѣряютъ, что я перевожу Энеиду», пишетъ онъ вслѣдъ затѣмъ: «а я просто учусь по-латински и, чтобъ затверживать слова, перевожу изъ «Энеиды» отрывки». Въ 1845 г. онъ пишетъ фонъ-деръ Брилену: «Я часто, часто сѣтовалъ на свое совершенное невѣжество въ латинскомъ и греческомъ языкѣ» [16]). Собственный горькій опытъ заставляетъ Жуковскаго желать, чтобы дѣти А. П. учились «обоимъ древнимъ языкамъ». Жуковскій самъ почти безъ руководителя, по своему собственному плану, начинаетъ учиться исторіи (по сочиненіямъ Гаттерера и Геерина), латинскому языку, нѣмецкому языку; начинаетъ знакомиться съ нѣмецкой литературой. «Я бы желалъ», пишетъ онъ Ѳ. Г. Вендриху въ 1805 г.: «если бы не боялся васъ отяготить, чтобы вы назначили мнѣ всѣ лучшія нѣмецкія книги во всѣхъ родахъ литературы: нѣмецкая литература мнѣ мало знакома». Знаменательныя слова Жуковскаго въ письмѣ къ А. П. Елагиной: «Университетъ, не повредя бы ихъ (дѣтей А. П.) нравственности, приготовилъ бы ихъ для дѣятельной жизни» [17]). Изъ всѣхъ этихъ отзывовъ Жуковскаго мы видимъ, что онъ далеко не былъ доволенъ своимъ образованіемъ. Что же касается пробужденія въ немъ интереса къ духовной жизни, который въ этотъ періодъ особенно сильно начинаетъ проявляться, то, по нашему мнѣнію, главная иниціатива въ этомъ пробужденіи принадлежитъ не столько вліянію пансіона, сколько собственной природѣ Жуковскаго. Заслуга пансіона заключа-

[16]) Тамъ же стр. 536.

[17]) Тамъ же стр. 540.

лась, пожалуй, въ томъ, что онъ не мѣшалъ развитію духовнаго интереса въ Жуковскомъ [18]).

Аркадій Соловьевъ.

Г. Юрьевъ. 1902
16/IV.

[18]) Мы ничего не сообщаемъ новаго относительно «собранія воспитанниковъ Благороднаго Пансіона», а по этому желающихъ ознакомиться съ этимъ отсылаемъ къ труду Загарина: «В. А. Жуковскій и его произведенія».

Какъ цѣнили переводъ „Одиссеи“ Жуковскаго современные и послѣдующіе критики *).

ВВЕДЕНІЕ.

Глубокая истина, высказанная еще Цицерономъ въ рѣчи за Архія [1]) относительно того, что гораздо больше значатъ природныя дарованія безъ научнаго образованія, чѣмъ наоборотъ, имѣетъ, конечно, свое особенное значеніе примѣнительно къ поэтамъ, на что указалъ тотъ же ораторъ и въ той же знаменитой рѣчи [2]).

Тогда какъ всѣ другія занятія находятся въ прямой зависимости отъ изученія извѣстныхъ правилъ и искусствъ, поэтъ творитъ по самой своей природѣ, порывами своего поэтическаго генія возбуждается къ творчеству и какъ бы вдохновляется какимъ-то наитіемъ свыше, и то, чего не въ силахъ сдѣлать ученый, не одаренный поэтическимъ даромъ, способенъ создать поэтъ, не напитанный ученостью, но надѣленный творчествомъ, богатой фантазіей и прозрѣніемъ—чутьемъ, проникающимъ въ духъ отдаленной, уже давно отжившей эпохи.

Жуковскій и его переводъ «Одиссеи»—наглядный примѣръ высказанной Цицерономъ истины.

Почти вовсе не зная греческаго языка, Жуковскій

---

*) Рѣчь, произнесенная въ Императорской Казанской I-й гимназіи 23 апрѣля 1902 года.

1) Cic. Arch. 7, 15.

2) Ibid. 8, 18.

рѣшился перевести «Одиссею». Подъ руками у поэта были нѣмецкій стихотворный переводъ Фосса и нѣсколько другихъ переводовъ въ прозѣ: одинъ нѣмецкій и два французскихъ и еще одинъ, по собственному выраженію Жуковскаго, архиглупый прозаическій пересказъ [3]).

Главную же услугу при переводѣ оказалъ Жуковскому боннскій профессоръ Грасгофъ, который переписалъ для поэта подлинный текстъ «Одиссеи», поставилъ подъ каждымъ греческимъ словомъ нѣмецкое слово и подъ каждымъ нѣмецкимъ грамматическій смыслъ оригинальнаго [4]).

При такихъ пособіяхъ, благодаря трудолюбію, Жуковскій совершилъ свой великій подвигъ, который современники называли «великимъ», а самый переводъ «Одиссеи» считали литературной достопримѣчательностью [5]).

Сила поэтическаго таланта, глубокое знаніе отечественнаго языка, опытность, пріобрѣтенная долговременнымъ упражненіемъ въ переводахъ; любовь и ревность къ занятію—сдѣлали то, что въ каждой пѣснѣ перевода Жуковскаго мы находимъ по нѣскольку такихъ мѣстъ, которыя могутъ считаться превосходными образцами художественнаго стиха. Должно даже къ удивленію сказать, что именно подобныя мѣста въ переводѣ Жуковскаго замѣчательны вмѣстѣ и своей поразительной близостью къ подлиннику [6]).

---

[3]) Ср. П. Загаринъ, «В. А. Жуковскій и его произведенія». М. 1883 г. прил. VI, стр XXXI.

[4]) См. новыя стихотворенія В. Жуковскаго. Т. II Одиссея: I—XII пѣсни, СПб. 1849. Вмѣсто предисловія. Отрывокъ письма, стр. XV.

[5]) «Журн. Мин. Нар. Просв. 1850, № 4, ч. 66, отд. VI, стр. 68 сл. Ср. СПб. Вѣд. 1849, № 268.

[6]) «Журн. Мин Нар. Просв.» 1849, № 7, ч. 63, отд. VI, стр. 91 «Отеч Зап» 1849 № 3. 7, т. 63, отд. V, стр. 23.

«Одиссея» въ переводѣ Жуковскаго представляется, такимъ образомъ, самымъ замѣчательнымъ литературнымъ явленіемъ 1849 года [7]) и, безъ всякаго сомнѣнія, составляетъ важный фактъ какъ въ исторіи отечественной литературы вообще, такъ въ частности въ исторіи нашего знакомства съ классической поэзіей и въ литературной жизни Жуковскаго [8]), тѣмъ болѣе, что переводъ «Одиссеи» представлялся оригинальнымъ и самому поэту, не знакомому съ языкомъ подлинника [9]).

Одинъ изъ современниковъ Жуковскаго при появленіи перевода «Одиссеи», между прочимъ, писалъ слѣдующее: «Жуковскій, послѣдній изъ поэтовъ, беретъ за руку самаго перваго поэта, слѣпого пѣвца, этого дряхлаго, но нѣкогда «божественнаго» Гомера... и, являясь съ нимъ передъ своими соотечественниками, торжественно зоветъ насъ на пиръ прекраснаго» [10]).

Самый процессъ перевода «Одиссеи» доставилъ Жуковскому много утѣшительныхъ минутъ: онъ жилъ надеждой, что въ своемъ Гомерѣ оставляетъ своему отечеству вѣчный памятникъ поэтической жизни, который между внуками долженъ сохранить о немъ доброе воспоминаніе [11]).

Жуковскій переводилъ для личнаго удовольствія, для наслажденія; о славѣ онъ не мечталъ, переводилъ

---

7) См. «Одиссея и журнальные толки о ней». «Современникъ» 1850, № 3, т XX, отд. III, стр. I.

8) «Отеч. Зап.» 1850, № 1, т. 68, отд. V, стр. I.

9) Ср. Стихотворенія Жуковскаго т. IV, изд. 9-е, СПб. 1894. Письмо къ гр. С. С. Уварову, стр. 2.

10) Сенковскій, Сочиненія т. VII. СПб. 1859, стр. 332.

11) «День» 1862, № 41, стр. 18 (изъ писемъ Жуковскаго къ Зейдлицу)—Зейдлицъ, Жизнь и поэзія Жуковскаго. СПб. 1883, стр. 225 сл. Ср. Гоголь, Письма (ред. Шенрока). СПб. 1901, т. IV, стр. 255: Сенковскій, соч. т. VII, стр. 335: Журн. Мин. Нар. Просв. 1849, № 1, ч. 61, отд. VI, стр. 83.

за границей, гдѣ ни передъ кѣмъ не могъ гордиться своимъ переводомъ, такъ какъ тамъ русскаго языка не понимали [12]).

Поэтическій переводъ обширной поэмы, какъ въ другомъ случаѣ созданіе всякаго оригинальнаго произведенія, былъ важный актъ въ жизни самого поэта: онъ переживалъ безконечныя волненія, извѣстныя только ему самому. Къ этому труду поэтъ готовилъ себя цѣлые годы и всѣ свои мысли, чувства, настроенія внесъ въ свою работу, онъ ею жилъ, лелѣялъ ее, боготворилъ. Въ то же время при изданіи своего труда переводчикъ, безъ сомнѣнія, трепеталъ за то, какъ отнесется къ его созданію публика, какой переворотъ произведетъ его трудъ, что новаго принесетъ онъ съ собой, кто его будетъ читать, какъ его будутъ читать, и что останется отъ чтенія. Всѣ эти размышленія были такъ серьезны и такъ тревожны, что невольно наводятъ на мысль, не былъ ли трудъ Жуковскаго жертва съ его стороны и жертва добровольная, съ цѣлью передать своимъ соотечественникамъ свое любимое дѣтище—младшую дочь, какъ называлъ самъ поэтъ свой переводъ «Одиссеи» [13]).

Въ данномъ случаѣ трудъ Жуковскаго, какъ переводчика, былъ особенно полонъ тревогъ: Жуковскій былъ увѣренъ, что каждый могъ смотрѣть на переводъ съ своей точки зрѣнія: одинъ могъ сравнивать переводъ въ отношеніи близости къ подлиннику, другой въ смыслѣ пониманія духа оригинала, третій со стороны языка и т. д.

Переводъ Гомера безусловно во всѣ времена пред-

[12]) Зейдлицъ, стр. 226.
[13]) Ibid. ср., напр., стр. 225.

ставлялся труднымъ: новѣйшему переводчику не легко проникнуться живымъ эллинскимъ простодушіемъ, еще труднѣе найти въ своемъ языкѣ соотвѣтствующія формы для передачи его многочисленныхъ и оригинальныхъ эпитетовъ.

Современное общество опередило Гомерову эпоху почти на три тысячелѣтія, да и самъ Гомеръ необъятно великъ: боги, полубоги, чудеса; военная и мирная жизнь, любовь и гнѣвъ, месть и жалость, смѣхъ и горе,—все занимало слѣпого пѣвца. Самый міръ понятій въ поэмахъ Гомера обширнѣе и цѣльнѣе нашихъ воззрѣній на природу, ибо сама природа, окружавшая грека и славянина, многоразлична: тамъ—море, горы и яркій блескъ солнца, здѣсь—степь, лѣсъ и порывы холоднаго вѣтра и зимнихъ мятелей.

Несмотря на всѣ эти затрудненія и свои преклонные годы, Жуковскій принялся за переводъ «Одиссеи» и послѣ семилѣтней упорной работы надъ нимъ съ успѣхомъ довелъ переводъ до конца [14]).

Какъ заслуженнаго вознагражденія за свой многолѣтній трудъ Жуковскій долженъ былъ ждать обстоятельной оцѣнки своего перевода.

По поводу «Одиссеи» Жуковскаго появилось значительное для своего времени количество журнальныхъ и газетныхъ статей. Всѣ эти отзывы объ «Одиссеѣ» Жуковскаго важны, какъ любопытный фактъ въ исторіи русской журналистики. Разсмотрѣніе этихъ рецензій, разнообразныхъ по своему содержанію, и имѣетъ предметомъ настоящая рѣчь.

Мнѣнія объ «Одиссеѣ» Жуковскаго были высказа-

---

[14] Стихотворенья Жуковскаго, т. IV, изд. 9-е, СПб. 1894, стр. 479.

ны еще до выхода въ свѣтъ самого перевода поэмы, и, какъ преждевременные отзывы, эти мнѣнія оказали свое вліяніе не только на современную переводу критику, но и на отзывы послѣдующаго времени, и лишь сравнительно въ недавнее время на трудъ Жуковскаго взглянули съ объективной точки зрѣнія и оцѣнили его надлежащимъ образомъ.

I.

Мнѣнія объ „Одиссеѣ", переводимой Жуковскимъ, до ея окончательнаго выхода въ свѣтъ. Вліяніе этихъ мнѣній на критику.

«Произведенія нашей литературы, какъ ни рѣдки, появляются, живутъ и умираютъ, не оцѣненныя по достоинству»—такъ высказался Пушкинъ о литературной критикѣ нашихъ журналовъ, какъ разъ въ то самое время, когда появился переводъ «Иліады», исполненный Гнѣдичемъ (1830 г.) [15]) Еще рѣзче, еще рѣшительнѣе выразился о томъ же предметѣ Гоголь въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Н. Я. Прокоповичу (отъ 29 марта 1850 г.): «Какъ поглядишь, какіе глупые настаютъ читатели, какіе безтолковые цѣнители, какое отсутствіе вкуса... просто не подымаются руки» [16]). Слова Гоголя имѣли прямое отношеніе къ его занятіямъ послѣдняго времени жизни, къ «Мертвымъ душамъ», и, какъ увидимъ ниже, высказаны были подъ вліяніемъ критическихъ отзывовъ, появившихся по поводу выхода въ свѣтъ «Одиссеи» въ переводѣ Жуковскаго.

---

[15]) Сочиненія Пушкина изд. 8-е, М. 1882, т. V, стр. 76.

[16]) Письма Гоголя т. IV, стр. 312.

Аналогія въ сужденіяхъ Пушкина и Гоголя о современной литературной критикѣ на переводъ «Иліады» и «Одиссеи» невольно возбуждаетъ въ насъ желаніе получить отвѣты на вопросы, какъ смотрѣлъ на трудъ Гнѣдича самъ Пушкинъ, и какъ относился Гоголь къ переводу «Одиссеи» Жуковскаго. Отвѣтъ на первый вопросъ можно найти въ перепискѣ Пушкина съ Гнѣдичемъ; отвѣтомъ на второй вопросъ будутъ нѣсколько мѣстъ изъ недавно обнародованныхъ писемъ Гоголя къ его друзьямъ.

«Иліада» въ переводѣ Гнѣдича вышла въ свѣтъ въ 1830 г., ровно черезъ 20 лѣтъ, т.-е. въ 1849 г. появился переводъ «Одиссеи» Жуковскаго. Пушкинъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за выходомъ въ свѣтъ всѣми ожидаемаго перевода «Иліады», свидѣтельствомъ чему являются многія мѣста его писемъ [17]) и восторженное двустишіе, написанное по поводу появленія въ свѣтъ «Иліады».

Незнаніе греческаго языка помѣшало Пушкину приступить къ полному разбору «Иліады» [18]), и поэтъ долженъ былъ ограничиться лишь написаніемъ нѣсколькихъ строкъ «О выходѣ «Иліады» въ переводѣ Гнѣдича» [19]). Переводъ Гнѣдича, по сужденію Пушкина, былъ первый классическій, европейскій подвигъ въ нашемъ

---

[17]) Ср. соч. Пушкина изд. 8-е, т. VII, стр. 71, 75, 172, 284. См. также Пав. Черняевъ «А. С. Пушкинъ, какъ любитель античнаго міра и переводчикъ древне-классическихъ поэтовъ» Казань 1899, стр. 53 сл. и С. Любомудровъ: «Античный міръ въ поэзіи Пушкина» Москва 1899, стр. 44. Послѣдняя работа написана подъ сильнымъ вліяніемъ труда Пав. Черняева (ср., напр., стр. 4, 8—9, 30. 49 у Л—ва и стр. 8, 18—21, 66, 4—у Ч—ва).

[18]) См. т. VII, стр. 76.

[19]) Т. V, стр. 76.

отечествѣ [20]), единый, высокій подвигъ [21]). Эти похвальные отзывы Пушкина навлекли на него подозрѣніе въ пристрастіи, и поэту пришлось прибѣгнуть къ литературнымъ объясненіямъ [22]).

Такимъ образомъ услуга, оказанная Пушкинымъ своему другу, была, какъ видимъ, не совсѣмъ кстати: она породила праздные толки въ литературѣ и вызвала, быть-можетъ, далеко не безпристрастные отзывы о трудѣ Гнѣдича, на который переводчикъ употребилъ половину своей жизни.

Другъ Жуковскаго Гоголь поступилъ, сдается намъ, еще неосмотрительнѣе. За нѣсколько лѣтъ до выхода въ свѣтъ перевода «Одиссеи» Жуковскаго Гоголь письмомъ къ Н. М. Языкову («Объ Одиссеѣ, переводимой Жуковскимъ») [23]) оповѣстилъ публику объ имѣющемъ появиться трудѣ. Это письмо Гоголя—famosa epistola, какъ называетъ его одинъ изъ рецензентовъ перевода «Одиссеи» [24]), послужило яблокомъ раздора между критиками.

Какъ ни странно, но суровые и нерѣдко несправедливые приговоры, въ большинствѣ случаевъ, выпадаютъ на долю такихъ произведеній, появленія которыхъ ожидаютъ долго и съ особеннымъ нетерпѣніемъ. Отсюда понятно, почему «Одиссею» Жуковскаго, какъ и «Иліаду» Гнѣдича, при выходѣ ихъ въ свѣтъ, постигла одна и та же судьба: критика отнеслась къ нимъ, особенно къ «Одиссеѣ», съ заранѣе предвзятой мыслью, такъ какъ о переводахъ обѣихъ поэмъ Гомера задолго до ихъ

[20]) Т. VII, стр. 75

[21]) Т. V, стр. 76.

[22]) Ср. «Объясненіе къ замѣткѣ объ «Иліадѣ» т. V, стр. 95 сл.

[23]) См. Сочиненія Гоголя М. 1867, т. III, стр 354—363.

[24]) Ср. Отеч Зап. 1849, № 8, т. 65, отд. V, стр. 33.

появленія высказаны были восторженныя похвалы такими видными представителями современной литературы, какъ Пушкинъ и Гоголь. Аналогія въ конечной судьбѣ этихъ преждевременно произнесенныхъ сужденій еще болѣе поразительна.

Вотъ что, между прочимъ, писалъ Гоголь Языкову: «Вся литературная жизнь Жуковскаго была какъ бы приготовленіемъ къ этому дѣлу [25]); это не переводъ, но скорѣе возсозданіе, возстановленіе, воскресеніе Гомера» [26]).

Восторженный Гоголь приписывалъ «Одиссеѣ» какое-то магическое дѣйствіе какъ вообще на всѣхъ, такъ и отдѣльно на каждаго. Народъ, такъ думалось Гоголю, извлечетъ изъ «Одиссеи» то, что ему слѣдуетъ изъ нея извлечь, т.-е. что человѣку вездѣ, на всякомъ поприщѣ, предстоитъ много бѣдъ; что нужно съ ними бороться: для того и жизнь дана человѣку, что ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ унывать, какъ не унывалъ и Одиссей, который во всякую трудную и тяжелую минуту обращался къ своему сердцу, не подозрѣвая самъ, что таковымъ внутреннимъ обращеніемъ къ самому себѣ онъ уже творилъ ту внутреннюю молитву къ Богу, которую въ минуту бѣдствій совершаетъ всякій человѣкъ, даже не имѣющій никакого понятія о Богѣ» [27]). Нѣсколько сдержаннѣе высказана подобная же мысль въ письмѣ Гоголя къ П. А. Плетневу [28]), гдѣ такъ говорится объ «Одиссеѣ»: «Ея появленье въ нынѣшнее время необыкновенно значительно. Вліяніе ея на публику еще вдали: весьма можетъ быть, что въ

[25]) Соч. Гоголя М. 1867, т. III, стр. 354.

[26]) Ibid. стр. 355.

[27]) Ibid. стр. 357.

[28]) Письма Гоголя т. IV, стр. 231 сл.

пору нынѣшняго лихорадочнаго своего состоянья большая часть читающей публики не только не разнюхаетъ, но даже и не примѣтитъ. Но зато это сущая благодать и подарокъ всѣмъ тѣмъ, въ душахъ которыхъ не погасалъ священный огонь, и у которыхъ сердце пріуныло отъ смуты и тяжелыхъ явленій современныхъ. Ничего нельзя было придумать для нихъ утѣшительнѣе. Какъ на знакъ Божьей милости къ намъ, должны мы глядѣть на это явленіе, несущее ободренье и освѣженье въ наши души»...

Въ своемъ извѣстномъ письмѣ Языкову Гоголь писалъ [29]: „Я увѣренъ, что толки, разборы, разсужденія, замѣчанія и мысли, ею (т.-е. «Одиссеею») возбужденные, будутъ раздаваться у насъ въ журналахъ въ продолженіе многихъ лѣтъ» [30].

Гоголь слѣдилъ за самымъ ходомъ перевода «Одиссеи» [31], спрашивалъ Жуковскаго письмомъ, имѣетъ ли онъ Дидотовское изданіе Гомера [32], и даже подавалъ совѣты, какъ бы надо было издать переводъ «Одиссеи» [33].

Въ одномъ изъ писемъ къ Жуковскому [34] Гоголь такъ выражается о переводѣ «Одиссеи»: «Что же мнѣ написать тебѣ объ «Одиссеѣ». Сказавши въ первомъ письмѣ [35], что много есть въ Россіи людей, тебѣ особенно за нее благодарныхъ, и что она совершенство, я сказалъ все. Да и что сказать о трудѣ, въ которомъ всѣ части приведены въ такую стройность и согласіе?

[29]) Соч. Гоголя М. 1867, т. III, стр. 357.
[30]) Ibid. стр. 359 сл.
[31]) Письма Гоголя т. IV, стр. 255.
[32]) Ibid. стр. 111.
[33]) Ibid. стр. 243 сл.
[34]) Ibid. стр. 303 сл.
[35]) Ibid. стр. 287.

Если бы что-нибудь выступало сильнѣй другого, или было обработано лучше, или же отстало, тогда бы нашлись рѣчи; а теперь вся оцѣнка сливается въ одно слово: прекрасно! При томъ, если даже и хвалить картины, то похвалы всѣ достанутся Гомеру, а не тебѣ. Переводчикъ поступилъ такъ, что его не видишь: онъ превратился въ такое прозрачное стекло, что, кажется, какъ бы нѣтъ стекла».

Въ одномъ письмѣ къ П. А. Плетнему Гоголь пишетъ [36]): «объ «Одиссеѣ» не говорю. Что̀ сказать о ней? Ты, вѣрно, наслаждался каждымъ словомъ и каждой строчкой. Благословенъ Богъ, посылающій намъ такъ много добра посреди золъ!»

О томъ, какъ выполненъ Жуковскимъ переводъ «Одиссеи», Гоголь отозвался со свойственнымъ ему энтузіазмомъ, пожалуй, болѣе, чѣмъ восторженно. «Переводъ этотъ рѣшительно есть вѣнецъ всѣхъ переводовъ, когда-либо совершавшихся на свѣтѣ, и вѣнецъ всѣхъ сочиненій, когда-либо сочиненныхъ Жуковскимъ» [37]).

Такъ думалъ Гоголь о трудѣ своего друга. Къ подобному гиперболическому сужденію о переводѣ Жуковскаго положительно ничего нельзя было прибавить, а убавить было что̀. И это хорошо понялъ самъ Гоголь, когда увидѣлъ, какъ приняла публика переводъ Жуковскаго [38]), и какъ встрѣтила этотъ трудъ современная переводчику литературная критика. Тогда именно восторженное настроеніе Гоголя перешло поистинѣ въ уныніе. Въ Гоголѣ зародилась мысль, что его «Мертвыя души» ждетъ участь, подобная судьбѣ «Одиссеи» Жуковскаго, и очень можетъ быть, что пріемъ, ока-

[36]) Ibid. стр 290.

[37]) Письма Гоголя т. III, стр. 11.

[38]) См. прим. 5-е къ письму на стр. 287 въ IV т.

занный «Одиссеѣ», имѣлъ роковое значеніе на дальнѣйшій ходъ какъ вообще литературныхъ занятій Гоголя, такъ въ частности и на его безъ того незавидное здоровье [39]). По крайней мѣрѣ къ такому выводу приводятъ насъ нѣсколько мѣстъ изъ переписки Гоголя съ его искренними друзьями. Такъ, Гоголь писалъ А. С. Данилевскому [40]): «Не такое время, чтобы печатать что-либо; да я думаю, что и самыя головы не въ такомъ состояніи, чтобы умѣть читать спокойное художественное творенье. Вижу по «Одиссеѣ». Если Гомера встрѣтили р а в н о д у ш н о [41]), то чего же ожидать мнѣ?»

Въ письмѣ къ Жуковскому читаемъ такую тираду [42]): «Появленіе «Одиссеи» было не для настоящаго времени. Ее привѣтствовали уже отходящіе люди, радуясь и за себя самихъ, что еще могутъ чувствовать вѣчныя красоты Гомера, и за внуковъ своихъ, что имъ есть чтеніе свѣтлое, не отемняющее головы. Я знаю людей, которые нѣсколько разъ сряду прочли «Одиссею», съ полной признательностью и глубокой благодарностью къ переводчику. Но такихъ (увы!) немного. Никакое время не было еще такъ бѣдно читателями хорошихъ книгъ, какъ наступившее».

«Мертвыя души», сообщалъ Гоголь П. А. Плетневу [43]), тоже тянутся лѣниво. Можетъ-быть, такъ оно и слѣдуетъ, чтобъ имъ не выходить теперь. Дѣло въ томъ, что время еще содомное; люди, доселѣ не отрез-

[39]) Письма Гоголя т. IV, стр. 312, прим. 5-е.

[40]) Ibid. стр. 236 сл.

[41]) Изъ письма Жуковскаго къ П. В. Нащокину узнаемъ, что почти ни одинъ изъ знакомыхъ не увѣдомилъ поэта о полученіи «Одиссеи». Ср. Загаринъ, прил. V, стр. XXVIII.

[42]) Письма Гоголя т. IV, стр. 287.

[43]) Ibid. стр. 289.

вившіеся отъ угару, не годятся какъ будто въ читатели, не способны ни къ чему художественному и спокойному. Сужу объ этомъ по пріему «Одиссеи» Два—три человѣка обрадовались ей, и то люди уже отходящаго вѣка. Никогда не было еще замѣтно такого умственнаго безсилія въ обществѣ. Чувство художественное почти умерло».

Однако разсмотримъ, правъ ли былъ Гоголь, утверждая, что публика встрѣтила «Одиссею» Жуковскаго только равнодушно.

По поводу перевода «Одиссеи» были высказаны не двѣ—три критики, какъ это можно было бы заключить изъ только что приведенныхъ словъ Гоголя, а гораздо болѣе. Врядъ ли и въ наше время произнеслось бы столько мнѣній о переводѣ «Одиссеи», сколько высказали ихъ современники Гоголя, между которыми были безспорно талантливые знатоки греческаго языка. Имена многихъ этихъ лицъ украшали тогда страницы лучшихъ русскихъ журналовъ,—то были люди, умѣвшіе излагать свои мысли бойко, живо, увлекательно.

Критиковъ того времени по характеру ихъ рецензій на «Одиссею» Жуковскаго можно раздѣлить на три разряда: панегиристовъ, противоположныхъ имъ хулителей и умѣренныхъ. Больше всего числомъ было послѣднихъ, меньше первыхъ и очень ограниченное количество вторыхъ.

Почти въ каждомъ критическомъ отзывѣ была своя доля правды, высказываемая или въ формѣ желанія, или въ формѣ требованія.

Однако, прежде чѣмъ начать разбираться въ критическихъ статьяхъ, появившихся по поводу выхода въ свѣтъ «Одиссеи» Жуковскаго, мы должны сдѣлать нѣкоторое отступленіе, въ которомъ подробно приведемъ

какъ взглядъ самого переводчика на свой трудъ, такъ и его собственныя объясненія касательно перевода. Это сдѣлать тѣмъ болѣе необходимо, что вступительныя слова переводчика, представляющія собою отрывокъ письма, послужили для многихъ критиковъ, какъ увидимъ ниже, исходной точкой ихъ сужденій о переводѣ.

Цѣль перевода, какъ узнаемъ изъ этого предисловія—отрывка письма та, что Жуковскій захотѣлъ повеселить душу первобытною поэзіей, потѣшить самого себя на просторѣ поэтическою болтовнею [44]). Жуковскій хотѣлъ «быть вѣрнымъ представителемъ Гомера». Незнаніе Гомерова языка не помѣшало ему, по его собственнымъ словамъ, достигнуть этого, благодаря особымъ пріемамъ перевода, которые онъ самъ и объясняетъ. Во время своей заграничной жизни Жуковскій нашелъ въ Дюссельдорфѣ профессора Грасгофа [45]), великаго эллиниста, который въ особенности занимался объясненіемъ Гомера [46]). Грасгофъ для Жуковскаго собственноручно весьма четко переписалъ въ оригина-

[44]) См. Новыя стихотворенія Жуковскаго т. II. СПб. 1849, стр. XIII сл.

[45]) Странно, что Жуковскій не обратился за содѣйствіемъ къ Фоссу (1785—1847), сыну извѣстнаго переводчика Гомера, который также занимался этимъ писателемъ и въ то время, какъ и Жуковскій, жилъ въ Дюссельдорфѣ

[46]) Вся ученость этого «знатока» Гомера сводится какъ кажется, къ написанію лишь двухъ-трехъ небольшихъ работъ по греческому эпосу, таковы двѣ его программы, вышедшія до 1840 г.: 1) Ueber d. Schiff bei Homer und Hesiod. 4° pr. 1834 p 32 и 2) Ueber d. Fuhrwerk bei Homer und Hesiod. 4° pr. 1846 p. 41. Настоящими знатоками Гомера въ это время были слѣд. ученые: Doederlein I. L. Chr. W. (1791–1863), профессоръ СПб. университета Freytag Th. F. (1800—1858), замѣчаніями котораго на первыя двѣ пѣсни «Иліады» пользовался Негельсбахъ, далѣе Kayser K. L. (род. 1808 г.), Nitzsch G. W. (1790—1861), Nässlin F. A. (1780–1863) и др.

лѣ всю «Одиссею» и, какъ выше было сказано, подъ каждымъ греческимъ словомъ поставилъ нѣмецкое слово и подъ каждымъ нѣмецкимъ-грамматическій смыслъ оригинальнаго [47]). Такимъ образомъ Жуковскій имѣлъ передъ глазами какъ буквальный переводъ «Одиссеи», такъ и весь порядокъ словъ.

Работа Грасгофа была поистинѣ египетская, которую можно было сдѣлать трудолюбивому нѣмцу и по особому заказу. Трудъ Жуковскаго состоялъ въ томъ, что ему надлежало «изъ даннаго нестройнаго выгадывать скрывающееся въ немъ стройное, чутьемъ поэтическимъ отыскивать красоту въ безобразіи и творить гармонію изъ звуковъ, терзающихъ ухо». «Въ этомъ отношеніи и переводъ мой, пояснялъ Жуковскій, можетъ назваться произведеніемъ оригинальнымъ».

Высказавъ затѣмъ свой взглядъ на Гомера и на переводъ его поэмъ, Жуковскій заявлялъ: «все, имѣющее видъ новизны, затѣйливости нашего времени, все необыкновенное—здѣсь не у мѣста; оно есть, такъ сказать, анахронизмъ» [48]).

Сопоставляя, съ одной стороны, широковѣщательныя слова Гоголя объ «Одиссеѣ» [49]) съ «поэтическою исповѣдью» самого Жуковскаго [50]), нѣкоторые критики вполнѣ основательно находили мнѣніе Гоголя относительно того, что «Одиссею» будутъ читать всѣ съ увлеченіемъ. Такъ, одинъ изъ критиковъ рѣзко, но справедливо за-

[47]) См. Новыя стихотворенія Жуковскаго т. II. СПб. 1849, стр. XV.

[48]) Ibid. стр. XVII. Высказавъ во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій весьма правильный взглядъ на переводъ Гомера, Жуковскій при переводѣ «Одиссеи» во многомъ отступилъ отъ своего взгляда.

[49]) Соч. Гоголя М. 1867, т. III, стр. 357 сл. См выше прим 23

[50]) См. Новыя стихотворенія Жуковскаго т II, СПб. 18 стр. XIX.

мѣтилъ, что «ни въ какой землѣ и ни въ какое время и самый страстный любитель Гомера не воображалъ, чтобы можно было метать Гомеровскій бисеръ передъ дѣтей обоего пола, мужиковъ, лакеевъ; одному Гоголю могла прійти на умъ столь геніальная идея [51])

По поводу «поэтической исповѣди» Жуковскаго тотъ же критикъ писалъ: «нѐчего было выгадывать, чутьемъ поэтическимъ отыскивать красоту въ безобразіи. Сличая съ подлинникомъ Фоссовъ переводъ, вразумляешься вполнѣ, до какой степени сей послѣдній вѣренъ и классически совершенъ [52]). Однако въ данномъ случаѣ критикъ былъ не вполнѣ правъ: переводъ Фосса (1751—1826), правда, точенъ, но признать его «классически» совершеннымъ есть большая ошибка: это тяжелый нѣмецкій переводъ, изобилующій чудовищными по своимъ размѣрамъ словами, нарочито для этого перевода придуманными.

Далѣе, критикъ никакъ не могъ допустить мысли, чтобы Жуковскій, рѣшившись перевести «Одиссею» и располагая свободнымъ временемъ, не ознакомился предварительно, хоть сколько-нибудь, съ греческимъ языкомъ.

Положимъ, трудъ Грасгофа, замѣчаетъ критикъ, оказывался нужнымъ при первыхъ пѣсняхъ; но мы почти увѣрены, что съ четвертой или пятой пѣсни Грасгофъ былъ уже лишній для Жуковскаго, достаточно уже знакомаго какъ съ языкомъ, такъ и съ особенностями Гомера [53]). Это мнѣніе также нельзя не признать справедливымъ.

[51]) Баронъ Розенъ: «Новыя стихотворенія В. Жуковскаго», «Сынъ Отечества» 1849, январь, отд. VI, Крит. и библ. стр. 7.

[52]) Ibid. стр. 18.

[53]) Ibid. стр. 19.

Въ заключеніе своей критики авторъ высказываетъ пожеланіе видѣть въ русскомъ переводѣ гигантскій трудъ Грасгофа.

Переходимъ теперь къ болѣе подробному обозрѣнію собственно критическихъ отзывовъ объ «Одиссеѣ» Жуковскаго.

II.

Какъ встрѣтила и оцѣнила „Одиссею" Жуковскаго современная переводчику критика.

При обзорѣ различныхъ взглядовъ, высказанныхъ объ «Одиссеѣ» Жуковскаго современной переводчику критикой, мы перечислимъ прежде всего тѣ, въ которыхъ преимущественно указывались достоинства перевода, затѣмъ приведемъ сужденія о недостаткахъ труда Жуковскаго.

Критики-панегиристы старались распространить мнѣніе о своевременности перевода «Одиссеи» и о его вліяніи на общество, подмѣтили соотвѣтствіе въ настроеніи переводчика духу греческаго оригинала, слѣдствіемъ чего было пониманіе Жуковскимъ подлинника, нашли въ переводѣ совершенное изящество языка и красоту стиха, въ цѣломъ же увидѣли въ трудѣ Жуковскаго высокое поэтическое настроеніе, выдержанность тона и умѣлыя характеристики героевъ.

Такъ, Шевыревъ въ своемъ разборѣ прежде всего изображаетъ тѣ впечатлѣнія, какія производитъ переводъ Жуковскаго на современную публику, привыкшую къ инымъ литературнымъ возбужденіямъ. Впечатлѣнія

отъ перевода «Одиссеи» двоякаго рода: освѣжающее и успокоительное [54]).

То литературное время было раздраженное, и сама поэзія, какъ произведеніе такой жизни, по большей части была раздражительна. Гомерова поэзія прямой контрастъ этому настроенію: она дѣйствовала на читателя успокоительно и въ то же время животворящимъ образомъ. Такая сила животворнаго успокоенія принадлежала подлиннику, русскому поэту удалось ее постигнуть и сообщить своему переводу.

Именно Жуковскій, а никакой другой поэтъ, сумѣлъ постичь эту прелесть успокоенія потому, что онъ одинъ могъ почувствовать внутреннія красоты «Одиссеи», воспитавъ себя до той тишины полнаго и яснаго міросозерцанія, среди которой захотѣлось ему, какъ онъ самъ говоритъ, повеселить душу первобытной поэзіей.

Нѣмецкая критика даже подмѣтила глубокое сродство души сѣдовласаго пѣвца съ душою сѣдовласаго его переводчика [55]).

Не значило ли это, скажемъ мы отъ себя, что поэтъ удачно выбралъ какъ вообще время для своего перевода, предугадавъ, такъ сказать, чарующее дѣйствіе спокойнаго эпическаго сказанія на нервно возбужденное общество; также не менѣе удачно избрано поэтомъ для перевода «Одиссеи» время собственной жизни—старческіе годы, какъ бы затѣмъ, чтобы на закатѣ своихъ дней побесѣдовать на чужбинѣ съ мирной музой слѣпого Гомера. Изъ соотвѣтствія этого настроенія перевод-

[54]) «Журн Мин Нар. Просв.» 1849, № 7, ч. 63, отд. VI. стр. 88— «Москвитянинъ» 1849, № 1, отд. IV, стр. 45 сл.

[55]) См. «Журн. Мин Нар. Просв» 1850, № 4, ч. 66, отд. VI, стр. 68 сл.—«СПб. Вѣд.» 1849, № 268; ср. Гоголь, соч т. III (М. 1867), стр. 354 сл.; Письма т. IV, стр. 248 сл.

чика духу оригинала естественно вытекаетъ и болѣе глубокое пониманіе имъ подлинника.

Жуковскій понялъ духъ подлинника. Вотъ какъ объ этомъ выражается Дестунисъ (1818—1895), извѣстный филологъ, грекъ по происхожденію, впослѣдствіи профессоръ С. Петербургскаго университета. «Никогда еще ни одинъ переводъ не соединялъ въ равной степени высоту и поэтичность настроенія, колоритъ Гомеровой правды и красоты со всею научною исправностью и съ колоритомъ всѣхъ частностей: если должны преобладать или первыя условія, или вторыя, то конечно первыя, по тому самому, что имъ преимущественно обязанъ Гомеровъ эпосъ своимъ общечеловѣческимъ значеніемъ. Вѣрность этимъ общечеловѣческимъ, глубоко-поэтическимъ началамъ «Одиссеи» именно и господствуетъ въ новомъ переводѣ» [56]).

Жуковскому, конечно, надо было обдумать и глубоко прочувствовать Гомера, прожить его жизнью, иначе говоря, понять бытъ эллинскій, претворить греческое въ родное,—надо было быть далеко видящимъ, чтобы обозрѣть эту давно пережитую жизнь и чрезъ темь вѣковъ уловить міросозерцаніе слѣпого старца [57]).

И Жуковскій, несмотря на свое незнаніе языка подлинника, лучше Гнѣдича понялъ духъ первоначальной, простой поэзіи Гомера [58]).

Какъ знатокъ отечественнаго языка и профессоръ русской литературы, Шевыревъ главнымъ образомъ вос-

---

[56]) Дестунисъ Г. «О переводѣ «Одиссеи» В. А. Жуковскимъ», «Журн. Мин. Нар Просв.» 1850, № 8, ч 67, отд. II, стр. 63 сл., ср. стр. 86.

[57]) Ср. «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1850, № 4, ч. 66, отд. VI, стр. 68 сл.

[58]) Водовозовъ, «Новая русская литература», СПб. 1866, стр. 51.

торгался языкомъ переводной «Одиссеи». И въ самомъ дѣлѣ, если въ чемъ другомъ грѣшитъ диѳирамбическая, мѣстами туманная, критика Шевырева, то въ этомъ случаѣ рецензентъ выражается вполнѣ опредѣленно и не безъ вѣскихъ основаній признаетъ достоинство перевода Жуковскаго по отношенію къ преимуществу русскаго языка.

Впечатлѣніе, производимое собственно переводомъ «Одиссеи», «есть полная торжественная радость за нашъ языкъ» [59]). Языкъ въ «Одиссеѣ» похожъ болѣе на самый чистый каррарскій мраморъ безъ жилокъ, а искусство Жуковскаго на вдохновенный и самый опытный рѣзецъ ваятеля.

Позже Шевырева другой знатокъ русскаго языка, Катковъ, такъ выражается объ «Одиссеѣ» Жуковскаго: «Языкъ этого перевода есть чистый и изящный языкъ современной литературы нашей [60]). Это изящество, по замѣчанію Дестуниса, касается не только характеровъ и страстей, но и образовъ, предложеній, размѣра [61]).

Строгій и добросовѣстный разборъ г. Лавровскаго (1827—1886) [62]) убѣждаетъ, что переводъ «Одиссеи» со стороны чистоты языка обладаетъ многими неоспоримыми преимуществами надъ переводомъ Гнѣдича: онъ

---

[59]) «Москвитянинъ» 1849, № 1, отд. IV, стр. 48 — «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1849, № 7, ч. 63, отд. VI, стр. 88 сл.

[60]) Ср. М. Катковъ, «Нѣсколько словъ о попыткахъ переводить Гомера на простонародный русскій языкъ» «Пропилеи», кн. IV, М. 1854, стр. 551.

[61]) «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1850, № 8, ч. 67, отд. II, стр. 97.

[62]) «Эта первая дѣльная статья о Гомерѣ, вполнѣ соотвѣтствующая важности своего предмета» (Ср. Дружининъ, соч. т. VI, СПб. 1865, стр. 79) помѣщена въ «Отеч. Зап.» 1849, № 3, т. 63, отд. V, стр. 1—58. Ея заглавіе: «Сравненіе перевода «Одиссеи» Жуковскаго съ подлинникомъ на основаніи разбора 9-й рапсодіи».

читается несравненно легче; въ немъ не мало народныхъ выраженій, соотвѣтствующихъ подлиннику [63]).

Что касается собственно стиха, то гекзаметры у Жуковскаго, по выраженію Шевырева, походятъ на проволоку, которая вытягивается такъ, что онъ дѣлаетъ изъ нея всё, что захочетъ [64]). Отсюда происходятъ сила и текучесть періода по емкой и покорной формѣ очаровательнаго стиха, все побѣждающаго своимъ могуществомъ.

При поэтичности настроенія, по замѣчанію Дестуниса, почти вездѣ выдержанъ тонъ рѣчи важный и игривый, колкій и ласковый, остроумный и рѣшительный Чувства переданы большею частью такъ вѣрно, что тамъ даже, гдѣ микроскопъ филологіи не откроетъ въ переводѣ Жуковскаго всѣхъ соотвѣтствующихъ словъ,—тонъ чувства переданъ правильно [65]). По наблюденіямъ Водовозова [66]), извѣстнаго знатока русской литературы, у Жуковскаго, въ сравненіи съ Гнѣдичемъ, больше безыскусственной красоты, больше художественной отдѣлки въ рѣчи. Если слѣдить за характеристиками отдѣльныхъ лицъ, то и онѣ съ тѣми же оттѣнками у Жуковскаго, что и у Гомера [67]).

Слѣдовательно, поэтичность настроенія при выдержанности тона и умѣнье характеризовать дѣйствующія лица—вотъ то общее впечатлѣніе, какое получается отъ

[63]) Ср. «Журн Мин. Нар Просв.» 1849, № 7, ч 63, отд. VI, стр. 89 сл. Особенно удачно, нужно замѣтить, выбраны Жуковскимъ изъ народнаго языка тѣ выраженія, которыя указываютъ на то или другое душевное состояніе человѣка.

[64]) Ibid. стр. 88 сл —«Москвитянинъ» 1849, № 1, отд. IV, стр. 48.

[65]) «Журн. Мин. Нар. Просв » 1850, № 8, ч. 67, отд. II, стр. 71.

[66]) Ср. Водовозовъ. «Новая русская литература», СПб. 1866, стр. 54.

[67]) «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1850, № 8, ч. 67, отд. II, стр. 86.

перевода «Одиссеи». «Преодолѣть всѣ эти затрудненія вѣрнымъ поэтическимъ инстинктомъ, вывести изъ этого хаоса разноязычныхъ началъ и разноголосныхъ данныхъ одну стройную, русскую, новѣйшую красоту, которая бы примѣтно уподоблялась первобытной, древней греческой красотѣ—вотъ въ чемъ будетъ навсегда состоять слава Жуковскаго. Можно предсказать навѣрное, что этотъ переводъ «Одиссеи» составитъ въ отечественной литературѣ самый нетлѣнный ученый монументъ поэтическому имени Жуковскаго»—такъ писалъ извѣстный Сенковскій [68]).

Если критики-панегиристы находили въ «Одиссеѣ» Жуковскаго по большей части одни только хорошія качества, то критики противоположнаго лагеря отыскали въ переводѣ этой поэмы многія дурныя стороны и преимущественно тѣ именно, отсутствію которыхъ радовались критики-панегиристы.

Въ виду этихъ діаметрально-противоположныхъ взглядовъ, высказанныхъ журнальными рецензентами обоего рода по поводу сущности такого важнаго дѣла, какъ переводъ «Одиссеи» Гомера, ученые спеціалисты не преминули высказать и свое сужденіе.

Спеціалисты однако взялись за перо тогда лишь, когда увидѣли, что многіе диллетанты и самозванные знатоки наговорили много вздору, много глупостей по поводу общихъ положеній, неоспоримыхъ сужденій, истинъ, аксіомъ. Это была защита правды предъ смѣшаннымъ синедріономъ слѣпыхъ судей, то былъ свѣтлый праздникъ науки въ буквальномъ значеніи этого слова, истинное торжество здравой, зрѣлой мысли; побѣда надъ казовой ученостью, граничащей иногда съ

---

[68]) Соч. т. VII стр. 335.

пустымъ, ни на чемъ не основаннымъ фразерствомъ.

Авторъ статьи: «Одиссея» и журнальные толки о ней», [69]) приблизительно слѣдующими словами характеризуетъ эту «диллетантскую» критику. Большинство критиковъ греческаго языка не знало; критикъ «Сѣверной Пчелы» (1849, № 242, 31 октября) г. Кл. утверждалъ, что будто можно превосходно перевести по ясновидѣнію поэму, написанную на неизвѣстномъ переводчику языкѣ. Статья этого критика, имѣющая много общаго съ диѳирамбами Гоголя и Шевырева, полна софизмовъ и отступленій; авторъ означенной рецензіи безъ основанія нападаетъ на тѣхъ, кто отважился замѣтить недостатки въ переводѣ Жуковскаго [70]). Фельетонъ Булгарина, обнаружившаго въ своемъ отзывѣ («Сѣверная Пчела» 1849, № 44) полное незнаніе греческой жизни [71]), г. Брантъ называетъ «сильной и удачной критикой» [72]), малопонятную же и шутливую статью Сенковскаго [73]) онъ именуетъ обширнымъ историко-филологическимъ изслѣдованіемъ.

Лирическій диѳирамбъ Шевырева написанъ подъ сильнымъ вліяніемъ письма Гоголя къ Языкову и заключаетъ въ себѣ много страннаго и неяснаго въ родѣ,

---

69) «Современникъ» 1850, № 3, т. XX, отд. III, стр. 1—16. Вторая статья того же автора, помѣщенная въ № 4 того же тома и отдѣла па стр. 27—44, по содержанію своему не соотвѣтствуетъ заглавію.

70) Ibid. стр. 3 и 5 сл.

71) Ibid стр. 3 сл.

72) Ibid. стр 4. Статья Бранта помѣщена въ «Сынѣ Отечества» 1849, № 4.

73) Статья Сенковскаго носитъ заглавіе: «Одиссея» и ея переводы». По поводу перевода «Одиссеи» Жуковскаго; она помѣщена въ «Библ. для чтенія» 1849, №№ 1—2 (соч. т. VII, стр. 330—520). Правильный взглядъ на эту статью высказалъ Дружининъ, см. соч. т. VI, СПб. 1865, стр. 62 79, 91.

напр., такихъ сужденій, какъ «хитрость восходитъ на степень свѣтлаго, высокаго разума». Въ критикѣ Шевырева много неидущаго къ дѣлу [74])—это, можно сказать, одна изъ самыхъ слабыхъ журнальныхъ статей славнаго московскаго профессора.

Что же нашли въ переводѣ Жуковскаго ученые спеціалисты? Разобравъ детально почти каждый стихъ переведенной поэмы, они пришли къ тому заключенію, что Жуковскій не понялъ духа Гомеровой эпопеи, или, правильнѣе сказать, понялъ его по-своему, вслѣдствіе чего переводъ отличается невыдержанностью тона, написанъ тяжелымъ періодическимъ языкомъ, чуждымъ греческому оригиналу.

Переводъ Жуковскаго въ своемъ родѣ весьма оригинальное произведеніе, это—переводъ, взятый безъ отношенія къ подлиннику [75]) Трудъ Жуковскаго носитъ на себѣ яркій отпечатокъ современнаго литературнаго стиля и собственной, личной поэзіи переводчика [76]).

Въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстахъ поэмы переводной замѣтенъ характеръ романтическаго раздумья, совершенно чуждаго «Одиссеѣ». Такъ, сравнивая переводъ первыхъ 85 стиховъ VI ой пѣсни съ подлинникомъ, мы замѣчаемъ, что Жуковскій не просто опускалъ нѣкоторые эпитеты или ставилъ одни вмѣсто другихъ и прибавлялъ отъ себя слова, не противорѣчащія духу подлинника: онъ мѣстами придалъ особый, нѣсколько идеальный оттѣнокъ мысли и отчасти романтическую привлекательность образу, таковы, напр., въ

[74]) «Современникъ» 1850, № 3, т. XX, отд. III, стр. 4 сл.

[75]) «Отеч. Зап.» 1850, № 7, т. 71, отд. V, стр. 1; ср. «Отеч. Зап.» 1849, № 8, т. 65, отд. V, стр. 20.

[76]) «День» 1862 № 41, стр. 17; ср. «Молва» 1857, № 11.

означенномъ отрывкѣ выраженія: сердечная заботливость, тайная дѣвичья спальня, сладчайшее сіяніе Олимпа, несказанныя утѣхи боговъ [77]); или выраженія въ XI-ой пѣснѣ: бѣдный... на вѣкъ усыпляющій... сокрушенный... тяжко, глубоко вздохнулъ [78]).

Словомъ, Жуковскій былъ субъективный переводчикъ, сумѣвшій претворить переводимое имъ въ свою собственность и запечатлѣвшій переводы своею личностью [79]): онъ взялся за переводъ «Одиссеи» съ предвзятой мыслью о всепроникающей меланхоліи у Гомера [80]).

Переводъ отличается пышностью, идеализаціей, мѣстами отвлеченностью и крайней вычурностью выраженій (ср. напр. въ п. IX, ст. 169: говоръ волнъ)— чертами, чуждыми греческой «Одиссеѣ». Конечно, этихъ недостатковъ было бы меньше и даже, можетъ-быть, ихъ не было бы вовсе при непосредственномъ знакомствѣ переводчика съ текстомъ [81]).

---

[77]) «Несказанный»—любимое слово Жуковскаго. (Ср. Водовозовъ, стр. 52. Вообще при переводѣ «Одиссеи» Жуковскій обильно расточалъ эпитеты изъ того богатаго запаса, которымъ онъ располагалъ. До нѣкоторой степени было бы даже не безъ интересно прослѣдить, какъ много въ переводной «Одиссеѣ» такихъ эпитетовъ, которые встрѣчаются въ предшествующихъ сочиненіяхъ Жуковскаго, и какъ велико число таковыхъ прикрасъ, вновь составленныхъ спеціально для «Одиссеи».

[78]) См. п. XI, ст. 14, 51—52, 57—58, 171, 209, 387, 391, 489, 539, 563—564 Ср. еще романтическія мѣста: п. XXII, ст. 33 и 41; п. XXIV, ст. 36—74 См Загаринъ, прил. VI, стр. XXXVII и XXXIV; «Современникъ» 1850, т. XX, № 4, отд. III, стр. 40.

[79]) «Отеч. Зап.» 1849, № 8, т. 65, отд. V, стр. 21

[80]) См. Жуковскій, соч. т. IV, СПб. 1894, стр. 3. (Письмо къ гр. С. С. Уварову) и стр. 7. (Отрывокъ изъ письма къ И. В. Кирѣевскому); Водовозовъ, стр. 54 и Загаринъ, прил. VI, стр. XXXVI.

[81]) «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1850, № 8, ч. 67, отд. II, стр. 97.

Жуковскій внесъ въ «Одиссею» много морали, сентиментальности, даже нѣкоторыя почти христіанскія понятія, вовсе незнакомыя автору языческой поэмы [82]).

Что касается собственно языка, то языкъ перевода тяжелый [83]). Такъ, здѣсь мы встрѣчаемъ, во 1-хъ, искусственное и часто неправильное образованіе эпитетовъ въ родѣ, напр., слѣдующихъ: звонко-пространныя сѣни, мягкоупругое ложе, пурпурногрудый корабль, тучнополянистый городъ, привѣтнорѣчивая богиня, сердцеусладное пѣнье, многодарная земля, сладкоцвѣтущая трава, сладкотающій медъ, свѣтозарно-кудрявая Эосъ, свѣтлокудрявая Артемида, свѣтлобожественная риза (воды), звѣздно-безтучное небо, многотѣнная роща, дерзко-обидный поступокъ, притворно-обидная рѣчь, шумно-неистовый сонмъ, мѣдно-лапитный шеломъ, солнечно-свѣтлая Итака и др. [84]); во 2-хъ, искусственныя выраженія, каковы, напр.: учредить путь, длинно-острая мѣдь меча, зрѣлися лики златые отроковъ и т. п.; въ 3-хъ, церковно-славянскія слова, придающія простому разсказу чуждую ему торжественность [85]); въ 4-хъ, неологизмы въ родѣ, напр., такихъ, какъ: защитная кровля, оплождать, наелеить тѣло, добычникъ, былъ отсутственъ (XIII. 189), гостелюбецъ и большая часть своеобразныхъ эпитетовъ Жуковскаго, какъ-то: вкусно-обильный, длинно-огромный, обволнитель земли и т. д.; въ 5-хъ, неясность выраженій (ср. напр. II, 19 сл.), происшедшая отъ неправильнаго словорасположенія (ср. напр. VII,

[82]) «Отеч Зап.» 1849, № 8, т. 65, отд. V, стр. 26.

[83]) «Отеч Зап.» 1849, № 3, т. 63, отд. V, стр. 31; Водовозовъ, стр. 54; «День» 1862, № 41, стр. 17.

[84]) Ср. Загаринъ, прил. VI, стр. XXXIII.

[85]) Такъ, напр., скудель—любимое у Жуковскаго слово: ср. понеже, покуда и др.

241); въ 6-хъ, явная нелогичность выраженій, въ родѣ: мѣдь нетлѣнная (XIII, 368); въ 7-хъ, наконецъ, въ переводѣ мѣстами наблюдается тривіальность выраженій [86]), или, наоборотъ, поставлены такія слова и выраженія, которыя отзываются утонченностью нравовъ, этикетомъ [87]).

Въ области слога замѣчается совершенно излишняя періодическая связность, длинные, иногда запутанные періоды (ср. напр. II, 48 сл.), изобилующіе дѣепричастіями [88]), между тѣмъ какъ у Гомера вовсе нѣтъ «безконечно-длинныхъ періодовъ», о нахожденіи которыхъ въ переводѣ Жуковскаго извѣстилъ русскую публику Гоголь [89]): У Гомера каждый стихъ—законченная мысль.

Не вездѣ безукоризненна и самая форма стиха, такъ, попадаются гептаметры, т.-е. семистопные стихи [90]) и пентаметры—пятистопные стихи, напр., въ XII-ой пѣсни [91]).

Во многихъ мѣстахъ собственныя имена исковерканы до неузнаваемости [92]), а постоянныя выраженія Гомера переиначены [93]).

Къ числу существенныхъ недостатковъ «Одиссеи» Жуковскаго слѣдуетъ отнести и то обстоятельство, что

---

[86]) «День» 1862. № 41, стр. 17.

[87]) «Отеч. Зап.» 1850, № 7, т. 71, отд. V, стр. 2.

[88]) Водовозовъ, стр. 54.

[89]) «Отеч. Зап.» 1850, № 7, т. 71, отд. V, стр. 2 и 6. Ср. еще слѣд. мѣста, изобилующія періодами: п. XIX, ст. 325—345; ст. 370—385 и др.

[90]) Ibid. стр. 7; ср. п. XI, ст. 186; п. XII, ст. 430. См. «Современникъ» 1850, № 4, т. XX, отд. III, стр. 36; ср. п. II, ст. 33.

[91]) Соч. Жуковскаго т. IV, СПб. 1894, стр. 483.

[92]) «Отеч. Зап.» 1849, № 8, т. 65, отд. V, стр. 33.

[93]) «Современникъ» 1850, № 4, т. XX, отд. III, стр. 40.

переводъ его не снабженъ примѣчаніями [94]), вслѣдствіе чего читатель о многомъ, что касается греческой жизни, получаетъ превратное представленіе, такъ, напр., упоминаемый въ 81 ст. VI-й пѣсни «крѣпкозданный домъ царя Эрехѳеа» есть въ дѣйствительности храмъ Аѳины, а не «царскій дворецъ», какъ это можетъ вполнѣ естественно показаться съ перваго взгляда.

Указывая на упомянутыя недостатки перевода «Одиссеи», нѣкоторые критики однакоже старались оправдать Жуковскаго отъ многихъ нареканій, объясняя происхожденіе ошибокъ въ переводѣ тѣмъ, что профессоръ Грасгофъ, главный помощникъ Жуковскаго, будто бы переводилъ поэму не съ греческаго оригинала, а съ латинскаго перевода [95]), и многаго, какъ кажется, не объяснилъ переводчику [96]),—вотъ почему въ переводѣ Жуковскаго простыя нимфы, Цирцея и Калипсо, называются «богинями богинь»; по тому же самому получилось странное выраженіе: «безъ платы (=не отмщенные) погибнете» (I, 373).

Далѣе, у переводчика Одиссей, когда онъ, прицѣпившись къ брюху барана, выбирается изъ циклоповой пещеры, «размышляетъ въ то время о многомъ», или, подъѣзжая къ Итакѣ, видитъ всѣ огни (X, 30), между тѣмъ какъ въ первомъ случаѣ не такова была минута, чтобы можно было размышлять, а во второмъ— уже самый гористый видъ Итаки позволяетъ видѣть далеко не всѣ огни.

Въ одномъ мѣстѣ VI-й пѣсни (ст. 142) Одиссей

---

[94]) См. Водовозовъ, стр. 54; «Отеч. Зап.» 1849, № 8, т. 65, отд. V, стр. 20—1850, № 7, т. 71, отд. V, стр. 1.

[95]) Сенковскій, т. VII, стр. 362; «Отеч. Зап.» 1850, № 7, т. 71, отд. V, стр. 3 сл.

[96]) «Отеч. Зап.» 1849, № 8, т. 65, отд. V, стр. 23.

не знаетъ, «оба ль колѣна обнять у прекрасно-кудрявыя дѣвы»;—очевидно, здѣсь «оба ль» прибавлено совершенно напрасно, такъ какъ выходитъ, что Одиссей не зналъ, что приличнѣе, оба ль колѣна обнять у прекрасной дѣвы, или одно» [97]).

Что касается отсутствія въ переводѣ необходимыхъ примѣчаній, то это, добавимъ мы отъ себя, общій недостатокъ всѣхъ нашихъ переводчиковъ: Гнѣдичъ и Минскій не снабдили примѣчаніями перевода «Иліады», Шершеневичъ—перевода «Энеиды» [98]).

Предъявляя болѣе или менѣе опредѣленныя требованія къ переводу «Одиссеи», критики Жуковскаго не могли обойти молчаніемъ и вопроса: какъ надо переводить Гомера? «А разъ они рѣшили затронуть этотъ вопросъ, имъ слѣдовало дать образцы и своего, какъ бы сказать, идеальнаго перевода. И дѣйствительно, нѣкоторые изъ критиковъ сдѣлали то и другое, при чемъ, конечно, не могли не впасть и въ крайности.

Сенковскій писалъ, между прочимъ, вотъ что: Русскій буквальный переводъ долженъ несравненно чище нѣмецкаго напомнить физіономію греческаго подлинника [99]). Для достиженія такого буквальнаго перевода надлежитъ передавать всѣ до единой частицы, такъ какъ, по мнѣнію Сенковскаго, частицы—богатство и признакъ простонароднаго языка, искры его красноба йства, орудіе его живости, душа его выразительности; это—размашистые жесты черной рѣчи [100]). Весь

---

[97]) Ibid. стр. 26 сл

[98]) Ср. «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1869, № 8, ч. 144, отд. III, стр 80 и «Энеида Виргилія» Пер. Н. Квашнинъ-Самаринъ. СПб. 1893, предисловіе, стр. VI.

[99]) Соч. Сенковскаго т. VII, стр. 337.

[100]) Ibid. стр. 338.

тонъ и отличительный типъ «Одиссеи», писалъ Сенковскій, состоитъ не въ торжественности и благородствѣ, а въ развязной шутливости умнаго, смѣлаго, размашистаго просторѣчія [101]); самый характеръ поэмы существенно-шутливый, а не торжественный [102]). Надо было, пояснялъ Сенковскій, переводить всѣ собственныя имена и прозвища (эпитеты), такъ какъ въ нихъ вся сила Гомера, вся его прелесть и замысловатость [103]).

При такомъ взглядѣ на характеръ поэмы и ея переводъ нѣчего удивляться, если въ буквальной передачѣ Сенковскаго Полифемъ обратился въ Ярослава [104]), Гекторова жена изъ Андромахи стала «мужетузихой», т.-е. «женщиной, имѣвшей привычку тузить своего мужа» [105]); появились въ переводѣ и такіе эпитеты, какъ мѣткоцѣлъ Меркурій [106]), боемыслъ Одиссей [107]), обливной островъ [108]), тучевалъ Юпитеръ [109]) и т. д. Для тѣхъ, кто знакомъ съ подлинникомъ Гомера, эти эпитеты еще нѣсколько понятны, но для публики — они смѣшны, если не сказать больше, это «карикатурные обороты», которые Сенковскій, будто шутя, выставилъ на судъ публики [110]). Сенковскій, въ своей погонѣ за просторѣчіемъ, выражаясь словами автора одной анти-

---

[101]) Ibid. стр. 358.

[102]) Ibid. стр. 396

[103]) Ibid. стр. 427; ср. стр. 453

[104]) Ibid. стр. 431. Ср. Ярославъ и πολύ и φημί.

[105]) См. соч. Дружинина т. VI, стр. 97. Ср. Андромаха и ἀνήρ и μάχομαι.

[106]) Соч. Сенковскаго т. VII, стр. 400.

[107]) Ibid. стр. 402.

[108]) Ibid. стр. 403.

[109]) Ibid. стр. 404.

[110]) Соч. Дружинина, т. VI, стр. 62.

критики, зашелъ рѣшительно въ лѣсъ, изъ котораго и самъ подъ конецъ не зналъ, какъ выбраться [111]).

Слѣдуетъ однако замѣтить, что мысль о переводѣ Гомера простонароднымъ языкомъ и во времена Сенковскаго не была новостью. Еще Капнистъ въ своемъ письмѣ къ гр. С. С. Уварову писалъ, что переводъ Гомера долженъ походить своимъ тономъ и простотою изложенія на сказки и пѣсни народныя. Языкъ Сенковскаго, въ его образчикахъ перевода изъ «Одиссеи» на простую рѣчь, есть языкъ книжный, искусственный, дѣланный, а не подслушанный у народа. Хотя Сенковскій и былъ ученѣе Капниста, но коренной русскій языкъ онъ зналъ много меньше, чѣмъ творецъ «Ябеды» [112]).

Другой критикъ (Лавровскій П. А.), не затрогивая вопроса о передачѣ именъ боговъ, также требуетъ перевода всѣхъ частицъ Гомера, хотя и убѣжденъ, что «совершенный переводъ относительно частицъ есть идеалъ, никогда не достижимый». Чтобы болѣе приблизиться къ этому идеалу, надо переводить поэмы Гомера современнымъ народнымъ языкомъ, заимствуя слова въ особенности изъ памятниковъ нашей древней народной поэзіи, главнымъ же образомъ изъ сказокъ. «Переводъ произведеній Гомера только на языкъ чисто народный и при томъ преимущественно заимствованный изъ памятниковъ древней нашей поэзіи, можетъ ожидать себѣ въ возможной степени полнаго успѣха» [113]).

Такое мнѣніе о переводахъ Гомера было основано

---

[111]) «Отеч. Зап.» 1850, № 1, т. 68, отд. V, стр. 11.

[112]) Ibid. стр. 12.

[113]) «Отеч. Зап.» 1849, № 3, т. 63, отд. V, стр. 30 прим. и «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1849, № 7, ч. 63, отд. VI, стр. 90.

на томъ убѣжденіи, что поэмы Гомеровы были произведенія народныя: ихъ читали и ими восхищались всѣ греки безъ различія образованія, званія и возраста,—стало быть, и переводъ долженъ производить подобное же дѣйствіе: онъ долженъ быть доступенъ всѣмъ читателямъ безъ различія. Говоря иначе «Иліада» и «Одиссея», въ переводѣ на русскій языкъ, должны сдѣлаться народною книгою» [114]).

Третій критикъ—Ордынскій (1822—1861) настоятельно требуетъ перевода Гомера «простонароднымъ языкомъ и при томъ прозой, а не гекзаметромъ», такъ какъ «Гомеровъ гекзаметръ—это тѣло, русскій—скелетъ» [115]). Что касается частицъ, то ихъ, по мнѣнію этого критика, нельзя перевести [116]).

Въ своей критикѣ Ордынскій даетъ читателямъ и образецъ собственнаго перевода одного мѣста изъ «Одиссеи» (XIV, 462—506). Приводимъ этотъ оригинальный переводъ цѣликомъ.

«Послушай-ко, Эвмей и вы всѣ, братцы! Похвастаюсь, слово нѣкое скажу. Велитъ вино глупое, которое и многоразумнаго человѣка нудитъ пить, сладко улыбаться, плясать; и иное слово такое выпускаетъ, что лучше бы и не говорить. Ну, ужъ коли разинулъ ротъ, не скрою. Охъ, если бъ молодъ я былъ, да была бы у меня прежняя сила, какова была тогда, когда мы

---

[114]) Соч. Дружинина т. VI. стр. 80.

[115]) Ордынскій, профессоръ Московскаго университета, извѣстный знатокъ греческаго языка. См. «Отеч. Зап.» 1850, № 7, т. 71, отд V, стр. 8 сл.

[116]) Ibid. стр. 14 сл.

на засаду ходили подъ Трою! Напереди шелъ Одиссей и Анфеичъ Менелай: третьимъ вождемъ я былъ; сами мнѣ приказали. Вотъ мы и подошли къ городу и высокой стѣнѣ, запрятались въ кустахъ частыхъ, въ тростникѣ и болотѣ, прилегли тамъ съ оружіемъ. Поднялся Борей, наступила злая ночь, морозная. Снѣгъ, словно градъ, валилъ прехолодный; на щитахъ льду сколько намерзло! Ну, у другихъ у всѣхъ были хитоны и хлены, и они спали—себѣ преспокойно, покрывши плечи щитами. А я, дуракъ, уходя изъ лагеря, оставилъ хлену у товарищей: вовсе не думалъ, что озябну. Только и было на мнѣ, что щитъ, да поясъ. Прошло уже двѣ трети ночи, взошли звѣзды. Я и толкнулъ локтемъ Одиссея: онъ возлѣ лежалъ. Тотъ обернулся, я и говорю: «Діогенъ Лаертовичъ, многохитрый Одиссей! Не быть мнѣ въ живыхъ; доконаетъ меня холодъ. Хлены у меня нѣтъ: попуталъ нелегкій въ одномъ хитонѣ пойти: Пропаду теперь, да и только!» Такъ говорилъ я; а онъ придумай такую штуку: онъ былъ гораздъ и ратовать и придумать что. Шопотомъ говоря, сказалъ онъ мнѣ слово: «Молчи теперь: чтобы кто другой изъ ахеянъ тебя не услыхалъ». Сказалъ и подперъ голову локтемъ, и молвилъ рѣчь: «Слушайте, братцы! божественное видѣніе приходило ко мнѣ во снѣ... Далеко, весьма далеко зашли мы отъ кораблей... не возьмется ли кто повѣстить Агамемнону Атреичу, пастырю людей—прислалъ бы онъ съ кораблей сюда побольше народу». Такъ сказалъ. Затѣмъ поднялся Ѳоантъ, сынъ Андремона, и мигомъ побѣжалъ на корабли, а хлену пурпуровую скинулъ. А я подъ одеждой его славно пролежалъ. Засвѣтила златопрестольная заря. Кабы теперь былъ я молодъ, да была бы у меня прежняя сила—далъ бы кто-нибудь изъ пастуховъ въ сараѣ хлену, и по дружбѣ,

и изъ уваженія къ хорошему человѣку. А теперь не уважутъ: плохая, вишь, одёжа на тѣлѣ» [117]).

Ордынскій много трудился надъ своимъ переводомъ «Иліады» простонароднымъ языкомъ, напечаталъ 12 первыхъ пѣсней этой поэмы, но довести до конца перевода всей «Иліады» ему не удалось, или правильнѣе сказать, не захотѣлось: на него посыпались упреки въ непониманіи имъ термина «народность» и въ смѣшеніи понятій о народности, принадлежащихъ двумъ разнообразнымъ эпохамъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, хотя бы въ только что приведенномъ отрывкѣ, какъ-то странно съ точки зрѣнія народности переплетены между собой такія понятія, какъ: хитонъ, хлена, дуракъ, попуталъ нелегкій. Простой народъ не употребитъ «хитона» и «хлены», а литературно-образованный человѣкъ постарается избѣжать употребленія бранныхъ словъ, въ родѣ: дуракъ, попуталъ нелегкій.

Вотъ какой взглядъ, между прочимъ, высказали по этому поводу Дружининъ и Катковъ. Первый писалъ: Гомеръ былъ простолюдинъ, но онъ былъ грекъ; пѣвецъ «Слова о полку Игоревѣ» былъ русскій человѣкъ и оба они жили въ разномъ климатѣ, въ разное время, и между народомъ, развитымъ совершенно различно одинъ отъ другаго [118]). Катковъ со свойственной ему откровенностью высказался еще рѣшительнѣе, еще смѣлѣе: «Ужъ лучше», писалъ Катковъ: «покажите намъ Гомера въ какомъ-нибудь неопредѣленномъ костюмѣ, нежели въ кафтанѣ удалого русскаго ямщика: пусть ужъ лучше старый рапсодъ будетъ представляться намъ не

---

[117]) Ibid. стр. 30—31; ср. «Отеч. Зап.» 1849, № 8, т. 65, отд. V, стр. 12 сл.

[118]) Соч. Дружинина т. VI, стр. 63.

ясно, въ туманѣ, чѣмъ жалкимъ образомъ кривляться передъ нами и корчить нашего пріятеля казака Киршу Данилова» [119]). Оба эти взгляда вполнѣ справедливы.

Каковъ же долженъ быть языкъ Гомерова перевода, спросимъ мы опять. Отвѣтъ на этотъ вопросъ намъ даетъ тотъ же Катковъ.

При переводѣ Гомера можно допускать славянскія реченія и вотъ почему. Гомеровскія пѣсни должны были во многомъ имѣть для грека образованной эпохи характеръ архаическій, старинный, отчасти именно такой, какой имѣетъ для насъ языкъ славянскій. Эпическій языкъ, въ самой простотѣ своей, былъ у грековъ запечатлѣнъ значеніемъ священнаго, какъ у насъ славянскій. Богатою сокровищницею славянскаго языка переводчику слѣдуетъ пользоваться особенно, черпая изъ него характеристическія красоты.

Для языка самого перевода цѣлесообразно изучить старинные, собственно русскіе памятники нашей письменности, грамоты, лѣтописи, юридическіе акты, а не пѣсни, въ которыхъ языкъ простонародный [120]).

Переводъ не долженъ быть простонароднымъ: въ переводѣ должно употреблять свѣжее, обновленное и сильное слово, для чего надо прислушиваться къ живой народной рѣчи: мѣткое слово, схваченное изъ живого говора, хотя бы ни разу и не было въ книжномъ употребленіи, будетъ умѣстно въ художественномъ языкѣ [121]).

Въ наше время о переводѣ Гомера высказалъ оригинальный взглядъ Янчевецкій, издатель журнала: «Гимназія», и переводчикъ Гомеровыхъ поэмъ. Еще Дестунисъ

[119]) Катковъ (см. прим. 60), стр. 554.
[120]) Ibid. стр. 561.
[121]) Ibid. стр. 562.

писалъ: «Сколько затрудненій встрѣчаетъ тотъ, кто переводитъ стихами! У него передъ глазами данная мысль, облеченная въ данныя слова, даннаго размѣра стихъ, и еще данное, или лучше, внушенное самою музой требованіе стиха стройнаго, прекраснаго, стиха гармоническаго!» [122]). И въ самомъ дѣлѣ, при переводѣ гекзаметра представляется непреодолимая трудность, такъ какъ «форму, основанную на звукахъ, приходится отливать въ форму, основанную на содержаніи»; выражаясь иначе—греческое или латинское одно слово приходится замѣщать двумя, даже тремя словами.

Просмотрѣвъ стихъ за стихомъ всю «Иліаду» и всю «Одиссею», Янчевецкій сдѣлалъ подсчетъ отдѣльныхъ понятій, заключающихся въ каждой гекзаметрической строкѣ. Изъ этого подсчета выяснилось, что громадное большинство гомеровыхъ стиховъ заключаетъ по четыре понятія, необходимыя для перевода, а остальное—нарѣчія и союзы. Такимъ образомъ, переводя гекзаметромъ, приходится постоянно вставлять лишнія слова, да и гекзаметръ самъ по себѣ довольно длинный и потому тяжелый стихъ.

Наиболѣе употребительной поэтической формой для передачи героическаго содержанія былъ бы, по мнѣнію Янчевецкаго, четырехстопный съ трехстопнымъ амфибрахій, какимъ, напр., написана Пушкинымъ «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ», или Лермонтовымъ—«Воздушный корабль» [123]).

[122]) «Журн. Мин. Нар Просв.» 1850, № 8, ч. 67, отд. II, стр. 83.

[123]) Г. Янчевецкій, какъ переводить Гомера. Изъ предисловія къ переводу «Иліады» и «Одиссеи» Гомера. Съ приложеніемъ образцовъ новаго перевода: «Одиссея» XXIV—«Иліада» II, 1—483. «Гимназія» 1899, CXXI, в. I, стр. III.

Въ этомъ взглядѣ Янчевецкаго есть своя и притомъ значительная доля правды.

Для образца приведемъ три мѣста изъ переведенной Янчевецкимъ XXIV-ой пѣсни «Одиссеи»

1) *Рѣчь Нестора* (ст. 54—66):

«Постойте, ахеевъ сыны! Не бѣгите, аргеи! То мать и ея всѣ безсмертныя сестры морскія изъ моря идутъ, чтобы сына умершаго встрѣтить. Сказалъ; и сдержали свой страхъ крѣпкодушны ахеи; и дочери старца морского тебя окружили съ рыданіемъ горькимъ, одѣли въ безсмертныя платья, и музы, всѣ девять, чредой пѣли скорбныя пѣсни на голосъ прекрасный. Безъ слезъ никого не нашелъ бы ты тамъ: столь прискорбные звуки тогда раздавались! И вотъ мы семнадцать такъ дней и ночей надъ тобою рыдали, безсмертные боги и смертные люди; а въ день восемнадцатый, множество тучныхъ убивши овецъ вкругъ тебя и округлыхъ быковъ, сожигали».

2) *Похвала Пенелопѣ* (ст. 191—202):

«Душа Агамемнона такъ Америмеду сказала: «Счастливецъ, Лаертовъ ты сынъ, Одиссей многохитрый! Супругу имѣешь ты, истинно, качествъ великихъ. О, какъ хороша была вѣрность въ душѣ Пенелопы, Икарія дочери! Какъ она помнила мужа всегда, Одиссея супруга! Зато ея слава во всѣхъ не погибнетъ, а смертнымъ безсмертные будутъ прекрасными пѣснями вѣрную пѣть Пенелопу. Не то Тиндареева дочь: та замыслила злое дѣянье: супруга убила! И страшная пѣсня по людямъ пойдетъ; она послухъ тяжелый на женщинъ накинула слабыхъ, слывущихъ и доброю славой»

3) *Встрѣча Одиссея съ Лаертомъ* (ст. 232—255):

«Увидя его, угнетеннаго старостью, въ сердцѣ носящаго тяжкую скорбь, Одиссей многострадный, вели-

кій, подъ грушей высокою сталъ и заплакалъ. И въ сердцѣ своемъ, и въ душѣ размышлялъ онъ: припасть ли, обнять ли родителя, все разсказать, что онъ здѣсь есть, вернулся и прибылъ на родину милую въ домъ свой, или же сперва разспросить обо всемъ и развѣдать. И въ думахъ такихъ показалось ему, что сначала пригоднѣе бо̀лѣзной рѣчью его поизвѣдать.

Въ такихъ помышленьяхъ пошелъ Одиссей къ нему прямо. Тотъ чистилъ все дерево, голову внизъ опустивши, а сынъ его славный, приблизившись, молвилъ такое: «Старикъ! Пониманья за садомъ ходить ты довольно имѣешь: уходъ твой хорошій, какъ видно, повсюду. Все здѣсь: виноградъ и маслина, и смоквы, и груши, и зелень, и грядки, —весь садъ подъ уходомъ хорошимъ; но я и другое скажу: только ты не гнѣвися: тебѣ-то ухода хорошаго нѣтъ, а ты старость несешь, въ непригожее платье одѣтъ, безпризоренъ. И вѣрно, хозяинъ не цѣнитъ тебя не за лѣность; да ты и слугой не глядишь: на тебя посмотрѣвши, на ростъ и лицо, я сказалъ бы, что царь ты какой-то. Такому, какъ ты, подобаетъ помыться, покушать да послѣ на мягкомъ покоиться почестью старцевъ».

Отзывы объ «Одиссеѣ» Жуковскаго не переставали появляться въ печати и много лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ самого перевода. Дальнѣйшее изложеніе имѣетъ своимъ предметомъ сообщеніе краткаго содержанія этихъ отзывовъ.

III.

Какъ цѣнили переводъ «Одиссеи» Жуковскаго послѣдующіе критики.

Изъ сужденій, высказанныхъ о переводѣ «Одиссеи» въ послѣдующее время, особенною рѣзкостью отличаются мнѣнія проф. Буслаева и гр. Льва Толстого. Буслаевъ пишетъ: «Задумавъ дать русской публикѣ въ переводѣ одно изъ самыхъ благоуханныхъ произведеній греческой народной поэзіи, Жуковскій съ такимъ презрѣніемъ отнесся къ классическому обученію на Руси, что не вмѣнилъ себѣ въ обязанность выучиться по-гречески и не призналъ необходимымъ изъ самаго подлинника почерпать свое вдохновеніе... Его «Одиссея» оказалась чужда античной жизни и вылилась въ изношенномъ слогѣ «Сѣверной Пчелы» временъ Булгарина и Греча [124]).

Слѣдовательно, по мнѣнію Буслаева, недостатками перевода Жуковскаго служатъ: во 1-хъ, незнаніе переводчикомъ языка подлинника, отчего его переводъ оказался чуждымъ эллинскаго духа, и, во 2-хъ, особенный слогъ перевода, далеко не заслуживающій похвалы.

Хотя это рѣзкое сужденіе и было высказано мимоходомъ, не въ спеціально критической статьѣ объ «Одиссеѣ», а въ научномъ изслѣдованіи, все же оно не ускользнуло отъ вниманія читающей публики и, безъ сомнѣнія, вызвало цѣлую бурю негодованій. Другъ Жуковскаго, докторъ Зейдлицъ, написалъ по поводу отзыва Буслае-

---

[124]) Ср. «Русскій богатырскій эпосъ» «Русскій Вѣстникъ» 1862, № 3, стр. 11.

на статью въ газетѣ: «День» [125]). Въ своей статьѣ Зейдлицъ пишетъ, что Жуковскій зналъ греческій языкъ, и русскіе обязаны защитить переводъ Жуковскаго, чтобы потомство ихъ не отнеслось со временемъ съ презрѣніемъ къ нынѣшнимъ литературнымъ или критическимъ прогрессистамъ на Руси. О смѣлой выходкѣ Буслаева Зейдлицъ говоритъ: «Такое храброе поруганіе чистой, свѣтлой памяти поэта, мастерски владѣвшаго русскимъ литературнымъ языкомъ, напоминаетъ время, когда вообще дерзость рѣчи, неуваженіе къ добросовѣстнымъ литературнымъ дѣятелямъ прежней эпохи вмѣнялись въ достоинство и были въ большой модѣ; мы думали, что время прошло, но г. Буслаевъ доказываетъ противное».

Такимъ образомъ, рѣзкій взглядъ Буслаева открываетъ намъ неприглядную, но поучительную картину изъ исторіи нашей критики: русскій профессоръ позволилъ себѣ незаслуженную издѣвку по отношенію къ великому русскому поэту, за котораго заступился его другъ—нѣмецъ. Гр. Л. Толстой писалъ еще болѣе рѣзко.

Гомеръ только изгаженъ нашими, взятыми съ нѣмецкаго образца, переводами. Пошлое, но невольное сравненіе: отварная и дистиллированная вода и вода изъ ключа, ломящаго зубы, съ блескомъ и солнцемъ и даже соринками, отъ которыхъ онъ еще чище и свѣжѣе. Всѣ эти Фоссы и Жуковскіе поютъ какимъ-то медово-паточнымъ, горловымъ и подлизывающимъ голосомъ» [126]).

---

[125]) 1862. № 41, стр. 16—18: «Г. Буслаевъ: «Одиссея, въ переводѣ Жуковскаго». См. особенно стр. 17.

[126]) А. Фетъ: «Мои воспоминанія», М. 1890, стр. 225.—«Гимназія» 1897, CXIII, вып. 5.

Мнѣніе гр. Л. Толстого, высказанное также вскользь, такъ сказать, между прочимъ, осталось незамѣченнымъ въ общей литературѣ критическихъ взглядовъ на «Одиссею» Жуковскаго, да если бы этотъ взглядъ и замѣтили, на него не обратили бы никакого вниманія, такъ какъ для всякаго ясно, что въ этомъ случаѣ мнѣніе нашего философа-писателя не имѣетъ особенной цѣны: онъ взялся не за свое дѣло, какъ раньше Гоголь [127]). Тотъ и другой—оба великіе писатели смотрѣли на переводъ Жуковскаго ошибочно, хотя и съ разныхъ точекъ зрѣнія,—только у Гоголя, сдается намъ, было гораздо больше, такъ сказать, инстинктивнаго пониманія античной жизни.

Много правильнѣе смотрѣлъ на переводъ Жуковскаго Загаринъ, который выражается такъ: «нужды нѣтъ, что Гомера Жуковскій передалъ не такъ, какъ бы слѣдовало передать его; все же донынѣ по-русски никто не передалъ его лучше» [128]). Трудъ Жуковскаго капитальный, и его переводъ Одиссеи остается до сихъ поръ лучшимъ русскимъ переводомъ. Правда, въ переводѣ Жуковскаго духъ поэмы пострадалъ: въ немъ не видно простой и наивной рѣчи Гомера, имѣвшей характеристичнымъ своимъ выразителемъ обиліе словъ [129]); всюду видны затѣйливые эпитеты и пріемы, обычные для поэта-романтика. Религіозное и меланхолическое настроеніе Жуковскаго нашло себѣ пищу въ источникѣ Гомера [130]): переводъ имѣетъ лирическую окраску и лишенъ простодушія и наивности, столь характерныхъ въ эпопеяхъ Гомера.

[127]) См прим. 89

[128]) Стр. 531 (см прим 3).

[129]) Ibid. прил. VI, стр. XXXII.

[130]) Ibid. стр. XXXIV и XXXVI.

Переходя къ послѣднему отдѣлу нашего изложенія, мы должны будемъ сказать о томъ значеніи перевода «Одиссеи» Жуковскаго, какое онъ имѣетъ съ точки зрѣнія собственно нашего времени.

IV.

„Одиссея" въ переводѣ Жуковскаго съ современной точки зрѣнія.

Если принять во вниманіе двадцатилѣтній промежутокъ времени, протекшій между появленіемъ въ свѣтъ «Иліады» Гнѣдича и «Одиссеи» Жуковскаго, и разницу въ языкѣ этихъ переводовъ, то намъ станетъ ясно, какъ много работалъ Жуковскій надъ своимъ трудомъ. Вотъ что говоритъ самъ переводчикъ о своей работѣ: «Могу похвастать, что этотъ совѣстливый, долговременный и тяжелый трудъ совершенъ былъ съ полнымъ самоотверженіемъ, чисто для одной прелести труда». Поэту хотѣлось отдохнуть посреди свѣтлыхъ видѣній первобытнаго міра [131]). «Я пожилъ со святою поэзіей сердцемъ, мыслію и словомъ—этого весьма довольно», писалъ поэтъ П. В. Нащокину [132]); и дѣйствительно, Жуковскій, несмотря на свои уже старые годы, съ наслажденіемъ, свойственнымъ юношѣ, занимался переводомъ Гомера [133]).

Говоря короче, Жуковскій сдѣлалъ все, что отъ него зависѣло. Семейныя невзгоды и собственная ста-

---

[131]) Загаринъ, стр. 535.

[132]) Ibid прил. V, стр. XXVIII.

[133]) Ibid прил VI, стр XXXIV.

рость и болѣзнь, быть-можетъ, помѣшали ему изучить греческій языкъ такъ, какъ это слѣдовало бы для перевода Гомера [134]); но онъ и въ этомъ случаѣ, насколько могъ, не хотѣлъ допускать невольныхъ ошибокъ: кромѣ печатныхъ переводовъ, онъ избралъ себѣ еще живого толкователя въ лицѣ нѣмецкаго профессора Грасгофа.

Конечно, можно бы желать большей простоты для совершеннаго приближенія къ колориту эллинской жизни и языка,—желать полной точности въ возсозданіи всѣхъ выпуклостей и впадинъ, всей физіономіи этого чуднаго словеснаго изваянія, которое зовется греческимъ эпосомъ. Но совершенства можно только желать: за наслажденіе же, которымъ пользуемся, читая переводъ, до нѣкоторой степени «близкій къ совершенству», мы должны благодарить того, кому этимъ наслажденіемъ обязаны [135]).

Разумѣется не вездѣ, но во многихъ случаяхъ поэтъ постигъ прелесть первобытной простоты Гомера; для примѣра достаточно назвать переводъ того мѣста изъ VI-ой пѣсни, гдѣ богиня Аѳина ведетъ бесѣду съ царевной Навзикаей (ст. 25—40), начиная ее словами:

«Видно, тебя беззаботною мать родила, Навзикая!»

Или разсказъ изъ той же пѣсни «Одиссеи», гдѣ Навзикая проситъ у отца повозки; свою просьбу царевна начинаетъ такими наивными словами:

«Милый, вели колесницу большую на быстрыхъ колесахъ
Дать мнѣ» [136]).

Дестунисъ нашелъ нѣсколько превосходно переве-

---

[134]) «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1850, № 8, ч. 67, отд. II, стр. 88 сл.

[135]) Ibid. стр. 96 сл.

[136]) Водововъ, стр. 52.

денныхъ мѣстъ въ XIX-ой пѣснѣ [137]), Шевыревъ особенно восторгался V-ой пѣснью перевода [138]); К. С. Аксакову нравилась вся вторая половина (п. XIII—XXIV) «Одиссеи» Жуковскаго [139]).

Даже самые строгіе критики находили въ переводѣ Жуковскаго превосходно переданныя мѣста, а весь переводъ въ цѣломъ считали наиболѣе приближающимся къ идеальному [140]). Значитъ, переводчикъ не только самъ наслаждался первобытною поэзіей Гомера, но и доставилъ наслажденіе другимъ. Преслѣдуя сначала чисто эгоистическія цѣли—желаніе «потѣшить самого себя поэтическою болтовнею» [141]), Жуковскій незамѣтно превратился въ альтруиста: услаждая самого себя, онъ услаждалъ многихъ своихъ современниковъ и завѣщалъ эту усладу потомству.

Заключеніе.

Если въ настоящее время трудъ Жуковскаго болѣе или менѣе удовлетворяетъ просвѣщенныхъ любителей словесности, людей, много читавшихъ и читающихъ, то трудъ этотъ становится уже весьма цѣннымъ; большинство читателей должно само уже возвыпаться до способности понимать его [142]).

Какъ бы то ни было, но переводъ Жуковскаго нѣсколько развилъ въ Россіи пониманіе Гомера, въ чемъ

---

[137]) «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1850, № 8, ч. 67, отд. II, стр. 87.
[138]) «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1849, № 7, ч. 63, отд. VI, стр. 89.
[139]) «День» 1862, № 41, стр. 17.
[140]) «Отеч. Зап.» 1849, № 3, т. 63, отд. V, стр. 25 сл.
[141]) Соч. Жуковскаго т. IV, СПб. 1894, стр. 1.
[142]) Дружининъ т. VI, стр. 81.

нѣтъ никакого сомнѣнія, и возбудилъ въ извѣстной степени любовь къ нему и къ греческой литературѣ вообще. Появленіе этого перевода было важнымъ моментомъ въ исторіи русскаго образованія: вслѣдъ за переводомъ Жуковскаго появился цѣлый рядъ переложеній «Одиссеи» для дѣтскаго чтенія [143]).

Надо знать, что Жуковскій перевелъ «Одиссею», какъ человѣкъ, глубоко проникнутый ея поэтическою стороною; его переводъ во всякомъ случаѣ назначенъ не для тѣхъ, кто изучаетъ древность, а для тѣхъ, кто хочетъ послушать Гомера на родномъ языкѣ [144]).

Совершеннаго перевода Гомера мы никогда не дождемся. «Пока изучаются греческія произведенія, и читаются безсмертныя поэмы Гомера, безконечное число рукъ (т.-е. переводчиковъ) повторятъ все тотъ же вѣчно привлекательный, но никогда вполнѣ не удовлетворяющій опытъ» [145]).

Со стороны Жуковскаго была сдѣлана смѣлая попытка пересадить поэзію Гомера на родную почву, и въ этой попыткѣ замѣтно, въ сравненіи съ Гнѣдичемъ, значительное движеніе впередъ. Жуковскій вступилъ съ Гомеромъ въ неравный бой, но все же, выражаясь восторженными словами П. А. Вяземскаго [146]), произнесенными на торжествѣ пятидесятилѣтія литературной дѣятельности Жуковскаго

... «древній міръ картинъ и сладкозвучій
Имъ обновленъ младою красотой».

П. Черняевъ.

---

[143]) Ср «Журн. Мин. Нар. Просв » 1850, № 1 ч. 66, отд. VI, стр. 69.

[144]) «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1850, № 8, ч. 67, отд. II, стр. 62 сл.

[145]) Загаринъ, прил. VI, стр. XXX.

[146]) «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1849, № 7. ч 53, отд. VI, стр. 101.

Къ вопросу о значеніи литературной дѣятельности Гоголя († 21 февр. 1852 г.), Жуковскаго († 12 апр. 1852 г.) и Никитина († 16 окт. 1861 г.) для русской литературы и развитія самосознанія русскаго общества *).

ВСТУПЛЕНІЕ.

«Русь, куда жъ несешься ты? дай отвѣтъ».

«Мертв. души» — *Гоголя.*

Русь! Русь!.. Бѣдно, разбросанно и непріютно въ тебѣ; не развеселятъ, не испугаютъ взоровъ дерзкія дива природы, вѣнчанныя дерзкими дивами искусства... Открыто-пустынно и ровно въ тебѣ... ничто не обольститъ и не очаруетъ взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечетъ къ тебѣ? Почему слышится и раздается немолчно въ устахъ твоя тоскливая, несущаяся по всей длинѣ и ширинѣ твоей, отъ моря до моря,

*) Рѣчь, читанная въ Маріинской Воронежской женской гимназіи 21 февраля 1902 г. на литературно-вокальномъ утрѣ, посвященномъ памяти Н. В. Гоголя.

Программа утра.

1) Рѣчь о значеніи литературной дѣятельности Н. В. Гоголя, В. А. Жуковскаго и И. С. Никитина прочтетъ *С. П. Прядкинъ.*
2) «Гимнъ Н. В. Гоголю» — муз. Главача исполн. *хоръ ученицъ.*
3) «Сладость молитвы» — стих. И. С. Никитина произнесетъ уч. VI кл. *Слѣпнева.*
4) Монологъ Жанны д'Аркъ изъ «Орлеанской дѣвы» — пер. В. А. Жуковскаго — уч. VI кл. *Бурьянъ.*
5) Сцену изъ I дѣйствія ком.: «Ревизоръ» — Н. В. Гоголя исполнятъ уч. VI кл. — *Ипатова, Лукина, Никольская.*

пѣсня? Что въ ней, въ этой пѣснѣ?»... такимъ наше родное отечество представлялось въ сороковыхъ годахъ прошедшаго столѣтія нашему геніальнѣйшему писателю-учителю, Н. В. Гоголю, горячо и глубоко любившему родную Русь. Какою же была эта Русь лѣтъ на полтораста-двѣсти раньше, до появленія этихъ безсмертныхъ строкъ Гоголя? какими путями она шла къ свѣту?—Чтобы понять это состояніе Россіи, указать, что сдѣлалъ онъ для нея, а также Жуковскій и Никитинъ; какое мѣсто каждый изъ нихъ занимаетъ въ ряду нашихъ великихъ, я позволяю себѣ бросить бѣглый взглядъ на прошедшее Россіи, очертить «земли родной минувшую судьбу», но не политическую, а умственный и нравственный ростъ—ея по тѣмъ даннымъ, какія имѣются въ литературныхъ памятникахъ.

---

6) Тройка—отрывокъ изъ «Мертвыхъ душъ»—Н. В. Гоголя произнесетъ уч. VI кл. *А. Петрова.*
7) «Гимнъ просвѣщенію»—муз. Брянскаго *исп. хоръ ученицъ.*
8) «Теонъ и Эсхинъ»—элегію В. А. Жуковскаго—произнесетъ ученица VI класса *Свѣшникова.*
9) Смерть Арины—отрывокъ изъ поэмы: «Кулакъ»—И. С. Никитина произнесетъ уч. VI кл. *Боровикова.*
10) Эпилогъ изъ поэмы: «Кулакъ»—И. С. Никитина произнесетъ уч. VI кл. *Зорина.*
11) Пятое дѣйствіе «Ревизора»—Н. В. Гоголя исполнятъ ученицы VI класса—*Ипатова, Бурьянъ и друг.*
12) Русь—отрывокъ изъ «Мертвыхъ душъ»—Н. В. Гоголя произнесетъ ученица VI кл. *Чеховичъ-Ляховицкая.*
13) «Боже, Царя храни»—муз. Львова *исп. хоръ ученицъ.*

Цѣлью рѣчи было уяснить значеніе названныхъ выше поэтовъ въ рус. литер. и жизни. Разучиваніе стихотвореній и отрывковъ начато было еще въ концѣ 1901 года, до полученія предписанія почтить память Гоголя и Жуковскаго, незадолго до 21-го февраля. Вотъ почему рѣчь построена авторомъ такъ, чтобы напомнить учащимся о значеніи жизни и дѣятельности трехъ названныхъ писателей въ связи съ дѣятельностью другихъ русскихъ писателей. *Авторъ.*

I.

До-Петровская Русь имѣла образъ человѣка, который изнемогалъ отъ разныхъ недуговъ; но—человѣка, не безнадежно больного. Этотъ человѣкъ имѣлъ отъ природы могучій организмъ, способный преодолѣть болѣзнь; но ему, этому организму, необходима была помощь. Въ самомъ дѣлѣ, печально, тяжело было нашей родинѣ вслѣдствіе разныхъ внутреннихъ нестроеній. Главнѣйшими причинами этого нестроенія были—невѣжество, за немногими исключеніями, во всѣхъ сословіяхъ, косность въ силу установившихся привычекъ, обычаевъ, и горе было тому, кто рѣшался указать на язвы государственныя, общественныя, семейныя. Предки наши инстинктивно чувствовали, что что-то неладное творится на Руси, но были равнодушны къ этому. Да и кому было все взвѣсить, сообразить, указать истинный путь жизни!? Духовенство, бѣлое и черное, было само невѣжественно: новгородскій архіепископъ Геннадій съ горечью въ сердцѣ заявлялъ главѣ нашей церкви, что некого поставить въ священники, потому что трудно было найти грамотныхъ людей; князья и бояре, даже окружавшіе царскій престолъ, въ большинствѣ были не грамотны, преслѣдовали свои личные интересы, думали только о своей родовитости, были грубы, жестоки и жестоки даже въ отношеніяхъ своихъ, къ своей же семьѣ. Объ этомъ мы находимъ свидѣтельство въ «Домостроѣ». Авторъ этой книги—энциклопедіи своего времени, давая совѣтъ, какъ владыка дома долженъ наказывать членовъ семьи и «домочадцевъ», говоритъ: «А про всякую вину по уху не бить и по лицу не бить, ни кула-

ком ъ подъ сердце, ни пинкомъ, ни посохомъ не колоть... Кто отъ сердца или съ кручины такъ бьетъ, многія притчи отъ того бываютъ: слѣпота и глухота, и руку иному вывихнетъ, и головная боль, и зубная болѣзнь»...

Яркую картину жизни до-Петровской Руси мы имѣемъ въ слѣдующихъ строкахъ *): «Бѣдность и односторонность литературы, вращавшейся почти исключительно въ кругу религіозно-церковныхъ интересовъ; тугое развитіе книгопечатанія, появившагося у насъ только чрезъ сто лѣтъ послѣ его изобрѣтенія на Западѣ; общая отсталость въ искусствахъ техническихъ и изящныхъ, недостатокъ школъ и научныхъ пособій; круглое невѣжество низшаго духовенства, церковный расколъ, какъ плодъ этого невѣжества; слабое распространеніе грамотности даже среди высшихъ сословій, мелочность ихъ интересовъ, вращавшихся на кормленіи да на мѣстническихъ счетахъ; множество дикихъ предразсудковъ, опутавшихъ всѣ классы общества; бѣдность жизненной обстановки, полуазіатскіе обычаи, безобразные пиры съ несчетными блюдами, съ бражничаньемъ и дракой между людьми первыхъ чиновъ государства—вотъ тѣ слишкомъ извѣстныя черты, изъ которыхъ складывается печальный образъ до-Петровской Руси». Слѣдовательно, необходимъ былъ геній, который могъ бы все видѣть, познать болѣзнь и указать средства для исцѣленія больного, и на Руси народился такой человѣкъ—богатырь, съ орлинымъ зрѣніемъ, великій нашъ Преобразователь, первый нашъ императоръ; но преждевременная смерть его не дала ему возможности привести въ исполненіе

*) Петровъ. «Коренной источникъ и смыслъ Петровской реформы». «Историч. хрест.»—Покровскаго.

все, что онъ задумалъ. Онъ главнымъ образомъ двинулъ Русь въ политическомъ отношеніи, въ другихъ же—или указалъ, что сдѣлать и какъ сдѣлать; или только намѣтилъ, набросалъ планъ; Русь при своей привычкѣ къ косности, по смерти великаго государя, очутилась въ тяжеломъ положеніи; она хорошо не сознавала, какимъ ей итти путемъ къ свѣту.

II.

Русь, по смерти Петра Великаго, въ отношеніяхъ умственномъ и нравственномъ очутилась въ положеніи людей, ищущихъ новыхъ мѣстъ для поселеній,—людей, у которыхъ не стало вожака,—людей въ безпредѣльномъ пространствѣ, надъ которымъ нависъ густой мракъ,—въ пространствѣ, по которому много дорогъ, а они не знаютъ, по какой итти. Но вотъ среди этой народной массы находятся лица, у которыхъ что-то копошится въ головѣ: начинаютъ они соображать, вглядываются въ небесный сводъ и, какъ болѣе другихъ надѣленныя смысломъ, обладающія способностью проницательности, видятъ свѣтящіяся точки на небесномъ сводѣ и по нимъ стараются угадать направленіе пути, по которому должно итти. Но не всѣ они, эти лица, въ одинаковой степени обладаютъ орлинымъ зрѣніемъ, почему нѣкоторыя изъ нихъ, объятыя среди невѣдомаго пространства мракомъ и страхомъ, направляются къ мнимо свѣтящимся точкамъ, другія остановились въ раздумьи, третьи медленно, но стойко пошли по направленію къ этимъ свѣтящимся точкамъ, но не мнимымъ, а истиннымъ. Таковыми неопытными вожаками по пути къ умственному и нрав-

ственному самосовершенствованію, отдававшими предпочтеніе одни одному, другіе другому направленію были въ нашей литературѣ писатели XVIII вѣка. Кто изъ нихъ не отказывался отъ родного, національнаго, тотъ шелъ по направленію къ настоящей свѣтящейся точкѣ среди мрака. Видя несоотвѣтствіе дѣйствительной жизни, идеалу національному, идеалу человѣчества, послѣдніе, съ одной стороны, подчинялись иноземному вліянію, съ другой, и искали своихъ путей къ свѣту. Къ такимъ писателямъ принадлежалъ, напр.: Державинъ, внесшій свѣтлое, родное начало въ русскую литературу, а также и безсмертный нашъ драматургъ-сатирикъ Фонвизинъ, въ своихъ комедіяхъ и сатирическихъ статьяхъ обличавшій общественные недуги современнаго ему общества. Но богатыря въ области литературы, подобнаго богатырю въ области политической, какъ Петру Великому, — въ области науки—какъ Ломоносову, на Руси еще не было. Карамзинъ, европейски образованный человѣкъ, понимавшій глубину, силу творчества Шекспира, не могъ постигнуть, что сентиментализмъ—ложное направленіе; Батюшковъ или создавалъ эротическія пѣсни, воспѣвавшія мутныя наслажденія въ жизни; или элегическія, въ которыхъ отражалъ свои болѣзненныя проявленія души (классическихъ его созданій общество или не понимало, или мало понимало, во всякомъ случаѣ не зачитывалось ими) *). Прекрасно понимали свое назначеніе, назначеніе художниковъ-поэтовъ—Крыловъ и Грибоѣдовъ: но баснями Крылова больше увлекались, какъ очаровательными фантастическими разсказами, а не тою моралью, которая заключалась въ нихъ; безсмертная же комедія Грибоѣдова: «Горе отъ ума», могла появиться въ печати только въ 30-хъ годахъ XIX ст.

---

*) См. «Критико-Біограф. словарь» — С. А. Венгерова.

III.

Почетное мѣсто въ ряду нашихъ писателей занимаетъ В. А. Жуковскій (р. 29/I 1783 г. † 12/IV 1852 г.), пятидесятилѣтіе со дня смерти котораго исполнится въ текущемъ году, 12 апрѣля.

По содержанію поэзіи своей онъ не примкнулъ ни къ предшественникамъ своимъ, писателямъ ложно-классическаго направленія и сентиментальнаго, ни къ новому, оригинальному направленію въ литературѣ, которому начало положилъ Пушкинъ. Самъ Жуковскій называетъ себя «родителемъ на Руси нѣмецкаго романтизма и поэтическимъ дядькой чертей и вѣдьмъ англійскихъ».

По происхожденію своему онъ—сынъ дворянина Бунина и турчанки. Отчество и фамилію онъ получилъ отъ крестнаго отца—бѣднаго дворянина, по фамиліи Жуковскаго. Несмотря на то, что воспитывался онъ въ барскомъ домѣ, онъ не могъ не чувствовать того, какого онъ происхожденія, какъ къ нему относятся окружающіе,—не могъ не страдать, видя отношеніе родныхъ по отцу къ матери своей, какъ къ «госпожѣ-служанкѣ»: она должна была стоя выслушивать приказанія г-жи Буниной. Легче жилось ему въ домѣ Протасовой, старшей дочери Буниныхъ: тамъ окружали его юныя нѣжныя сердца дочерей Протасовой, которыхъ онъ училъ и воспитывалъ, и изъ которыхъ нравилась ему старшая, Марья Андреевна; онъ лелѣялъ въ себѣ мечту, что она въ будущемъ составитъ его счастіе; но не позволялъ себѣ пока и подавать видъ, что онъ любитъ её. Тѣмъ не менѣе Марья Андреевна чувствовала въ сердцѣ своемъ ту

сердечную теплоту, съ которой онъ къ ней относился. Никакихъ доводовъ Василія Андреевича—о возможности брачныхъ узъ мать любимой дѣвушки не принимала, считая подобный бракъ грѣхомъ, въ виду родства по отцу. И годы не измѣнили ея взгляда: она, въ силу стѣснительныхъ обстоятельствъ, убѣдила дочь выйти замужъ за одного доктора (Мойера); но ей не долго пришлось жить на свѣтѣ: въ 1823 г. Жуковскій горько оплакалъ ея кончину и рѣшилъ въ сердцѣ своемъ не забывать свою 1-ю любовь до гроба. Эта любовь, сначала съ надеждою на счастье, а затѣмъ платоническая, на всю жизнь положила отпечатокъ на душевномъ настроеніи поэта. Вотъ двѣ причины, которыя мѣшали ему въ дѣтствѣ и юности жить спокойно, не дали возможности отрѣшиться отъ этого гнёта душевнаго и позже, когда онъ былъ принятъ при дворѣ, сдѣлался воспитателемъ наслѣдника престола А. Н., впослѣдствіи императора Александра II.

Это душевное настроеніе отразилось въ его поэзіи какъ оригинальной, такъ и переводной, потому что для переводовъ онъ выбиралъ такія произведенія, которыя гармонировали съ его душевнымъ настроеніемъ. Глубокая вѣра въ Бога примиряла его съ неизбѣжными въ мірѣ горестями. Онъ смотрѣлъ на земное существованіе, какъ на конечное, временное, а на страданіе, какъ неизбѣжное въ этой жизни,—какъ на благодѣяніе, посылаемое свыше для вразумленія человѣка. Вотъ что онъ самъ говоритъ объ этомъ: «Страданіе—творецъ великій: оно знакомитъ насъ съ тѣмъ, чего мы никогда въ безмятежномъ нашемъ блаженствѣ не узнаемъ: съ таинственнымъ вдохновеніемъ вѣры, съ утѣхою надежды, съ сладостнымъ упоеніемъ любви». Самую любовь онъ понималъ возвышенно. Такимъ обра-

зомъ, мы видимъ, что жизнь его текла, нельзя сказать, чтобъ радостно, и это сказалось на его характерѣ, на поэтическомъ творчествѣ, своеобразномъ, лично ему присущемъ *).

Оригинальнаго у Жуковскаго, сравнительно съ переводами, очень мало, о чемъ онъ самъ заявляетъ въ слѣдующихъ словахъ: «У меня почти все чужое или по поводу чужого, и все однако мое».

Жуковскій въ душѣ своей былъ романтикъ, но романтизмъ его—своеобразный, субъективный, вытекавшій изъ глубины сердца его, пережившаго много тяжелаго, мучительнаго въ жизни.

Въ чемъ же состоитъ его романтизмъ, какъ литературное направленіе? Существенныя черты этого литературнаго направленія видны въ элегіи: «Теонъ и Эсхинъ». Эта элегія говоритъ намъ о томъ, что Жуковскій не допускалъ полнаго, безъ страданій, счастія на землѣ: «Что можетъ разрушить въ минуту судьба», говоритъ онъ устами Теона Эсхину: «то на свѣтѣ не наше». Можетъ доставлять счастіе здѣсь «любовь и сладость возвышенныхъ мыслей», а также размышленіе о человѣкѣ, какъ существѣ разумномъ: «При мысли великой, что я человѣкъ, всегда возвышаюсь душою», говоритъ онъ устами Теона Эсхину. Любовь есть временное, земное счастье и—въ томъ случаѣ, когда любящіе другъ друга находятся въ разлукѣ временной, земной, или вслѣдствіе смерти одного изъ нихъ: «Страданье въ разлукѣ есть та же любовь: надъ сердцемъ утрата безсильна». Несовершенство жизни волей-неволей заставляло Жуковскаго искать идеала, но не на землѣ (гдѣ все имѣетъ

*) См. объ этомъ у Л. Н. Майкова.

конецъ), а въ загробной жизни: «Сей гробъ, затворенная къ счастію дверь, отворится... жду и надѣюсь; за нимъ ожидаетъ спутникъ меня, на мигъ мнѣ явившійся въ жизни», говоритъ Теонъ Эсхиву, указывая на гробъ, въ которомъ спитъ непробуднымъ сномъ его другъ; слѣдовательно, Жуковскій въ своей поэзіи указываетъ на идеалъ, на торжество этого идеала въ загробной жизни. Если бы мы имѣли возможность прослѣдить всѣ произведенія Жуковскаго, оригинальныя и переводныя, то убѣдились бы въ томъ, что онъ изображаетъ вообще состоянія человѣческаго сердца, но преимущественно свѣтлыя: тихую грусть, ропотъ, возвышенную любовь, надежду на лучшее въ жизни земной и за гробомъ, вѣру въ Провидѣніе, скорбь о неизвѣстномъ, стремленіе въ даль, томленіе въ разлукѣ земной и вслѣдствіе смерти,—все это основные мотивы его поэзіи. Жизнь, такая грустная, тяжелая для его сердца, была причиною того, что онъ, съ одной стороны, не примкнулъ къ Карамзиновскому сентиментализму, съ его типичною чертою—грустью, меланхоліей,—съ другой—къ новому направленію со времени Пушкина, и только, подъ конецъ жизни его, мы видимъ, что для переводовъ своихъ онъ выбираетъ такія произведенія, какъ «Наль Дамаянти», «Одиссея» и др., когда онъ женился: когда, слѣдовательно, достигъ желаемаго на землѣ, возможнаго счастія семейнаго. Новость содержанія, жизненныя картины, разнообразіе сюжетовъ въ переведенныхъ произведеніяхъ поэтовъ разныхъ временъ и народовъ, простота, доступность для пониманія, «стиховъ плѣнительная сладость»,—стиховъ мягкихъ, нѣжныхъ, пѣвучихъ, воздушныхъ (если такъ можно выразиться) во многихъ его произведеніяхъ, а также необыкновенная гуманность, доступность, несмотря на положеніе его, какъ воспитателя наслѣдника

престола, которому передалъ все лучшее своей души *); наконецъ, свѣтлый, возвышенный взглядъ на поэзію: для него «жизнь и поэзія одно», для него «поэзія небесной религіи сестра земная»; а также и на религію,—все это, при второстепенности таланта Жуковскаго, привлекало къ нему тѣхъ, которые были съ нимъ знакомы, и заставляло читателей его произведеній по нѣскольку разъ перечитывать его созданія и извлекать изъ нихъ божественный бальзамъ для сердца, въ чемъ особенно нуждалось русское общество до появленія самобытныхъ произведеній въ русской литературѣ.

IV.

Но не Жуковскому суждено было положить начало самобытной русской литературѣ: для этого необходима была сила могучая, обаятельная,—для этого необходимъ былъ геній, подобный генію Петра Великаго, который Россію вздернулъ на дыбы въ политическомъ отношеніи,—подобный генію Ломоносова, указавшаго, какъ надо работать въ наукѣ на пользу «любезнаго отечества», и такимъ геніемъ въ области литературы явился Пушкинъ, не примкнувшій ни къ одному изъ литературныхъ направленій, господствовавшихъ въ нашей литературѣ со времени Ломоносова (ложно-классицизмъ, сентиментализмъ, роман-

*) Припомнимъ его сердечное отношеніе въ С.-Петербургѣ и въ Воронежѣ (когда онъ былъ здѣсь съ наслѣдникомъ престола) къ нашему поэту А. В. Кольцову, а также —къ Пушкину, Гоголю и др.

тизмъ). Кипучая натура, жизнерадостный, воспитанный въ либеральную эпоху Александра Благословеннаго, Пушкинъ своими самыми разнообразными созданіями художественными началъ періодъ самобытной русской литературы; въ своихъ произведеніяхъ, не нарушая правды, онъ изображалъ главнымъ образомъ свѣтлыя стороны русской дѣйствительности; по мѣткому выраженію Бѣлинскаго, его поэзія—земля, проникнутая небомъ; Пушкинъ въ литературѣ, а, слѣдовательно, и въ жизни былъ новымъ «краснымъ солнышкомъ», озарившимъ путь, по которому пошли послѣдующіе поэты, изъ которыхъ—одни стали изображать темныя стороны жизни, другіе свѣтлыя,—одни, бичуя пороки и недостатки общества, къ каковымъ принадлежалъ Лермонтовъ,—другіе, въ своихъ произведеніяхъ уловляя важнѣйшіе моменты умственнаго и нравственнаго развитія, какъ Тургеневъ,—третьи, осмѣивая мракъ, невѣжество, косность. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ Н. В. Гоголь, благоговѣвшій предъ своимъ учителемъ—Пушкинымъ. Въ поэзіи Пушкина мы встрѣчаемъ постоянно розы, но розы съ шипами; у Грибоѣдова преобладаетъ горькое чувство негодованія при видѣ несовершенства жизни; Лермонтовъ своими созданіями въ стихахъ, «облитыхъ горечью и злостью», заявляетъ, что нѣтъ смысла изображать, подобно Пушкину, свѣтлое, когда этого свѣтлаго мало (Татьяна Ларина, Чацкій... но больше Скалозубы, Фамусовы, Молчалины, Печорины. .); что необходимо бичевать за пороки, за уклоненіе отъ идеаловъ, и преемники Пушкина, будучи сами великими, подобно ему, въ рѣдкихъ случаяхъ рисуютъ, какъ я уже сказалъ, идеальное: они предпочитаютъ бороться съ врагами родной земли—невѣжествомъ, пороками,—бить въ самое сердце читателя,—въ сердце, въ кото-

ромъ, по выраженію Прудона, звѣрь сидитъ; указываютъ иной жизненный путь,—путь по слову евангельскому. Къ числу такихъ-то величайшихъ писателей принадлежитъ и Н. В. Гоголь, имѣющій особыя типическія черты души и творчества.

V.

Малороссъ по происхоженію, любимецъ и баловень матери, благоговѣвшей передъ сыномъ; надѣленный отъ природы необыкновенною способностью проникать въ глубину человѣческаю сердца, Н. В. Гоголь, упивавшійся въ юности красотами южно-русской природы, жизнерадостный, какъ и сама природа Мало россіи; глубоко вѣрившій въ торжество идеала, съ самого начала своей сознательной жизни былъ убѣжденъ въ томъ, что принесетъ великую пользу родной землѣ; но, по мѣрѣ развитія своего, встрѣчаясь съ «грязною дѣйствительностью», все больше и больше уразумѣвая жизнь, глубокую испорченность нравовъ своихъ согражданъ, онъ при смѣхѣ надъ тѣмъ, что противорѣчило идеямъ истины, красоты, и добра,—при видѣ несовершенства братій, начинаетъ смѣяться и въ то же время скорбѣть, а затѣмъ и проливать «незримыя, невѣдомыя міру слезы». Прекрасно охарактеризованъ этотъ даръ Гоголя въ одномъ стихотвореніи:

«Въ безстрашной дерзости нахально торжествуя,
Гуляли по свѣту порокъ, уродство, грѣхъ,
И вдругъ встревоженно попрятались, почуя
Опаснаго врага: то былъ всесильный смѣхъ,
Не ядовитый смѣхъ слѣпого озлобленья—
Нѣтъ, тотъ, въ чьей глубинѣ бѣжитъ, чиста, свѣтла,

Струя широкая любви и сожалѣнья
О братьяхъ, гибнущихъ въ оковахъ духа зла.
Какъ Божьи вѣстники, спасительныя грозы,
Сметаютъ прочь съ небесъ ряды зловѣщихъ тучъ,
Такъ этотъ чудный смѣхъ, всѣмъ видимый —
сквозь слезы,
Никѣмъ незримыя, понесся смѣлъ, могучъ» *).

Смѣхъ Н. В. Гоголя, измѣнявшійся вмѣстѣ съ ростомъ генія этого писателя, наконецъ, обратился въ смѣхъ сквозь слезы... Въ самомъ дѣлѣ—въ началѣ литературнаго поприща великій нашъ писатель чувствуетъ упоеніе при видѣ малороссійской степи въ маѣ, пестрѣющей разными цвѣтами,—при видѣ величественной рѣки, на которой раскинулся Кіевъ, «мать городовъ русскихъ»,— слыша жужжаніе насѣкомыхъ, нескончаемое пѣніе птицъ, жизнерадостно смѣется, видя, какъ приплясываетъ пьяный Каленикъ, или—какъ чортъ ловитъ мѣсяцъ, чтобы спрятать его въ карманъ, или—какъ суевѣрные малороссы принимаютъ за сатану бабу, очутившуюся въ хатѣ, подъ замкомъ, по желанію разгулявшихся паробковъ **) и т. д. Въ одномъ стихотвореніи это настроеніе души Гоголя изображено слѣдующимъ образомъ:

«Смѣхъ его лаской, любовью дышалъ:
Злобы въ немъ не было дикой.
Какъ увлекался онъ синимъ Днѣпромъ!
Свѣтомъ украинской ночи!
Съ дѣвственно чистымъ воспѣлъ онъ огнемъ
Южной красавицы очи!...
. . . .

---

*) В. В. Каллашъ: «Н. В. Гоголь въ русской поэзіи» (Стих. П. И. Вейнберга). М. 1902 года.

**) «Майск. ночь, или утопленница».

Сказку, легенду, преданье ль народное
Съ новыхъ поэтъ освѣщаетъ сторонъ,
Но и въ него добродушье природное
И теплоту вноситъ онъ!» *).

Но проходитъ это упоеніе... начинаетъ поэтъ постигать жизнь, и смѣхъ его измѣняется: Гоголь смѣется и груститъ, видя предъ собою людей, подобныхъ старосвѣтскимъ помѣщикамъ, Ив. Ивановичамъ и Ив. Никифоровичамъ; а затѣмъ начинаетъ проливать сквозь смѣхъ «незримыя, невѣдомыя слезы», встрѣчая въ согражданахъ людей, подобныхъ городничему (въ «Ревизорѣ») и его синклиту, или—Чичикову, Ноздреву, Собакевичу, Плюшкину и др., или—подобныхъ женѣ городничаго и дочкѣ ихъ, «дамѣ, просто пріятной» и—«пріятной во всѣхъ отношеніяхъ», Маниловой, Коробочкѣ и др. . Создавъ эти типы, Гоголь, безпредѣльно любившій Русь, пришелъ въ ужасъ отъ той пошлости, ничтожности, «грязной дѣйствительности», которая выступила въ его созданіяхъ предъ всенародныя очи, въ особенности—при мысли, что, со смертью Пушкина, не стало писателя, которому было дано въ удѣлъ изображать свѣтлыя стороны жизни, и задумалъ создать типы, противоположные тѣмъ, которые изображены въ «Ревизорѣ», «Мертвыхъ душахъ» и другихъ его произведеніяхъ,—задумалъ создать свѣтлые типы, для чего рѣшилъ пересоздать себя: онъ сдѣлался подъ конецъ жизни аскетомъ: та религіозная искра, которая заложена была въ его душѣ матерью его, обратилась въ жаркое пламя и сожгло его отъ природы слабый организмъ. О его душевномъ состояніи предъ смертью Н. Бергъ говоритъ:

... «Когда межъ нами жилъ
И дѣйствовалъ, и мыслилъ этотъ геній,

*) См. у В. В. Каллаша стр. 49 и 50-ю.

Исполненный живыхъ, чудесныхъ силъ
И тайныхъ, неразгаданныхъ видѣній:
Тогда вполнѣ его не понималъ
Никто изъ насъ, по-своему толкуя
О томъ, что онъ въ душѣ своей скрывалъ,
Одинъ за всѣхъ страдая и тоскуя.
И малодушно былъ онъ осужденъ,
И много въ немъ увидѣли пороковъ,
И много нареканій вынесъ онъ,
И горько оскорбительныхъ упрековъ,
Но все молчалъ, таясь отъ всѣхъ вдали...
И умеръ онъ» *)...

То же состояніе души Гоголя изображено Тройницкимъ въ слѣдующихъ стихахъ, обращенныхъ къ великому писателю:

«Ты мыслилъ много и страдалъ,
И умеръ. Не осуществился
Тебя томившій идеалъ:
Изъ дальняго переселился
Ты въ оный міръ»... **)

Поэтъ отошелъ въ другой міръ со словами на устахъ: «Лѣстницу!... лѣстницу!»... Но смѣхъ, сначала «заразительный», а затѣмъ перешедшій постепенно въ горькій, вызывающій у читателей безсмертныхъ произведеній великаго сердцевѣда-юмориста слезы, живетъ и теперь и будетъ жить, «доколь въ подлунномъ мірѣ живъ будетъ хоть одинъ піитъ». Этотъ-то смѣхъ и есть та поэтическая особенность творчества Гоголя, которая рѣдко встрѣчается не только въ русскихъ литературныхъ памятникахъ,

*) В. В. Каллашъ. «Сборникъ»... стр. 23.
**) Тамъ же стр. 27.

но и въ произведеніяхъ всемірной литературы.

Кромѣ этой черты души, великій писатель-юмористъ отличался необкновенною наблюдательностью: «Воображеніе мое»... говоритъ онъ: «не создало ни одной такой вещи, которую гдѣ-нибудь не подмѣтилъ мой взглядъ въ натурѣ». Дѣйствительно, Гоголь во все всматривался, вдумывался; всему хотѣлъ знать причину: онъ анализировалъ душу человѣческую, подобно анатому, при помощи разныхъ иструментовъ изучающему мелчайшія частички тѣла: изображая, напр., «прорѣху на человѣчествѣ» (Плюшкина), ловкаго дѣльца-эгоиста Чичикова и др., онъ указываетъ, почему они были такими, а не другими. Подобнымъ изображеніемъ жизни Гоголь положилъ начало реализму въ русской литературѣ,—реализму художественному,—не тому, который позже появился въ западной литературѣ и дошелъ подъ перомъ Золя до nec plus ultra: нашъ великій писатель—реалистъ, изображая реально «пошлость пошлаго человѣка», все возводилъ «въ перлъ созданія»:

«Родного юмора создатель незабвенный,
Поэтъ и реалистъ, мыслитель вдохновенный,
Въ своихъ твореніяхъ онъ силу реализма
Сумѣлъ соединить съ душевностью лиризма!» *)

Въ-третьяхъ, реализмъ, соединенный съ необыкновенной наблюдательностью и глубокимъ анализомъ души человѣческой, не мѣшалъ быть великому писателю-юмористу въ то же время и истиннымъ художникомъ, понимавшимъ, что изображеніе злобы дня, изображеніе жизни съ предвзятою цѣлью, не есть

*) В. В. Каллашъ: «Н. В. Гоголь въ рус. поэзіи», стр. 37.

назначеніе его. Вотъ почему его Маниловъ, Ноздревъ, Коробочка, Собакевичъ, Плюшкинъ, Чичиковъ, городничій, полицъ-мейстеръ и др.—дѣйствительно живыя лица, художественные типы; вотъ почему большинство этихъ типовъ обратилось въ нарицательныя имена.

Въ-четвертыхъ, изображая Өетинью, Петрушекъ, Осиповъ, Селифановъ и др., Н. В. Гоголь пробуждалъ въ сердцахъ читателей состраданіе къ этимъ забитымъ, запуганнымъ крѣпостнымъ людямъ; а, выставляя «на всенародныя очи» умственное и нравственное ничтожество, убожество, «мертвыя души» людей, подобныхъ Чичикову, Плюшкину, Хлестакову, Иванамъ Ивановичамъ, Бобчинскому и Добчинскому и др., обращалъ вниманіе на то, что подобная жизнь людей,—людей съ «мертвыми душами»—противорѣчитъ представленію о человѣкѣ, какъ «разумномъ Божьемъ созданьи»,—вызывалъ у читателей (по контрасту) представленіе жизни противоположной,—вызывалъ образы людей съ живыми душами,—по контрасту вызывалъ (да и теперь вызываетъ) въ душахъ читателей идеалы, къ которымъ они, читатели, должны стремиться. Въ данномъ случаѣ великій нашъ писатель исполнялъ завѣтъ великаго своего учителя,—завѣтъ, высказанный въ стихѣ: «Глаголомъ жги сердца людей», при чемъ Пушкинъ «жегъ сердца людей» при помощи «звуковъ сладкихъ и молитвъ», т.-е. создавая истинно поэтическія произведенія, вполнѣ художественныя, оказывающія на сердца читателей такое же вліяніе, какъ и горячая, искренняя молитва *); Гоголь же «жегъ сердца людей», юмористически изображая «пошлость пошлаго человѣка», дерзая

*) См. въ «Фил. Зап.» за 1899 г., въ вып. I—II нашу ст.: «Памяти А. С. Пушкина».

«вызвать» наружу все, что ежеминуто предъ очами, и чего не зрятъ равнодушныя очи,—всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь; всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земная, подчасъ горькая и скучная дорога»,—дерзая «крѣпкою силою неумолимаго рѣзца выставить ихъ выпукло и ярко на всенародныя очи». Вотъ почему великій ученикъ великаго учителя—Пушкина, оцѣнивая свои произведенія и своего учителя, сказалъ: «равно чудны стекла, озирающія солнца и передающія движенья незамѣченныхъ насѣкомыхъ».. Пушкинъ далъ намъ, напр., поэтическій свѣтлый образъ Татьяны Лариной, Марьи Ивановны Мироновой; Грибоѣдовъ—съ одной стороны, Чацкаго, съ другой—Фамусова и его родичей по умственному и нравственному убожеству, а «великій меланхоликъ»—юмористъ, рисуя «грязную дѣйствительность», говоритъ читателямъ и читательницамъ: не будьте подобны Марьѣ Андреввѣ, Марьѣ Антоновнѣ Сквозникъ-Дмухановскимъ, Маниловой, Коробочкѣ, «дамѣ, просто пріятной», и «дамѣ, пріятной во всѣхъ отношеніяхъ» (интересъ жизни послѣднихъ—бантики, фестончики, матеріи лапками... завлеканіе сердецъ Павловъ Ивановичей Чичиковыхъ...); избѣгайте той «пошлости пошлаго человѣка», которую видите у Сквозника-Дмухановскаго, Хлестакова, Земляники, Добчинкаго и Бобчинскаго, Ноздрева, Манилова, Собакевича, Плюшкина, Чичикова, у представителей губернскаго города N. и пр. . и пр...

Въ-пятыхъ, какъ поэтъ-художникъ, Н. В. Гоголь такъ умѣлъ пользоваться богатствомъ и красотами родного языка, какъ весьма немногіе изъ русскихъ писателей: картины природы, сцены изъ жизни, характеры лицъ и проч., изображенные имъ, по языку—это «пер-

лы созданій» (мы не приводимъ цитатъ: кто изъ насъ не увлекался живымъ, картиннымъ языкомъ его произведеній?).

Бѣглыхъ моихъ замѣтокъ, думаю, достаточно для того, чтобы представить великій духовный образъ нашего писателя, которымъ вмѣстѣ съ Пушкинымъ созданы—наша національная литература, нашъ литературный языкъ: Пушкинъ и Гоголь, идеализмъ и реализмъ, въ нашей литературѣ, тѣсно связаны другъ съ другомъ; ученикъ и учитель, братья по духу, они оба горячо любили родную Русь, оба пошли безъ колебанія къ истиннымъ свѣтящимся точкамъ и повели за собою народную, читавшую ихъ созданія, массу, представители которой—писатели XVIII и начала XIX в.в. не могли попасть на путь истины,—оба они «соединены тѣсною связью съ развитіемъ общественнаго самосознанія, переходившаго подъ ихъ вліяніемъ отъ чисто художественныхъ впечатлѣній къ размышленію о нравственномъ достоинствѣ человѣка и, наконецъ, примѣнявшаго эти размышленія къ практическимъ явленіямъ общественности»; но между ними было и большое различіе: оно «сказалось въ историческомъ осуществленіи ихъ вліянія въ литературѣ и общественныхъ понятіяхъ. Они были близко родственны въ своихъ представленіяхъ о высокихъ задачахъ искусства, которое должно... стремиться только къ исполненію того, что внушается поэтическимъ, почти божественнымъ вдохновеніемъ»... Пушкинъ и Гоголь были двѣ художественныя натуры весьма различнаго склада: оба высоко ставили искусство, но одинъ былъ художественный созерцатель, у котораго жизненныя впечатлѣнія слагались въ объективныя художественныя картины; другой къ «всеобщей (по старому выраженію Плетнева) поэзіи былъ и равно-

душенъ, и неспособенъ, его наблюденіе направлялось исключительно на окружавшую его русскую дѣйствительность, и при томъ не въ смыслѣ объективнаго изображенія, а, напротивъ, въ тонѣ глубокаго юмора, который останавливается на повседневныхъ явленіяхъ и въ «смѣхѣ сквозь слезы» раскрываетъ ихъ внутренній смыслъ и отъ комическаго доходитъ до трагедіи и глубокаго нравственнаго дѣйствія». Съ «Мертвыми душами», безсмертнымъ созданіемъ Гоголя, «въ русскую литературу вступалъ новый тонъ искусства, и Пушкинъ былъ въ числѣ первыхъ, которые въ самомъ началѣ признали его законность и его сильное дѣйствіе. То же самое дѣйствіе почувствовано было читателями Гоголя: въ немъ увидѣли совершенно новую силу, и когда ея дѣйствіе оказалось на дальнѣйшихъ явленіяхъ литературы, то именно въ немъ многіе увидѣли начинателя нашего художественнаго реализма и юмора, которые придали нашей литературѣ по преимуществу общественный характеръ. За Пушкинымъ осталась великая заслуга установить на нашей почвѣ начала искусства, Гоголю предоставлено было открыть съ глубокимъ художественнымъ анализомъ изображеніе русской дѣйствительности» *), т.-е. и Пушкинъ, и Гоголь—оба велики, оба—равносильныя величины: они положили начало самобытной русской литературѣ съ идеалистическо-реалистическимъ направленіемъ, указали путь, по которому пошли послѣдующіе писатели; оба они, рисуя одинъ свѣтлыя стороны жизни, а другой темныя, развивали въ современномъ имъ обществѣ правильный, идеальный взглядъ на литературу и жизнь. Взглядъ великихъ своихъ предшественниковъ на поэзію и жизнь раздѣлялъ и провелъ въ своихъ созданіяхъ И. С. Никитинъ.

*) А. Н. Пыпинъ. «Истор. рус. литер.» т. IV, стр. 559 и 560.

VI.

Считаемъ своимъ долгомъ сказать нѣсколько словъ въ этотъ свѣтлый для Россіи день и о нашемъ воронежскомъ поэтѣ И. С. Никитинѣ: онъ умеръ 16 окт. 1861 г. и сороколѣтіе со дня смерти его, слѣдоват., исполнилось въ прошедшемъ 1901 году. Вы въ 1899 г. уже слышали слово мое о нашемъ поэтѣ-страдальцѣ, и теперь я только въ общихъ чертахъ напомню вамъ о жизни и поэтическомъ его творчествѣ.

И. С. Никитинъ, въ силу жизненныхъ тяжелыхъ обстоятельствъ, своего развитія, взгляда на жизнь, примкнулъ къ тому направленію въ литературѣ, которому начало положено Пушкинымъ и Гоголемъ.

«Литература наша», говоритъ Ап. А. Григорьевъ: «развиваетъ его (Пушкина) задачи, въ особенности же типъ Бѣлкина... Бѣлкинъ Пушкинскій былъ первымъ выраженіемъ критической стороны нашей души, очнувшейся отъ сна, въ которомъ грезились ей различные міры» *)... Гоголь по природѣ своей, да и по характеру самой жизни русской, представлявшей мало свѣтлаго, еще реальнѣй сталъ изображать эту жизнь, темныя ея стороны («пошлость пошлаго человѣка»), чтобы читатели вникли умомъ въ эту жизнь и почувствовали къ ней отвращеніе въ своихъ сердцахъ. Лермонтовъ пошелъ дальше въ этомъ отношеніи: онъ не скорбѣлъ при видѣ несовершенства жизни, не проливалъ слезъ, подобно Гоголю, а негодовалъ на людей, погрязнувшихъ въ житейскихъ мелочахъ,—бичевалъ въ своихъ произведеніяхъ пороки.

---

*) Ап. Григорьевъ. Собр. соч. I т. СПБ. 1876 г.

Въ предисловіи къ своему роману: «Герой нашего времени», онъ говоритъ: «Довольно людей кормили сластями»... имъ «нужны горькія лѣкарства, ѣдкія истины».

Нашъ поэтъ изображалъ въ своихъ созданіяхъ жизнь реально, но не позволялъ себѣ, при изображеніи горькихъ страданій обездоленнаго люда, ни смѣяться надъ нимъ, ни негодовать на него за его слабости и пороки; мало этого: онъ, считая грѣхомъ допускать подобное отношеніе поэта-сатирика къ людямъ (см. стих. 1860-го года: «Поэту обличителю»), избралъ иной, ему судьбою назначенный, способъ изображенія жизни, о чемъ онъ говоритъ въ заключительныхъ стихахъ своей поэмы: «Кулакъ»:

«Не ради шутки, не отъ скуки
Я, какъ умѣлъ, слагалъ мой стихъ:
Я воплощалъ боль сердца въ звуки!»...

Отъ природы надѣленный необыкновенно крѣпкимъ организмомъ, что давало ему возможность въ юности съ четырьмя пудовыми гирями, привязанными къ рукамъ и ногамъ, подниматься по довольно высокой лѣстницѣ на сѣнникъ (послѣ спора съ товарищами-сверстниками о томъ, кто сильнѣе, чтобы показать свою молодецкую удаль *); жившій въ эту цвѣтущую пору жизни богато, нашъ поэтъ вскорѣ послѣ этого (вслѣдствіе того, что матеріальное состояніе отца, имѣвшаго годовой торговый оборотъ въ 100,000 руб. ассигнаціями, рухнуло) принужденъ былъ до окончанія курса выйти изъ духовной семинаріи и, имѣя отъ природы богатыя силы души, навсегда похоронить свои мечты объ университет-

*) См. нашу замѣтку относительно «Матеріаловъ для біографіи И. С. Никитина» за 1901 г. въ IV—V в.в. «Филолог. Зап.».

скомъ образованіи. Нужда, борьба изъ-за насущнаго, почти постоянно пьяный отецъ (а первые годы нужды, по выходѣ изъ семинаріи, и мать); иногда небрежное отношеніе къ своему здоровью *), горькая, безысходная жизнь обездоленнаго люда, среди котораго онъ вращался, и многое другое—были причиною его преждевременной смерти (со дня которой 16 окт. прошедшаго 1901-го исполнилось сорокъ лѣтъ). Но, несмотря на эти тяжелыя жизненныя обстоятельства, несмотря на горькую чашу, которую ему пришлось испить въ теченіе своей кратковременной жизни, И. С. Никитинъ не зарылъ въ землю своего таланта: онъ, часто при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, читалъ, вдумывался въ прочитанное, наблюдалъ, изучалъ «бѣдность горемычную» мѣщанъ и крестьянъ, съ которыми ему приходилось сталкиваться, какъ слугѣ и хозяину постоялаго двора,—переживалъ своимъ сердцемъ горе и страданіе, свое и чужое, и эту-то горькую жизнь изображалъ въ своихъ произведеніяхъ или, какъ онъ самъ объ этомъ говоритъ: «воплощалъ боль сердца въ звуки»... или въ другомъ мѣстѣ:

«Пали на долю мнѣ пѣсни унылыя,
Пѣсни печальныя, пѣсни постылыя;
Радъ бы не пѣть ихъ, да грудь надрывается:
. . . .
Бѣдность голодная, грязью покрытая;
Бѣдность несмѣлая, бѣдность забитая...
. . . .
Гибнетъ она, и опоры нѣтъ волоса,
Теплаго сердца, знакомаго голоса...

---

*) См. объ этомъ въ біографіи Никитина, написанной Де-Пуле и напечатанной при собр. соч. нашего поэта.

Горькій полынь—эта пѣснь невеселая,
Пѣснь невеселая, правда тяжелая!»...

Искренность, горячая любовь къ страдающимъ мѣщанамъ и крестьянамъ—чрезъ бѣдность, жестокость, невѣжество и т. п. (см. его произведенія: «Могила дитяти», «Жена ямщика», «Ссора», «Старый слуга», «Старикъ—другоженецъ», «Бурлакъ», «Внезапное горе», «Безталанная доля», «Портной», «Хозяинъ» и др.,—поэму: «Кулакъ»)—вотъ что заставляло нашего поэта «воплощать боль сердца въ звуки»... Этотъ-то горькій даръ, выпавшій на долю его, и есть одна изъ основныхъ и симпатичнѣйшихъ чертъ творчества И. С. Никитина. Кромѣ того, онъ 1) горячо любилъ «Русь державную», 2) глубоко вѣрилъ въ смыслъ жизни, въ Провидѣніе; 3) любилъ бывать въ полѣ, лѣсѣ, на рѣкѣ, т.-е. среди природы, которая была для него «другомъ и наставникомъ». Все это служило для него отрадою, утѣшеніемъ среди горестей и страданій, которыя преждевременно свели его въ могилу, и все это ярко отразилось въ его поэзіи.

Несомнѣнно, поэзія Никитина вызывала и будетъ долго вызывать у читателей щемящее состояніе сердца яркимъ изображеніемъ горестей и страданій,—сострадаліе къ «бѣдности горемычной» *). Объ этой бѣдности и вліяніи ея на человѣка говоритъ и Некрасовъ въ стихахъ:

«Придавила меня бѣдность грозная;

*) Подробный анализъ и значеніе поэтической дѣятельности Никитина см. у И. И. Иванова («Р. Мысль»), у И. М. Камова («Р. Филол. Вѣстн.») и въ нашей статьѣ («Филол. Зап.» 1899 г., V в.), а также и отд. брошюру: «Памяти И. С. Никитина».

Запугалъ меня съ дѣтства отецъ;
Безталанная долюшка слезная
Извела, доканала въ конецъ»; но у кого больше правды, искренности, у Никитина ли, или у Некрасова, объ этомъ извѣстно каждому образованному человѣку. Что касается нашего поэта, то онъ, несмотря на безотрадное въ жизни, боролся со всѣмъ, что мѣшало ему итти къ свѣту. Это безотрадное въ жизни, между прочимъ, имъ изображено въ двухъ автобіографическихъ его стихотвореніяхъ: «Ахъ, у радости быстрыя крылья»... «Ахъ, ты, бѣдность горемычная»...

Въ стихотвореніи: «Ахъ, ты, бѣдность горемычная»... поэтомъ названо почти все, что бываетъ съ человѣкомъ вслѣдствіе матеріальной необезпеченности:

«Ахъ, ты, бѣдность горемычная,
Дома въ горѣ терпѣливая,
Къ куску черствому привычная,
Въ чужихъ людяхъ боязливая!
Всѣмъ ты, робкая, въ глаза глядишь,
Сирота, стыдомъ убитая;
Къ богачу придешь,—въ углу стоишь,
Безпривѣтная, забытая;
Ты плывешь, куда водой несетъ;
Стороной бредешь, гдѣ путь дадутъ;
Просишь солнышка, гроза идетъ;
Скажешь правду, силой ротъ зажмутъ.
У тебя весна безъ зелени,
А любовь твоя безъ радости,
Твоя радость безо времени,
Немочь съ голодомъ при старости;
Вѣкъ ты мучишься да маешься,
Все на сердцѣ грусть великая;
Съ бѣлымъ свѣтомъ ты разстанешься,

На могилѣ травка дикая».

Въ слѣдующемъ стихотвореніи поэтъ говоритъ, что радостью поддерживается бодрость духа; но у него—больше «кручинушка, ночь безъ разсвѣта: радость при «бѣдности горемычной» желанная, но неумолимая гостья:

«Ахъ, у радости быстрыя крылья,
Золотыя да яркія перья!
Прилетитъ,—вся душа встрепенется,
Передъ смертью больной улыбнется!

Ужъ зазвать бы мнѣ радость обманомъ,
Задержать и мольбою, и лаской:
Отъ тумана глаза бъ прояснились,
На веселый ладъ пѣсни бъ сложились...

Ты, кручинушка, ночь безъ разсвѣта,
Безъ разсвѣта да съ холодомъ, съ вѣтромъ...
При тебѣ—вся краса изсушится,
При тебѣ въ головѣ помутится.

Ужъ и будь ты, кручинушка, пепломъ,—
Весь бы по полю въ бурю развѣялъ:
Пусть бы травушка въ полѣ горѣла,
Да на сердцѣ смола не кипѣла».

Это безотрадное въ жизни прежде времени свело его въ могилу, сокрушивъ его могучій организмъ; но умственно, нравственно нашъ поэтъ остался невредимъ до послѣднихъ минутъ жизни. Слѣдовательно, мы имѣемъ право сказать, что И. С Никитинъ и своею страдальческою жизнью указывалъ современникамъ и указываетъ намъ, какъ должно жить, чтобъ имѣть право называться «разумнымъ Божьимъ созданьемъ»...

Заключеніе.

Русь, въ лицѣ своихъ великихъ людей въ разныхъ областяхъ науки и искусства (а также и въ жизни практической), со времени Петра Великаго дѣйствительно пошла, какъ свидѣтельствуютъ наши литературные памятники, гигантскими шагами по пути къ свѣту. Къ этой-то Руси Гоголь и обратился съ словами: «Русь, куда жъ ты несешься?» Но вѣдь это были только единицы!.. остальная Русь—это Русь, изображенная въ произведеніяхъ Кантемира, Державина, Фонвизина, Крылова, Грибоѣдова, Гоголя, Лермонтова и др.,—это та Русь, которая являлась мачехой для всѣхъ великихъ, въ томъ числѣ Гоголя и Никитина,—была причиной страданій нашихъ писателей и нерѣдко преждевременной ихъ смерти. Въ силы первой и возможность воскресенія второй Гоголь (и др. писатели) вѣрилъ и любилъ ту и другую; чтобы пробудить отъ сна вторую, темную Русь, «горькимъ смѣхомъ своимъ смѣялся» надъ нею, горько плакалъ «незримыми, невѣдомыми міру слезами», видя, что въ XIX вѣкѣ, даже въ день Свѣтлаго Воскресенія христіанинъ, «безъ стыда и не дрогнувъ душою, говоритъ: «Я не могу обнять этого человѣка: онъ мерзокъ, онъ подлъ душою, онъ запятналъ себя безчестнѣйшимъ поступкомъ... неужели мнѣ обнять такого человѣка, какъ брата?»

Далеко ли мы, простившіеся недавно съ XIX вѣкомъ (до пятидесятилѣтней годовщины со дня смерти Гоголя, оставившаго намъ эти горькія строки), ушли по пути къ свѣту, къ которому звали и зовутъ насъ на-

ши великіе писатели? Исполняемъ ли мы ихъ завѣты? Нѣтъ, имѣемъ мы право сказать за нашихъ великихъ. Русь просвѣщенная мчится впередъ болѣе умомъ, чѣмъ сердцемъ: развѣ нѣтъ среди русскаго общества, среди насъ, лицъ, похожихъ на Чичикова, Ноздрева, Коробочку, Маниловыхъ?... Развѣ русская женщина отрѣшилась вполнѣ отъ тѣхъ правилъ—путъ свѣта, которыя подчеркнулъ Гоголь, изображая, напр., воспитаніе и образованіе Маниловой?!..

Наша задача, особенно въ школѣ, пока есть возможность «да разумъ, да воля, да Божье хотѣнье», изучать и изучать разумно произведенія нашихъ великихъ писателей, воспринимать идеи ихъ, заключающіяся въ ихъ произведеніяхъ, не однимъ только умомъ, но и сердцемъ (и сердцемъ болѣе, чѣмъ умомъ: «умственности» у насъ достаточно), чтобы мы, хоть въ день Свѣтлаго Воскресенія, могли забыть про рознь, обнять брата, и тогда не будетъ слышаться изъ могилы голосъ Гоголя съ упрекомъ: и въ свѣтлое Христово Воскресеніе не обыметъ братъ («во Христѣ») брата!... Многія русскія женщины, главная надёжа свѣтлаго будущаго Россіи,—женщины съ образованіемъ, увлекаются (и увлекаются болѣе, чѣмъ женщины другихъ народовъ!) тѣмъ, что составляло суть жизни «дамы, просто пріятной», и «дамы, пріятной во всѣхъ отношеніяхъ»!...

Побольше же, дѣти, глубокаго изученія созданій нашихъ великихъ писателей; поразумнѣй же воспринимайте сердцемъ своимъ тѣ завѣты, которые оставлены намъ великими писателями въ ихъ произведеніяхъ для борьбы съ эгоизмомъ, царящимъ въ жизни; побольше пріобрѣтайте знаній, вносящихъ свѣтъ въ наши души:

«Наша сила—наука и знаніе;
Наша почва—простые умы;
Наша цѣль человѣка возстаніе
Изъ невѣжества, праха и тьмы»...

—знаній серьёзныхъ, облагороживающихъ наши сердца, способныхъ избавить насъ отъ того, что выставилъ «на всенародныя очи» Гоголь, что бичуетъ въ своихъ произведеніяхъ Лермонтовъ,—избавить отъ холоднаго отношенія къ страдающимъ, о которыхъ говоритъ въ своихъ созданіяхъ нашъ поэтъ-страдалецъ Никитинъ и другіе наши великіе писатели.

Если же мы попрежнему будемъ апатично относиться къ святымъ завѣтамъ нашихъ великихъ писателей, не будемъ воспринимать этихъ завѣтовъ своими сердцами: то они, всѣ великіе наши писатели, постоянно словами нынѣ чествуемаго Н. В. Гоголя будутъ говорить намъ вмѣстѣ съ послѣднимъ: «Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!» и мы будемъ виновниками страданій и даже преждевременной смерти современныхъ намъ писателей, какъ чрезъ грѣхи нашихъ предковъ страдали и въ расцвѣтѣ силъ душевныхъ сошли въ могилу—Пушкинъ, Лермонтовъ, Кольцовъ, Гоголь, Никитинъ и др. свѣточи великой нашей «Руси державной, нашей родины православной», которую они такъ горячо любили.

С. Прядкинъ.

Воронежъ.
18—21 февраля 1902 г.

Содержаніе рѣчи.

I. Умственное и нравственное состояніе Руси во 2-й половинѣ XVII в. и при Петрѣ В.

II. То же состояніе Руси по литературнымъ памятникамъ XVIII в.

III. Типическія черты творчества Жуковскаго и значеніе его въ литерктурѣ и жизни русскаго народа.

IV. Бѣглый взглядъ на рус. литер. до появленія на литератури. поприщѣ Гоголя.

V. Особенности творчества Гоголя и значеніе его литературной дѣятельности. Пушкинъ и Гоголь положили начало оригинальной русской литературѣ.

VI. Никитинъ шелъ по пути, указанному Пушкинымъ и Гоголемъ. Умственный и нравственный кругозоръ Никитина. Особенности его творчества и главнѣйшіе мотивы его поэзіи.

Заключеніе. Одною изъ самыхъ серьёзныхъ задачъ учащихся должно быть разумное изученіе литературныхъ произведеній, въ которыхъ хранятся великіе завѣты писателей потомству.